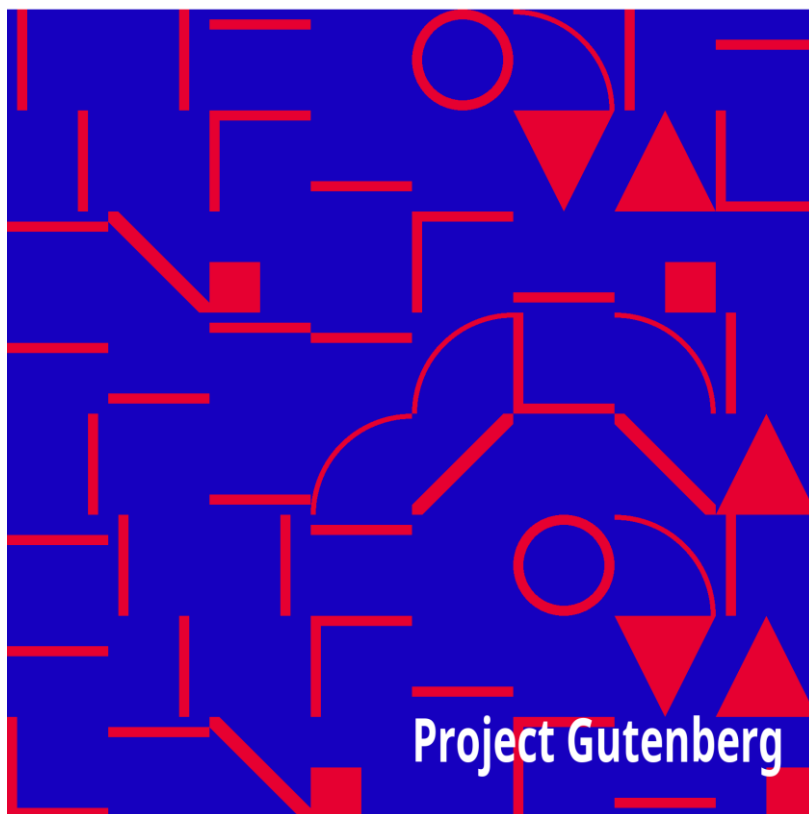

Ведьма из Салема или свихнувшееся легковерие

Джон Р. Мусик

The Witch of Salem; or, Credulity Run Mad

John R. Musick

The Project Gutenberg eBook of The Witch of Salem; or, Credulity Run Mad.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: The Witch of Salem; or, Credulity Run Mad

Автор: Джон Р. Мусик

Иллюстратор: Ф. А. Картер

Дата выхода: 12 августа 2008 [eBook #26282]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Сюзанной Шелл, Ларком Спейером и командой Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE WITCH OF SALEM; OR, CREDULITY RUN MAD ***

КОЛУМБИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ВЕДЬМА ИЗ САЛЕМА.

ИСТОРИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ХРОНОЛОГИЯ.

Ведьма из Салема

Колумбийский
Исторический
Романы

Автор: Джон Р. Мусик

С курсами чтения

Полная история Соединенных Штатов со времен Колумба до наших дней

Сто фотогравюр, полутоновые пластины, карты периодов и многочисленные рисунки пером и тушью, автор **Ф. А. КАРТЕР**

КОМПАНИЯ Р. Х. УИТТЕН
Нью-Йорк Лос-Анджелес

Авторское право, 1906 г.

КОМПАНИЯ "ФАНК И ВАГНАЛС

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки

Уильям Пенн заключает договор о мире и дружбе с индейцами

КОЛУМБИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ТОМ VII

Ведьма из Салема, или Поверие в безумие

Автор: ДЖОН Р МУСИК

Иллюстрации Фрилэнда А. Картера

THE R. H. WHITTEN COMPANY *New York Los Angeles* Copyright, 1893, by the

КОМПАНИЯ "ФАНК И ВАГНАЛС

[Зарегистрировано в *Stationers' Hall, Лондон, Англия*].

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вернуться в прошлые века, отрешиться от того, что мы знаем и чем являемся, и составить четкое представление о бывших поколениях, их опыте, предметах, образе жизни, мышлении и самовыражении - задача не из легких. Эта задача больше подходит романисту, чем историку, и даже первый ступает на опасную почву, пытаясь ее выполнить. Одна из главных задач "Колумбийских исторических романов" - дать читателю как можно более четкое представление о простых людях, а также о правителях эпохи. Под угрозой критики автор постарался облечь речь своих героев в диалект и идиомы, свойственные эпохе, в которой они жили. В первых томах наибольшей критике подвергаются предложения, которые воспринимаются буквально, как сказанные или написанные в то время. Хотя кажется, что некоторые критики становятся тем суровее, чем ближе автор к истине, все же большее число мыслящих мужчин и женщин, рецензирующих эти книги, сами являются студентами, и автору, придерживающемуся языка ушедшей эпохи, нечего их бояться.

Книга "Салемская ведьма" призвана охватить двадцать лет истории Соединенных Штатов, или с 1680 по 1700 год, включая все основные черты этого периода. Главные герои - Чарльз Стивенс из Салема и Кора Уотерс, дочь невольника, чей отец был захвачен в плен во время свержения герцога Монмута. Сэмюэл Пэррис, главное действующее лицо Салемской трагедии, представляет собой серьезное исследование, и после тщательного исследования

он был написан в соответствии со сложившимся о нем представлением. Более жестокого злодея не было ни в одну эпоху. У него не было почти ни одной искупительной черты. Его религией были лицемерие, суеверие, месть и фанатизм. Его амбиции вели его к непревзойденным злодеяниям. Взяв информацию, на которой основана эта история, из самых надежных источников и изложив ее так, чтобы она, как мы надеемся, была приятной и поучительной, мы отправляем этот том вперед, чтобы он говорил сам за себя.

ДЖОН Р. МУСИК.

Кирксвилл, штат Монако, 1 октября 1892 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАНИЦА

ГЛАВА I.

Человек с книгой 1

ГЛАВА II.

Пенсильвания, 23

ГЛАВА III.

Раб с отпечатками пальцев, 43

ГЛАВА IV.

Мистер Пэррис и паства, 65

ГЛАВА V.

Ночь с ведьмами, 81

ГЛАВА VI.

Чартерный дуб, 101

ГЛАВА VII.

Два человека, которые выглядят одинаково, 116

ГЛАВА VIII.

Движение вперед, 134

ГЛАВА IX.

Чарльз и Кора, 152

ГЛАВА X.

Чарльз и мистер Пэррис, 172

ГЛАВА XI.

Адельфа Лейслер, 191

ГЛАВА XII.

Судьба Лейслера, 216

ГЛАВА XIII.

Помешательство на доверчивости, 234

ГЛАВА XIV.

Судьба доброй медсестры, 256

ГЛАВА XV.

"Твоя мать - ведьма!" 276

ГЛАВА XVI.

Побег и бегство, 290

ГЛАВА XVII.

Со сковороды в огонь, 306

ГЛАВА XVIII.

Суеверие царит, 327

ГЛАВА XIX.

Женщина в черном, 346

ГЛАВА XX.

Заключение, 364

ИСТОРИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

383

ХРОНОЛОГИЯ.

391

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

СТРАНИЦА

Уильям Пенн заключает договор о мире и дружбе с индейцами
(См. стр. [32](#)), *фронτισпис*

"Забирайте!" ¹

"Не могу подняться! Прайт, что с тобой, друг?" ¹¹

Схватив огниво, он искал отпечаток сцепленной ноги,[21](#)

Уильям [Пенн](#)[27](#)

"Мы все поднялись в воздух на метлах "[95](#).

Чарльз Стивенс, одним махом затушивший все свечи на [столе](#)[108](#).

Чартер Оук,[113](#)

Крепкая жена набросилась на него с палкой от швабры и прогнала [прочь](#)[147](#).

"Тогда вы оба можете вместе отправиться в преисподнюю!"[189](#)

"Кто из них двоих? "[213](#)

Восемь человек, несущих подводы, стояли у дверей. На всех капала [вода](#)[233](#) .

При каждом ударе он повторял: "Я делаю это во имя Господа "[239](#).

"Ее движения были быстрее, чем движения моего топора "[250](#).

Шериф повел ведьму по широкому проходу, цепи звенели, когда она ступала,[274](#)

Тюрьма содрогнулась до самого центра,[301](#)

Ничего не было видно, кроме резни и грабежей со всех сторон,[310](#)

Решительный отец продолжал стрелять, пока отступал,[320](#)

Лейтенант-губернатор Стоутон,[330](#)

Джордж Уотерс вырезал две крепкие палки для костылей,[353](#)

"Чарльз Стивенс, ты ищешь смерти? "[371](#)

Коттон Мазер,[380](#)

Холм ведьм,[382](#)

Карта того времени,[306](#)

ВЕДЬМА ИЗ САЛЕМА.

ГЛАВА I.

ЧЕЛОВЕК С КНИГОЙ.

Сквозь тени и одиночество глубокое
путник в обмороке пробирается;
Сбивающие с толку метеоры мелькают вокруг,
И соблазняют его блуждающие ноги.
-Монтгомери.

"Забирай!"

Осенний вечер был прохладным, темным и порывистым. Над головой сгустились грозовые тучи, а земля была усыпана шуршащими листьями, которые, побитые ранними заморозками,

беспомощно лежали на обочине дороги или становились добычей ветра. В нескольких милях от деревни Салем по дороге медленно ехал одинокий всадник. По правде говоря, он находился так близко от знаменитой пуританской деревни, что сквозь холмы и кроны деревьев можно было разглядеть шпили церквей, если бы он поднял свои меланхоличные глаза от земли. Всадник был не молод и не достиг среднего возраста. Его лицо было красивым, хотя и искаженным мукой. Время от времени он прижимал руку к боку, словно испытывая боль; но, не взирая на боль, усталость или страдания, он ехал дальше, подгоняемый удлиняющимися тенями наступающей ночи. Повернув наконец свои большие, печальные, карие глаза туда, где дорога петляла по долине, за которой виднелись далекие шпили Салема, он вздохнул:

"Смогу ли я добраться до него сегодня ночью? Я должен!"

Салем, странная деревня, к которой в октябре 1684 года направлялся всадник, отличался от современного Салема. Это город, знакомый каждому американскому студенту, и, получивший свою известность скорее благодаря историческим воспоминаниям, чем торговле или промышленности, его название переносит нас на два столетия назад, навевая слабые и мимолетные образы жизни Отцов-пилигримов, давших это священное имя избранному ими месту жительства. Какие бы изменения ни приносили цивилизация или время, черты природных пейзажей в большинстве своем неизменны. Массачусетский залив остался таким же, каким он был, когда отцы-пилигримы впервые увидели его. На суше все еще сохранились скалистые холмы с выступающими мысами из гранита, где растет барбарис, а в узких долинах нашлось место и для небольших ферм, и для яблонь, и для маленьких травяных склонов, и для участков обработки земли там, где все остальное выглядит бесплодным.

Сегодня пейзаж не более живописен, чем в тот прохладный осенний вечер, когда странный всадник гнал своего изможденного коня по тропинке, ведущей к деревне. Его одежда была испачкана, а черты лица измождены.

Не далее чем в полумиле от всадника стояли трое охотников с ружьями на плечах. Они тоже, очевидно, провели день в тяжком труде, ведь взбираться на холмы Новой Англии в поисках дикого оленя - задача не из легких.

Это были мужчины, едва достигшие среднего возраста, но их серьезная пуританская манера поведения заставляла их выглядеть старше, чем они были на самом деле. Их беседа была серьезной, мрачной и таинственной. В них не было ничего легкого или легкомысленного, ведь для них жизнь была мрачной. Охота была для них не спортом, а тяжелым трудом, и ноги их так устали, что они едва могли тащить себя.

"Теперь мы можем радоваться, Джон Блай, что дом в пределах видимости, потому что я действительно устал и думаю, что не смогу идти дальше", - заметил один из пешеходов человеку, который был рядом с ним.

"Как я буду рад, когда мы окажемся рядом!" - ответил усталый Джон Блай. "Это был тяжелый день с бесплодными результатами".

"У нас сегодня было несколько удачных выстрелов, - вставил третий человек, шедший чуть позади остальных.

"Верно, были; но что нам с того, Сэмюэл Грей, когда наши пушки не донесли мяч до места? За сегодняшний день я сделал столько метких выстрелов, что хватило бы на дюжину баксов,

и все равно каждый раз промахивался. Вы прекрасно знаете, что я не из тех, кто промахивается".

"Это не так, Джон Лаудер".

Затем трое мужчин загадочно посмотрели друг на друга. Все они верили в сверхъестественные силы, и того факта, что такой безупречный стрелок промахнулся, было достаточно, чтобы утвердиться в мысли, что здесь действуют не естественные причины. Для Джона Лаудера не могло быть другой причины промаха, кроме как то, что его ружье было "заколдовано". Это была эпоха, когда последние предсмертные муки суеверий, казалось, сжимали умы людей, и спазматическая борьба грозила расстроить их разум. Разум жителя Новой Англии был подготовлен к тайнам, как непаханая земля готовится к посеву. Он был занят тем, что покорял суровую землю и заставлял ее поддаваться его хозяйству. Его время делилось между тяжелым трудом ради хлеба и борьбой с индейцами. Его теснил мрачный старый лес, масштабы которого ему и не снились, и вполне естественно, что с его богатым воображением, узким кругозором и ограниченными знаниями он видел странные зрелища и слышал странные звуки. Образы и видения, запечатленные в романтических сказках и придающие интерес страницам поэзии, являлись ему в лесах, порхали в воздухе и витали над головами перепуганных чиновников, чья образованность должна была вывести их за рамки суеверий. Призраки убитых жен, мужей и детей играли свою роль с живостью изображения и художественным мастерством выражения, едва ли превзойденным в сценическом представлении на сцене. Суеверия Средневековья воплощались в реальных действиях, со всеми их экстравагантными нелепостями и чудовищами. Это, перенесенное в суды, где отношения общества, поведение или чувства отдельных людей оказывались под контролем причудливых или мистических представлений, могло иметь только один эффект. Когда целый народ отказывался от твердой почвы здравого смысла, переступал границы человеческого знания, предавался диким мечтаниям и давал волю своим страстям, не сдерживая их, результат был более разрушительным для общества, чем Везувий для Помпеи. Когда Джон Лаудер заявил, что его ружье заколдовано, на лицах его спутников не было недоверчивой улыбки.

Политическая обстановка в Новой Англии того времени, несомненно, во многом определяла суеверный трепет, охвативший страну. На памяти многих жителей правительство страны менялось трижды. Карл II прожил такую неистовую жизнь, что его земная карьера подходила к концу.

Жители Новой Англии были ревностными богословами, а Массачусетс и Плимут ненавидели больше всех сект римских католиков. Карл II не мог долго царствовать, и его преемником должен был стать Джеймс, герцог Йоркский, его брат, поскольку было общеизвестно, что у Карла II не было законного наследника. Некоторые надеялись, что его незаконнорожденный сын, герцог Монмутский, протестант, сможет стать его преемником. Некоторые даже намекали, что Карл II, спасаясь от Кромвеля, тайно женился на Люси Уотерс, матери герцога; но это так и не было доказано историей.

Несколько показная манера, в которой герцог Йоркский ходил на мессу при жизни своего брата, была главной причиной всеобщей неприязни, которую он вызывал. Даже Чарльз, легкомысленный и беспечный, каким он был в целом, видел неосмотрительность поведения Джеймса и многозначительно сказал ему однажды, что у него нет желания снова отправляться в путешествие, чего бы Джеймс ни пожелал. Когда по всем американским колониям распространилась информация о том, что этот фанатичный католик после смерти своего брата станет их правителем, жители Новой Англии начали трепетать за свою религию.

Из каждой деревни и с каждой плантации доносился ропот, и общество постоянно находилось в состоянии брожения.

Трое охотников все еще обсуждали свое невезение, когда до их слуха донесся стук лошадиных копыт, и они медленно повернулись, чтобы увидеть незнакомца, приближающегося к ним верхом. В его печальном взгляде серых глаз было что-то дикое и сверхъестественное. Когда-то его костюм был элегантным, но теперь он был запятнан пылью и путешествиями. Он состоял из кованой струящейся шейной рубашки, подпоясанного серебряным шнурком плаща из красного сукна, атласного жилета, расшитого золотом, трофейного шарфа и серебряной шляпной ленты. Его брюки, которые выше колен были соединены парой сапог для верховой езды, как и все остальное его одеяние, были покрыты пылью.

Выражение боли на его лице суеверные охотники истолковали как дьявольский триумф, и Джон Лаудер, схватив Блая за руку, прошептал:

"Это он!"

"Возможно..."

"Я знаю это, Блай, ведь он следил за мной весь день".

"Тогда почему бы не отдать ему мяч, который он охранял от оленя?"

"Это было бы бесполезно, Джон. Ведьму нельзя убить свинцом. Он бросит мяч мне в лицо и посмеется надо мной".

Все трое торопливо зашагали вперед, бросая настороженные и тревожные взгляды по мере приближения всадника. Каждый дрожал, боясь, что всадник заговорит, и раз или два ему казалось, что он заговорит, но боль или какая-то другая причина, неизвестная охотникам, мешала ему это сделать. Он быстро проскакал мимо, исчезнув за холмом в направлении Салема.

Когда он скрылся из виду, трое охотников остановились и, упав на колени, произнесли короткую молитву об избавлении от сатаны. Когда они поднялись, Джон Лаудер сказал:

"Теперь я хорошо знаю, добрые люди, что это тот самый волшебник, который испортил мое ружье".

"Кто он?"

"Ах! Вы можете спросить, Сэмюэл Грей, кто он такой: незнакомец, черный человек, дьявол, который принял этот облик, чтобы ввести нас в заблуждение и мучить. Остается только удивляться разнообразному коварству сатаны", - вздохнул Лаудер.

"Истинно ты говоришь, друг Джон", - ответил Блай. "Враг человеческих душ постоянно подстерегает нерадивых".

"Я встречался с ним и боролся с ним, пока не был почти побежден; но, облачившись во всеоружие Божье, я воскликнул "Отойди от меня, сатана!" и, вот, я почувствовал запах адской серы, когда врата открылись, чтобы впустить князя тьмы".

Тени ночи сгущались над землей, и трое усталых охотников еще не приблизились к своим домам, когда всадник, так странно возбудивший их страх, остановил лошадь у источника в

четверти мили от деревни Салем и дал ей напиться. Он прижал руку к боку, словно испытывая нестерпимые муки, и пробормотал:

"Найду ли я там убежище?"

Преодолевая страдания, он наконец соскользнул с седла и, сидя среди шелестящей листвы, не обращая внимания на надвигающиеся тучи и грозящую бурю, уткнулся лицом в руки. Прошло уже два часа с тех пор, как он впервые увидел Салем, но он шел так медленно, что не дошел до деревни; а на земле, под угрозой бушующей бури, он слабо дышал, моля Бога о силе для выполнения великой и святой задачи, над которой он склонился. Он был болен и слаб. В боку у него была рана, которая могла оказаться смертельной, и он время от времени прижимал к ней руку, словно испытывая боль.

Тот, Кто слышит нищих, когда они взывают к Нему, ответил на молитву пустытника. Фермерский мальчик весело насвистывал, несмотря на приближающуюся ночь и грозу. Ни ледяные октябрьские ветры, ни страх темноты, ни холодный мир не могли угнетать дух Чарльза Стивенса, веселого паренька из Салема. На самом деле он был настолько веселым, что прямолинейные пуритане считали его безбожником. Он был склонен к свисту и пению и отличался "легкой и легкомысленной походкой". Он смеялся над святостью некоторых людей и, как известно, улыбался даже в День Господень. Когда в приподнятом настроении его ноги в такт свисту подпрыгивали, добрые салеменцы приходили в ужас от этого нечестивого танца.

Однако Чарльз Стивенс имел лучшее сердце и был более искренним христианином, чем многие из тех ханжеских критиков, которые пытались сдержать радость и веселье, которыми Бог наполнил его душу. Именно этот добрый самаритянин подошел к страдающему незнакомцу, которого три пуританина осудили в своем сознании как посланника дьявола.

"Почему вы сидите здесь, сэр?" - спросил Чарльз, опустив свисток. спросил Чарльз, опустив свисток. "Наступает ночь, и становится все холоднее и холоднее, вы должны двигаться, иначе, конечно, погибнете".

"Я не могу подняться", - был ответ.

"Не могу подняться! Прыткий, что с тобой, друг?"

"Я болен, болен и ранен".

"Ранен!" - вскричал Чарльз, - "и болен тоже!"

"Не могу подняться! Прайт, что с тобой, друг?"

Острые молодые глаза Чарльза смогли пробиться сквозь сгущающиеся сумерки, и он увидел жуткую бледность на лице мужчины, который, прижав руку к боку, испускал вздохи острой агонии. Его левый бок был испачкан кровью.

"Вы ранены!" наконец заявил Чарльз Стивенс. "Как это случилось?"

"В меня стрелял невидимый враг, по какой причине, я не знаю, поскольку, будучи чужаком в этих краях, я не вступал в ссоры".

"Пойдемте, я помогу вам подняться".

"Нет, это бесполезно. Я устал и слишком слаб, чтобы идти дальше. Позвольте мне лечь здесь. Я скоро умру, и все эти мучения закончатся".

В этот момент жизнерадостный ум Чарльза Стивенса заявил о себе, вселив надежду в сердце падающего в обморок незнакомца.

"Нет, нет, мой друг, никогда не сдавайтесь. Не говори "умри", пока ты жив. До дома, где я живу с матерью, всего несколько шагов. Я помогу тебе пройти это расстояние, и там ты сможешь отдохнуть и согреться, а мать перевяжет твою рану".

"Можно мне идти?" - спросил путник.

"Люди могут творить чудеса, когда стараются".

"Тогда я попробую".

"Я помогу тебе".

Мальчик обхватил мужчину своей сильной рукой и поднял его на ноги, но конечности больше не повиновались его воле, и он снова опустился на землю.

"Это бесполезно, мой добрый мальчик. Я не могу идти. Оставь меня умирать".

Чарльз оглянулся в поисках лошади незнакомца, но она скрылась в темноте. Искать его было бесполезно, и на мгновение добрый самаритянин замер, словно в раздумье; затем, сняв пальто и обмотав им раненого, он с надеждой произнес:

"Я скоро вернусь, не двигайся", - и поспешил прочь по направлению к дому. Достигнув порога, он возблагодарил Бога за то, что не был странником в такую ночь.

Кухня в стиле Новой Англии, с ее комодом, украшенным оловянной посудой, отражающей и умножающей радостное пламя камина, с ее стульями с высокими спинками и камышовым дном, скрипящими при передвижении по аккуратно отшлифованному полу, с ее массивной балкой, проходящей по середине потолка через всю комнату, и множеством дверей, ведущих в другие комнаты и на чердак, являла собой картину комфорта двухсотлетней давности. Овдовевшая мать с честным красивым лицом, окруженным аккуратной каймой темного чепца, встретила сына, когда он вошел в кухню, и, с гордостью взглянув на него, сказала:

"Ветер придает тебе хороший цвет, Чарльз".

"Да, мама, - потер он щеки, - они немного горят... мама".

"Ну и что?"

"Я слышала, как на днях ты сказал мистеру Блаю, что можешь доверить мне все, что у тебя есть. Доверишь ли ты мне старую Молл и тележку сегодня вечером?"

"Зачем тебе Молл и тележка?"

"Чтобы съездить к большому источнику под холмом за бедным человеком, который болен и ранен".

"И одна?"

"Да, мама".

"Ночь морозная".

"Да, мама, и он может умереть. Он не может идти. Вспомните историю о добром самаритянине".

После долгой паузы вдова сказала: "Да, вы можете взять старую Молл и тележку. Привезите его сюда, и мы позаботимся о нем; но помните, что завтра нужно делать работу".

"Если завтра вечером ты найдешь какую-нибудь провинность, больше мне не доверяй!" - и мальчик, повернувшись к буфету под комодом, намазал маслом щедрый кусок хлеба, затем

вышел из комнаты с маленьким кувшином и вернулся с полным сидром, а его мать внимательно наблюдала за всем этим, занятая наведением порядка в своей кулинарной части. Чарльз вышел и запряг кобылу в телегу, а затем вернулся на кухню за хлебом и сидром.

"Почему бы тебе не съесть это перед уходом?" - спросила мать.

"Я не голоден, я уже поужинал, ты же знаешь. Спокойной ночи, мама. Я скоро вернусь, так что приготовь постель для раненого незнакомца".

"Да благословит тебя Бог, мой храбрый мальчик", - воскликнула мать, когда он вышел и вскочил в телегу. Теперь она знала, что он взял хлеб и сидр для больного под холмом.

Чарльз поторопил старушку Молл, перейдя на более быстрый шаг, чем она привыкла, и нашел незнакомца там, где оставил его. Спрыгнув с повозки, он сказал:

"Я вернулся, сэр! Вы сказали, что падаете в обморок. Вот немного нашего сидра, и если вы посидите, выпьете его и съедите этот хлеб, вам станет лучше, а вот старая Молл с телегой, готовой отвезти вас домой, где вас будут лечить добрые христиане, пока вы не поправитесь настолько, что сможете отправиться в путь, радуясь".

И он пошел дальше, покачиваясь то тут, то там и говоря как можно быстрее, чтобы не слышать излияний благодарности бедняка, который ел, пил и освежался. С некоторым трудом он затащил незнакомца в телегу, где тот, поддерживаемый сильной рукой мальчика, в почти полной тишине поехал в наступающей темноте к дому вдовы Стивенс. Его вытащили из повозки, и вскоре он уже лежал на кровати.

Его рана, хотя и болезненная, была неопасной и почти сразу начала заживать. Хирургия в Америке была в зачаточном состоянии, и на границе американских колоний каждый был сам себе хирургом.

Вдова сама перевязала рану, и незнакомец быстро поправился. На следующий день Чарльз нашел в лесу бродячую лошадь с седлом и кобурами и, узнав, что это лошадь раненого незнакомца, привел ее домой.

По мере выздоровления раненый становился все более молчаливым и меланхоличным. Он даже не называл своего имени и редко произносил хоть слово, если к нему не обращались.

Однажды ночью этот таинственный незнакомец исчез из домика вдовы. Его можно было бы счесть неблагодарным, если бы он не оставил после себя пять золотых гиней, которые, как говорилось в оставленной записке, должны были частично вознаградить добрых людей, так заботливо присматривавших и ухаживавших за ним. Чарльз Стивенс и его мать были немало озадачены появлением этого таинственного незнакомца и часто, оставаясь наедине, комментировали его поведение.

Их дом находился за пределами деревни Салем, и в течение нескольких дней у них не было посетителей; но двое или трое соседей видели незнакомца у них дома, но никому о нем не рассказывали. Его таинственное исчезновение мать и сын держали в секрете. Они и не мечтали, что в последующие годы им придется испытать невыразимое горе за то, что они сыграли роль добрых самаритян.

Джон Лаудер и его друзья уже почти забыли о том дне, когда им не повезло в лесу. Их недавние охоты оказались удачными, поскольку ведьмы на время перестали вмешиваться в их оружие. Незнакомец, встреченный ими в тот вечер, был совершенно забыт.

Через две недели после исчезновения незнакомца Джон Лаудер бродил по лесу с ружьем на плече. Солнце только что опустилось за западные холмы и деревья, и он приближался к небольшому озеру, к которому приходили пить олени.

Это был густой лес, через который он пробирался. Местами он был настолько густым, что приходилось раздвигать заросли руками. Столетия летнего солнца согревали верхушки тех же благородных дубов и сосен, передавая свое тепло даже корням. Хотя ранние октябрьские заморозки отбросили многие листья с родительских стеблей, их все еще оставалось достаточно, чтобы заслонить обзор на расстоянии вытянутой руки.

Приближалась ночь, и Джон Лаудер, как ни был он храбр к естественным опасностям, испытывал странный страх перед тенями и нереальным.

Он пробирался сквозь лес, пока в поле зрения не попало почти чистое место. Эта небольшая площадка, с которой открывался хороший вид на небо, хотя она и была изрядно завалена мертвыми деревьями, находилась между двумя высокими холмами или невысокими горами, на которые разбита вся поверхность прилегающей страны.

Отбросив кусты и заросли болота, лесник ворвался сюда с восторженным восклицанием.

"Здесь можно дышать! Здесь есть озеро, к которому приходят пить олени. Теперь, если сатана не пошлет ведьму, чтобы сбить мои пули с пути, возможно, я смогу добыть оленину раньше, чем пройдет час".

Он собрал несколько сухих палок дерева и, орудуя кремнем и сталью, быстро разжег костер.

Костер должен был отпугивать комаров, которые мучились в этой местности. Костер не встревожил оленей, ведь они так часто видели, как горит лес, что подходили к огню совсем близко.

Едва он успел разжечь костер, как его испугал топот ног неподалеку, а через мгновение из леса выехал всадник и натянул поводья перед ним.

Лаудер был удивлен, но ни в коем случае не встревожен. Человек в лесу - не редкость, и все же ему было любопытно узнать, зачем он здесь. Он решил, что, вероятно, парень сбился с пути и его привлек костер; но вопрос незнакомца развеял это заблуждение.

"Вы Джон Лаудер?" - спросил он.

"Да".

"Вы живете в Салеме?"

"Да".

"Вы протестант?"

"Да".

"Вы не верите в транссубстанцию тела и крови Христа в хлеб и вино таинства?"

Джон Лаудер, который был истинным пуританином и ненавистником папистов, быстро ответил:

"Я не придерживаюсь никакой подобной теологии".

"Вы также не верите в непогрешимость папы?"

"Я не верю в такую доктрину".

"Тогда не может быть никаких сомнений в том, что вы истинный протестант".

"Так и есть", - ответил Лаудер с немалой долей гордости.

"Тем лучше".

Незнакомец слез с лошади и просунул левую руку через поводья, давая уставшему животному возможность пастись, а правой рукой стал что-то искать в карманах.

"Не хотите ли вы иметь католического короля?" - спросил он, обыскивая карманы.

"Нет".

"Вы предпочитаете протестанта".

"Да".

"Я так и знал, - продолжил он, - король Карл близок к концу. Но еще несколько месяцев должны увидеть последнего монарха, а затем у нас будет другой. Великий вопрос, который сегодня вызывает к сердцу каждого англичанина, - будет ли он протестантом или католиком?"

"Протестант!" - вскричал Джон Лаудер в своем фанатичном энтузиазме.

"Тогда, Джон Лаудер, английскому народу следует немедленно высказать свое мнение, чтобы не получить монарха, который отнимет у него религиозные свободы".

Лаудер недоумевал, что этот человек может иметь в виду, когда незнакомец вдруг достал из кармана книгу. Это была книга с красным корешком, как было видно при свете камина. Незнакомец достал из другого кармана перо и рожок с чернилами и торжественным, внушительным голосом произнес:

"Подпишите!"

Джон Лаудер был поражен просьбой или приказом, в зависимости от того, что это было, и машинально протянул руку, чтобы взять книгу. В этот момент костер внезапно вспыхнул, и, как он потом рассказывал, лицо незнакомца вдруг изменилось на дьявольское, из его горящих глаз вырывались голубые струи пламени, а весь воздух был пронизан серой. Вскрикнув от ужаса, он отпрянул назад, воскликнув:

"Уберите это! Уберите вашу книгу! Я не буду подписывать! Я не подпишу!"

"Подпишите, и я обещаю вам короля-протестанта".

"Прочь! Прочь! Вся броня Божья да будет между мной и вами".

Взяв огниво, он стал искать отпечаток копыта.

Дрожа от суеверного страха, Лаудер опустился на землю и зарылся лицом в руки. Несколько минут он пролежал так, дрожа от страха, а когда наконец пришел в себя настолько, что смог поднять глаза, незнакомца уже не было.

Он и его лошадь исчезли, и Джон Лаудер, схватив огниво, стал искать на земле отпечаток когтистой ноги. Он нашел его и, схватив винтовку, быстро побежал домой. Уже поздно вечером он добрался до своего дома и, постучав в дверь, позвал:

"Добрая жена! Добрая жена, проснись и впусти меня!"

"Джон Лаудер, зачем ты пришел так рано, если я думала, что ты ушел преследовать оленя и не придешь до утра?"

"Я видел его!"

"Кого ты видел?"

"Человека с книгой".

Это заявление повергло добрую жену Лаудера в смятение. Увидеть человека с книгой было дурным предзнаменованием, а подписать эту книгу - к потере вечной души.

"Ты подписал ее, Джон?" - спросила она.

"Нет".

"Да славится Бог!"

ГЛАВА II.

ПЕНСИЛЬВАНИЯ.

Мне было видение: вечер сидел в золоте
На лоне безбрежной равнины,
покрытой красотой: сады, поля и луга,
Вьются в вышине зреющие злаки,
Как острова в пурпурной летней глади,
Храмы из чистого мрамора встречали солнце,
Что окрасило их белые валы золотым пятном.
И звуки деревенской радости и труда,
И звуки деревенской радости и труда, Пока не исчезла пышность.
-Кроли.

Религиозный фанатизм - самое опасное из всех заблуждений человечества. Ложный лидер в религии может оказаться более фатальным, чем некомпетентный генерал в армии, поэтому на служителей Евангелия и учителей возложена самая большая задача из всех, созданных Богом. Когда однажды религия сходит с ума, варварство принимает на себя поддержку совести и чувствует ее одобрение в совершении самых отвратительных преступлений. Пилигримы и пуритане, бежавшие от религиозных преследований за моря и пришедшие в пустыню, чтобы поклоняться Богу по своей совести, не желали предоставлять такую же привилегию другим. По этой причине они изгнали Роджера Уильямса и преследовали другие религиозные секты, не совпадающие с их собственными взглядами.

Квакеры били кнутом, высверливали дырки в их языках, клеймили раскаленными утюгами и даже вешали за их религиозные взгляды. Зачем обвинять Испанию в печально известной инквизиции, если ранние церкви протестантизма поступали так же плохо? Религиозный пыл, управляемый предрассудками и невежеством, - величайшее бедствие, которое может постигнуть нацию.

Квакеры впервые появились в Англии примерно в то время, когда Роджер Уильямс получил хартию для Род-Айленда. Термин "квакер", который сейчас так почитаем и уважаем, был дан этой секте в насмешку, так же как называли пуритан, протестантов и многие другие ныне уважаемые секты.

Их основатель и проповедники были одними из самых смелых и в то же время самых кротких нонконформистов. Их мораль была настолько строгой, что некоторые называли их аскетами, и эта строгость распространялась на все привычки и сферы жизни. Экстравагантные расходы, модная одежда, азартные игры, танцы, посещение театров и все развлечения, какими бы безобидными они ни были, были запрещены этой сектой. Даже музыка не поощрялась как соблазнительное тщеславие. Членам этой церкви запрещалось владеть

рабами, участвовать в войне, вступать судебные тяжбы, предаваться неводержанности или сквернословью, что, в случае упорства, являлось причиной изгнания члена из общества, и все тело было обязано следить за действиями друг друга. Их практика настолько совпадала с их принципами, что общество было вынуждено признать, что профессия квакера или Друга, как они обычно себя называли, является гарантией нравственности выше обычного уровня мира.

Основателем этой замечательной секты был Джордж Фокс, сапожник из Лестершира, Англия, который в возрасте девятнадцати лет задумался о том, что он призван Богом проповедовать Евангелие Господа Иисуса Христа. Он нападал на холодность и духовную мертвенность всех окружающих его способов и форм религиозного поклонения и вскоре возбудил в себе дух преследования, который ознаменовал его сорокалетнюю жизнь служителя как паломничество из одной тюрьмы в другую. Когда в 1650 году его вызвали к судье Беннету из Дерби, он увещевал его покаяться и "трепетать и *дрожать* перед словом Господним", в то же время его собственное тело неистово возбуждалось от сильных эмоций. Тогда магистрат и другие служащие суда в насмешку называли его "квакером" - термин, который с тех пор стало использовать само общество.

Уильям Пенн, сын выдающегося английского адмирала, рано обратился в эту религию. В раннем возрасте, учась в колледже, он принял доктрины и образ жизни Джорджа Фокса и его последователей. Когда его отец впервые узнал, что его сыну грозит опасность стать квакером, он был недоверчив. Адмирал был мирским, амбициозным человеком и имел большие планы в отношении своего сына, которые были бы разрушены, если бы юный юноша принял новую религию. Борьба юного Уильяма Пенна со своим амбициозным отцом была долгой и горькой. Разгневанный родитель избивал его и выставлял за дверь, затем непостоянный, но добросердечный отец забирал его обратно и отправлял во Францию, где его заманивали весельем и ослепляли обещаниями богатства и отличия; но Уильям Пенн сохранил мужество своих убеждений и не отступил ни на йоту от своих религиозных идей. Сознывая свою правоту, он не поддавался ни обещаниям, ни угрозам и даже выдержал огонь преследований.

Однажды его и еще одного человека судили по обвинению в проповеди на улицах. Присяжные, продержав их два дня и ночи без огня, пищи и воды, вынесли вердикт "невиновен", за что суд наложил на каждого из них крупный штраф и отправил в Ньюгейтскую тюрьму. Пенну и его компаньону не удалось полностью избежать наказания, поскольку они были оштрафованы и заключены в тюрьму за неуважение к суду, поскольку носили свои шляпы в присутствии этого органа. В это время Уильяму Пенну было всего двадцать четыре года.

Уильям Пенн.

Многие Друзья эмигрировали в Америку, и двое из них стали владельцами Нью-Джерси. Первое событие, которое привлекло особое внимание Пенна к Америке, произошло, когда его попросили выступить в роли третейского судьи между двумя квакерскими владельцами Нью-Джерси. Получив в свое распоряжение Новый Свет, молодой новообращенный стал с тоской смотреть через Атлантику в поисках дома для себя и своих преследуемых братьев.

Вскоре после этого он получил от короны хартию на обширную территорию за рекой Делавэр. Эта хартия была дана в уплату долга в восемьдесят тысяч долларов, причитавшегося его отцу от правительства. Хартия давала ему и его наследникам бессрочное владение в обмен на ежегодную выплату двух бобровых шкур. В честь своего

происхождения от Уэлша Пенн предложил назвать владения "Новым Уэльсом"; , но по какой-то причине государственный секретарь возразил.

Пытаясь придумать подходящее название, Пенн предположил, что Сильвания будет подходящим именем для такой лесистой страны. Секретарь, составивший хартию, под влиянием момента приписал к Сильвании имя Пенна. Уильям Пенн запротестовал против использования своего имени, поскольку у него не было стремления к такому отличию, и предложил заплатить секретарю, если тот уберет его. Тот отказался это сделать, и тогда Пенн обратился к королю - "милому королю Чарли", который настоял на том, чтобы провинция называлась Пенсильванией в честь его умершего друга адмирала. Так Пенсильвания получила свое название. Территория, включенная в хартию Уильяма Пенна, простиралась к северу от Нью-Касла в штате Делавэр на три градуса широты и пять градусов долготы к западу от реки Делавэр. Уильям Пенн был уполномочен принимать все законы с согласия свободных людей при условии одобрения королем. Провинциальная ассамблея не должна была собирать никаких налогов, а священнослужителям англиканской церкви разрешалось беспрепятственно проживать на территории провинции.

Хартия Пенсильвании была выдана 14 марта 1681 года, а в мае следующего года Пенн отправил Уильяма Маркхэма, своего родственника, вступить во владение своей провинцией и действовать в качестве заместителя губернатора. Вместе с ним отправилось большое количество эмигрантов из "Компании свободных торговцев", которые приобрели земли в Пенсильвании у владельца. Они поселились у реки Делавэр, "строили и сажали".

При содействии Алджернона Сидни, убежденного республиканца, который вскоре погиб на эшафоте за свои взгляды на личную свободу, Пенн составил свод законов для управления колонией, которые были мудрыми, либеральными и благожелательными, и в следующем году отправил их на утверждение поселенцам в Пенсильвании.

Вскоре Уильям Пенн обнаружил, что его колония может пострадать из-за отсутствия помещения для морских судов. Для этой цели ему захотелось получить Делавэр, и он решил по возможности получить его. Однако на эту территорию претендовал лорд Балтимор как на часть Мэриленда, и в течение некоторого времени она была предметом спора между ним и герцогом Йоркским. Ради мира последний предложил купить территорию Балтимора, но барон не захотел ее продавать. Тогда Пенн заверил герцога, что притязания лорда Балтимора "противоречат закону, гражданскому и общему". Герцог с радостью согласился с этим мнением, и мудрый квакер получил от его милости купчую на эту территорию, которая теперь составляет весь штат Делавэр.

Как только Уильям Пенн достиг своей цели, он сразу же начал готовиться к отъезду в Америку, и уже через неделю после официального заключения сделки, в августе 1682 года, он отплыл на корабле "Велком" со ста эмигрантами. Многие из его эмигрантов умерли от оспы во время плавания, но с оставшимися он прибыл в начале ноября в Нью-Касл, где нашел почти тысячу эмигрантов. Кроме них, здесь было около трех тысяч старых поселенцев - шведов, голландцев, гугенотов, немцев и англичан - достаточно, чтобы составить материал для прочного фундамента государства.

Там Пенн получил от агента герцога Йоркского, в присутствии всех жителей, официальную капитуляцию всех этих прекрасных владений. Голландцы задолго до этого завоевали и поглотили шведов на реке Делавэр, а англичане, в свою очередь, завоевали голландцев, и именно на основании своей хартии, дававшей ему право на владение всеми Новыми Нидерландами, герцог претендовал на эту территорию как на свою собственную. Эта передача унаследовала для Пенна и его потомков спор с владельцами Мэриленда, который

мог показаться несовместимым со взглядами квакеров. Уильям Пенн, в честь герцога, попытался изменить название мыса Хенлопен на мыс Джеймс; но география иногда бывает произвольной и отказывается меняться по воле правителей, и Хенлопен и Мэй сохранили свои первоначальные названия, данные им голландцами.

Это было в первых числах ноября, когда Уильям Пенн с несколькими друзьями отправился в открытой лодке вверх по реке к красивому берегу, окаймленному соснами, на котором вскоре должен был вырасти город Филадельфия.

По этому случаю был заключен тот знаменитый договор с индейцами, с которым знаком каждый школьник. Под огромным вязом в Шакамаксоне, на северной окраине Филадельфии, Уильям Пенн в окружении нескольких друзей, одетых в мирные одежды, встретился с многочисленными делегациями племен ленни-ленепе. Великий договор был заключен не ради покупки земель; но, подтверждая написанное Пенном и заветы Маркхэма, его возвышенной целью было признание равных прав человечества под кронами лесных деревьев, лишенных листвы от последствий ранних заморозков. Пенн провозгласил людям алгонкинской расы с обоих берегов Делавэра, от границ Шуилкилла и, возможно, даже от Саскуэханны то же самое простое послание мира и любви, которое Джордж Фокс исповедовал перед Кромвелем и которое Мэри Фишер несла Великому Турку. Он утверждал, что англичане и индейцы должны уважать один и тот же нравственный закон, быть одинаково защищены в своих занятиях и владениях, а все разногласия должны решаться мирным трибуналом, состоящим из равного числа мудрых и осмотрительных людей от каждой расы. Пенн сказал:

"Мы встретились на широком пути доброй воли и добросовестности. Ни одна из сторон не получит преимущества, но все будет открыто и с любовью. Я не буду называть вас ни детьми, ибо родители порой слишком строго укоряют своих детей, ни братьями, ибо братья бывают разные. Дружбу между мной и вами я не стану сравнивать с цепью, ибо та от дождя может заржаветь, или упавшее дерево может сломаться. Мы похожи, как если бы тело одного человека было разделено на две части. Мы все - одна плоть и кровь".

Искренность оратора и его священное учение тронули сердца лесных детей, и они отказались от коварства и мести. Подарки, которые преподнес Пенн, были приняты искренне, и с сердечной дружбой они отдали пояс из вампума.

"Мы будем жить, - сказали они, - в любви к Уильяму Пенну и его детям до тех пор, пока будут существовать луна и солнце".

Мистер Бэнкрофт говорит: "Это соглашение о мире и дружбе было заключено под открытым небом, на берегу реки Делавэр, с солнцем, рекой и лесом в качестве свидетелей. Оно не было подтверждено клятвой, не было ратифицировано подписями и печатями; не было найдено никаких записей о конференции, а ее условия и положения не имели неизменной надписи, кроме как на сердце. Там они были написаны, как закон Божий. Простые сыны пустыни, возвращаясь в свои вигвамы, хранили историю завета на ниточках вампума, а спустя долгое время в своих хижинах пересчитывали раковины на чистом куске коры, вспоминали и повторяли своим детям или чужестранцам слова Уильяма Пенна. В Новой Англии только что закончилась катастрофическая война на истребление. Голландцы почти никогда не были в мире с алгонкинами. В законах Мэриленда говорится о военных действиях и резне индейцев, которые доходили до Ричмонда. Пенн пришел без оружия; он объявил о своем намерении воздерживаться от насилия; у него не было никакого послания, кроме мира, и в его время ни одна капля квакерской крови не была пролита индейцами.

"Разве не было прогресса от Мелендеса до Роджера Уильямса? От Кортеса и Писарро до Уильяма Пенна? Квакеры, не зная, какое почтение получают их добродетели от Вольтера и Рейналя, столь непохожих на них людей, ликовали в сознании своей человечности. "Мы поступили лучше, - искренне говорили они, - чем если бы вместе с гордыми испанцами овладели рудниками Потоси. Мы можем заставить честолюбивых героев, которыми восхищается мир, краснеть за свои позорные победы. Бедным, темным душам, живущим вокруг нас, мы разъясняем их права как людей".

После заключения договора Пенн снова отправился через Нью-Джерси в Нью-Йорк и на Лонг-Айленд, навещая друзей и проповедуя со свойственной ему горячностью и искренностью. Затем он вернулся на Делавэр и в седьмой день ноября отправился в Апплендс (ныне Честер), где собрал первое провинциальное собрание своей провинции. Там он поведал о своих благожелательных замыслах в отношении всех людей, цивилизованных и диких, и вызвал любовь и почтение всех слушателей. Собрание выразило ему свою признательность, а шведы уполномочили одного из них сказать ему от их имени, что они "будут жить, служить и повиноваться ему всем, что у них есть", заявив, что это был "лучший день, который они когда-либо видели". Он сообщил собравшимся об объединении "территорий" (так назывался Делавэр) со своей провинцией и принял их поздравления. Тогда и была заложена основа великого содружества Пенсильвания.

Оставалось решить еще один вопрос - договориться с третьим лордом Балтимором о пограничных линиях. Наконец, все было улажено, и Пенн отправился вверх по Делавэру на открытой лодке в Викако, чтобы принять участие в основании города, о котором упоминал в своих концессиях в 1681 году. Еще до прибытия в Америку Пенн думал об этом городе, который ему предстояло основать, и решил дать ему имя Филадельфия - греческое слово, означающее братскую любовь, - в знак принципов, на которых он намеревался управлять своей провинцией.

Рядом с домом, построенным шведами, но с тех пор превращенным в церковь, он приобрел земли, простирающиеся от высоких берегов Делавэра, окаймленных соснами, до берегов Шуилкилла. Там его землемер заложил город Филадельфию по плану, который должен был охватить около двенадцати квадратных миль.

Землемером, который помогал Уильяму Пенну закладывать Филадельфию, был Томас Холм. В конце 1682 года город был обследован, а границы улиц отмечены на стволах каштанов, орехов, саранчи, елей, сосен и других лесных деревьев, покрывающих землю. Многие улицы были названы в честь лесных монархов, на которых были вырезаны эти надписи, и до сих пор носят эти названия. Город быстро рос, и уже через год после того, как землемер закончил эту работу, в нем было построено почти сто домов, а индейцы ежедневно приезжали с плодами погони в качестве подарков "отцу Пенну", как они с удовольствием называли владельца.

В марте следующего года новый город был удостоен чести собранием второй ассамблеи провинции, когда Пенн через своих представителей предложил жителям новую хартию. Новая хартия была настолько либеральной во всех своих положениях, что когда он задал вопрос:

"Принять ли нам новую конституцию или придерживаться старой?", они дружно проголосовали за принятие новой хартии и сразу же стали представительным республиканским правительством, основой которого была свободная вера, справедливость, а собственник, в отличие от других провинций, передал народу свои уставные права в назначении должностных лиц. С самого начала счастье и процветание его народа были превыше всего в сердце и разуме Уильяма Пенна. Именно эти счастливые отношения между

владельцем и народом, а также безопасность от набегов индейцев позволили Пенсильвании намного превзойти свои родственные колонии по скорости заселения и постоянному процветанию.

В конце 1682 года на месте Филадельфии был возведен небольшой дом для Пенна, и всего несколько лет назад он все еще стоял между Фронт и Второй улицей, занимаемый Летицией Корт.

Там он помогал разрабатывать те прекрасные законы, которые с самого начала придали Пенсильвании высокий статус. Среди прочих мудрых положений был совет арбитров, называемых миротворцами, которые должны были улаживать все трудности и тем самым предотвращать судебные тяжбы. Всех детей обучали какому-нибудь полезному ремеслу. В случае нанесения ущерба своим работникам фабриканты должны были выплачивать компенсацию и третью часть долга. Все причины нерелигиозности и вульгарности должны были быть подавлены, и ни один человек не должен был подвергаться притеснениям за свои религиозные взгляды. Также было постановлено, что дни недели и месяцы года "должны называться так, как это указано в Писании, а не языческими именами (как это принято в вульгарной среде), как первый, второй и третий месяцы года, начиная с дня, называемого воскресеньем, и месяца, называемого мартом", таким образом, год начинался, как и раньше, с первого весеннего месяца. Сначала Пенсильвания была разделена на три графства - Бакс, Честер и Филадельфию, а присоединенные территории были также разделены на три графства - Нью-Касл, Кент и Сассекс - известные впоследствии как "Три нижних графства на реке Делавэр".

Летом 1684 года Пенн вернулся в Англию, оставив управление провинцией на время своего отсутствия пяти членам совета, президент которого Томас Ллойд держал большую печать. Миссия Уильяма Пенна в Америке была успешной. В 1685 году в Филадельфии насчитывалось шестьсот домов, были открыты школы, а Уильям Брэдфорд установил печатный станок. Он напечатал свой "Альманах на год счета христиан, 1687", представляющий собой широкий лист с двенадцатью отделениями, год начинался с марта.

Уильям Пенн мог с немалой долей гордости смотреть на свою работу. Если когда-либо человек был вправе гордиться, то это был он. Глядя на результаты своей работы, он с праведным ликованием писал лорду Галифаксу: "Я должен без тщеславия сказать, что привел в Америку самую большую колонию, которую когда-либо создавал человек на частные средства, и самые процветающие начала, которые когда-либо были в ней, можно найти среди нас".

Пенн прощался с колонистами с самыми радужными надеждами на будущее, говоря: "Моя любовь и моя жизнь - с вами, и никакая вода не сможет ее угасить, никакое расстояние не сможет положить ей конец. Я был с тобой, заботился о тебе и служил тебе с нелицемерной любовью, и ты любима мною и дорога мне без слов. Я благословляю вас во имя и силу Господа, и да благословит вас Бог праведностью Своей, миром и изобилием по всей земле". Затем о Филадельфии, зенице ока благородного квакера, он сказал: "И ты, Филадельфия, девственное поселение этой провинции, моя душа молится за тебя Богу, чтобы ты устояла в день испытаний и чтобы дети твои были благословенны".

Он стоял на палубе корабля, стоявшего на якоре у подножия Каштановой улицы, когда произносил свою прощальную речь, и в тот яркий августовский день, когда добрый корабль расправил паруса и умчался за моря, он уносил с собой в Англию благословения всего народа.

Через четыре месяца после возвращения Пенна в Англию умер Карл Второй, и на престол взошел его брат Яков. В Англии начался период теологических и политических волнений, в которые был вовлечен и Уильям Пенн. Уильям Пенн и новый король давно были личными друзьями, и благодаря влиянию честного квакера двенадцать сотен преследуемых Друзей были освобождены из тюрьмы в 1686 году. Поскольку Яков находился под влиянием иезуитов, его друга-квакера заподозрили в принадлежности к ним, и когда произошла революция, свергнувшая Якова с трона, Пенн был трижды арестован по ложному обвинению в измене и столько же раз оправдан; последний раз его оправдали в 1690 году. Тем временем в Пенсильвании происходили большие политические и теологические волнения, и в апреле 1691 года три нижних графства на берегу Делавэра, оскорбленные действиями совета в Филадельфии, вышли из союза, а Пенн уступил сепаратистам настолько, что назначил над ними отдельного заместителя губернатора.

Вследствие представлений, поступивших из Пенсильвании, монархи Уильям и Мария в 1692 году лишили Пенна прав губернатора его провинции, и управление владениями было передано в руки губернатора Нью-Йорка Флетчера, который весной 1693 года воссоединил графства Делавэр с материнской провинцией. Флетчер появился во главе совета в Филадельфии в понедельник, 15 мая, с Уильямом Маркхэмом, заместителем Пенна, в качестве вице-губернатора.

Однако у благородного квакера были влиятельные друзья, которые ходатайствовали перед королем Вильгельмом о восстановлении прав Пенна. Он был вызван в Тайный совет для ответа на некоторые обвинения, но его невиновность была доказана, и через несколько месяцев все его древние права были восстановлены.

Состояние Пенна было растрчено, и он оставался в Англии под тяжелой рукой бедности до 1699 года, когда вместе со своей дочерью и второй женой Ханной Кэллоухилл отплыл в Филадельфию. Тем временем его колония под руководством его старого заместителя Уильяма Маркхэма заявила о своем праве на самоуправление и стала самостоятельно принимать законы.

Они процветали, но требовали политических привилегий, гарантированных им законом. Посчитав их требования разумными, Пенн в ноябре 1701 года предложил им новую форму правления с более либеральными уступками, чем те, что были раньше. Жители территорий трех нижних графств все еще были беспокойны из-за вынужденного союза с Пенсильванией, и Пенн законодательно закрепил положение об их окончательном отделении в 1702 году, а первый независимый законодательный орган Делавэра был собран в Нью-Касле в 1703 году. Хотя впоследствии Филадельфия и Делавэр продолжали иметь отдельные законодательные органы, они находились под властью одного правительства вплоть до революции 1776 года.

Вскоре после прибытия Пенна в Америку он получил известие о том, что на рассмотрении Тайного совета находятся меры по подчинению всех собственнических правительств короне. Пенн поселился в Филадельфии, объявив о своем намерении жить и умереть там. Он построил отличный кирпичный дом на углу Второй улицы и Норрис-аллеи.

Пренебрежительные новости с родины заставили его вернуться в Англию, что он и сделал в 1701 году, где ему удалось навести порядок в делах. В Америку он так и не вернулся. Измученный делами, связанными с его провинцией, в 1712 году он готовился продать ее за шестьдесят тысяч долларов, когда его разбил паралич. Он пережил первый шок на шесть лет, хотя так и не смог полностью оправиться, а затем умер, оставив свои владения в Америке трем сыновьям. Его семья управляла Пенсильванией как собственники до тех пор, пока

Революция не сделала ее независимым государством в 1776 году. За это время великая провинция Пенсильвания пережила немало бед от французов и индейцев.

ГЛАВА III.

ИЗРЕЗАННЫЙ РАБ.

Небо от всех существ скрывает книгу судьбы,
Все, кроме предписанной страницы, их нынешнее состояние:
От животных что люди, от людей что духи знают;
Или кто может страдать, находясь здесь, внизу?
Ягненок твой буйный на кровь обречен сегодня,
Если бы он был разумен, он бы скакал и играл?
Довольный до последней капли, он ест цветочную пищу,
И лижет руку, только что поднятую, чтобы пролить свою кровь.
-Папа.

То, чего больше всего боялись в Новой Англии и во всех американских колониях, свершилось. Карл II умер, и его брат Джеймс, герцог Йоркский, был коронован как король Англии. Взойдя на трон, первым же своим поступком Яков II проявил честный, но неосторожный фанатизм. Не умея распознать знамения времени или будучи полностью готовым отважиться на худшее, что эти знамения могли предвещать, Яков немедленно отправил своего агента Кэрила в Рим, чтобы извиниться перед папой за долгую и вопиющую ересь Англии и попытаться добиться возвращения английского народа в причастие католической церкви. Папа оказался более политичным, чем король, и дал ему очень холодный ответ, намекнув, что прежде чем решиться на столь трудное предприятие, как смена веры почти всего своего народа, ему следовало бы сесть и подсчитать расходы.

Глупый король, который не остановился ни перед чем, даже перед мягким обличением святого отца, не открыл глаза, и в результате его вскоре стали искренне ненавидеть почти все его подданные. У его брата остался незаконнорожденный сын герцог Монмутский, которого подтолкнули к попытке захватить трон своего дяди. Поначалу дело герцога казалось благополучным. Его армия разрослась от сотен до тысяч; но из-за недостатка энергии и пристрастия к удовольствиям он медлил и дал королевским войскам время набрать рекрутов. На него напали при Седжморе, недалеко от Бриджуотера, и, благодаря вероломству или трусости Грея, его генерала кавалерии, мятежники потерпели поражение. Монмут попал в плен, и его дядя приказал обезглавить его, что и было сделано.

Затем началось самое варварское наказание мятежников, которое когда-либо было известно. Офицер по имени Кирк был послан королем отслеживать мятежников Монмута или тех, кто им сочувствовал. Его зверские деяния могли бы заполнить целый том, и они настолько отвратительны, что кажутся невероятными. Другим жестоким негодяем того времени был судья Джеффрис. Судебный горностаи часто позорили предвзятые судьи, но Джеффрис был самым страшным чудовищем, когда-либо сидевшим на скамье подсудимых. Он вешал людей с таким же удовольствием, как и Беркли из Вирджинии. Его срок называли "кровавыми приговорами", и по сей день имя судьи Джеффриса в укор скандальным решениям пристрастной судебной системы.

Вступление на престол Якова II произвело в американских колониях меньше изменений, чем ожидалось. Возможно, если бы его правление было более продолжительным, изменения были бы более значительными. Подавление восстания Монмута дало колониям много полезных граждан. В глазах потомков люди связывают себя с теми предметами, которыми они увлекаются. Яков II был неумолим к фаворитам своего брата. Монмут был обезглавлен, и триумф законности был отмечен медалью, изображающей головы Монмута и Аргайла на алтаре, их истекающие кровью тела внизу, с надписью: "Sic aras etcept": "Sic aras et sceptru tuemur." ("Так мы защищаем наши алтари и наш трон").

"Лорд верховный судья проводит свою кампанию на западе", - писал Яков II одному из европейцев, ссылаясь на план Джеффриса по наказанию мятежников. "Он уже осудил несколько сотен человек, часть из которых мы уже казнили, еще будут казнены, а остальные отправлены на плантации". Заключенные, приговоренные к транспортировке, были ходовым товаром. В Америке был такой спрос на рабочую силу, что осужденных и рабочих регулярно покупали и отправляли в колонии, где их продавали в качестве прислуги. Придворные Якова II ликовали по поводу богатого урожая, который сулило восстание, и выпрашивали у монарха частые подарки из осужденных соотечественников. Джеффрис услышал об этой затее и с возмущением обратился к королю:

"Умоляю ваше величество, чтобы я сообщил вам, что каждый пленник будет стоить десять, а то и пятнадцать фунтов за штуку, и, сэр, если ваше величество распорядится так, как вы уже задумали, то люди, не пострадавшие на службе, убегут с добычей". В соответствии с этим призывом лорда верховного судьи добыча была поделена, и его честь была частично удовлетворена. Многие из каторжников были людьми семейными и образованными, привыкшими к простоте и изяществу.

"Примите все меры, - писал монарх правительству Виргинии под подписью Сандерленда, - примите все меры, чтобы они продолжали служить не менее десяти лет, и чтобы им не разрешалось каким-либо образом выкупать себя деньгами или иным способом, пока этот срок не истечет полностью. Подготовьте законопроект для собрания нашей колонии с такими положениями, которые потребуются для этой цели".

Ни один законодательный орган ни в одной из американских колоний не поддержал такого злого умысла, ибо колонии никогда не были в полном согласии с Яковом II. Тирания и несправедливость населяли Америку людьми, воспитанными на страданиях и невзгодах. История нашей колонизации - это история преступлений Европы, и некоторые из лучших семей Америки происходят от задубевших слуг Старого Света.

В Бристоле похищение людей стало обычным делом, и не только преступников, но и молодых людей, родовитых и образованных, спешно переправляли через Атлантику и продавали за деньги.

Никогда еще король не проявлял себя большим тираном или более бесчеловечным и жестоким, чем Яков II. После подавления восстания Монмута возродились все кровавые эксцессы деспотической мести. В деревнях для устрашения народа возводились gibbets, а исполнение законов поручалось солдатам. В Шотландии не осталось ни одной пресвитерианской семьи, которая не была бы подвергнута запрету или наказанию. Тюрем были переполнены, а их арендаторов отправляли в качестве рабов в колонии. Обезумевшие от череды убийств; изгнанные из своих домов в пещеры, из пещер в болота и горы; смерть, принесенная обитателям дома, который должен был их приютить; смерть благодетелю, который должен был подбрасывать им еду; смерть другу, который выслушивал их жалобы; смерть жене или родителям, которые все еще осмеливались утешать мужа или сына; их

выслеживали шпионы; на них охотились собаки; фанатики ополчились на своих преследователей и угрожали отомстить тем, кто еще продолжит мариать руки в крови. В ответ совет приказал устроить резню. Того, кто не принесет присягу, казнили, хотя он был безоружен, а раскольников расстреливали на дорогах, в поле или на молитве. Бегство означало признание вины; возбуждение подозрений - смертный приговор; признание договора - измена.

Иногда участь заклеяменного раба была счастливой. Сотни и тысячи беглецов, спасавшихся от преследований, попадали в Новый Свет, а тысячи других отправлялись в качестве каторжников.

Виргиния получила свою долю последних.

Однажды ярким весенним утром в реку Джеймс вошел корабль из Англии с несколькими рабами, которых предстояло продать плантаторам. О предстоящей продаже было сообщено, и многие плантаторы пришли посмотреть на бедных несчастных, сгрудившихся вместе, как множество зверей, в старом сарае, под охраной солдат. Мистер Томас Халл, плантатор со значительными средствами и человек, отличавшийся железной волей, был среди тех, кто пришел сделать покупки.

"Ну что, Томас, ты уже осмотрел участок?" - спросил другой плантатор.

"Нет, Брэдли, а ты?"

"Да, хотя у меня мало денег, и я не могу сделать покупку сегодня".

"Ну, Брэдли, и что же ты увидел среди них?"

"Есть много прекрасных, похотливых парней; но один меня заинтересовал и огорчил больше всего".

"Почему?"

"Это человек, который познал изысканность и легкость, ему около тридцати пяти лет, и у него есть ребенок".

"Ребенок?"

"Да, служанка не старше десяти лет, но очень красивая, с золотистыми волосами и нежно-голубыми глазами".

"Ребенок - рабыня?"

"Нет".

"Тогда почему он здесь?" - спросил Халл.

"Его история, как я слышал, поистине жалкая. Кажется, он был вдовцом с ребенком и скитался по стране, когда связался с кем-то из людей герцога Монмута и поступил на службу. Он был схвачен в Седжморе и осужден Джеффрисом. Ребенка оставили бродить на свободе, но каким-то образом она сопровождала отца, сумела тайком пробраться на корабль и была обнаружена только после того, как судно вышло в море. Тогда капитан, который был гуманным человеком, разрешил им остаться вместе до конца плавания. Сейчас она с отцом, и более красивой маленькой девочки я никогда не видел".

"Клянусь массой! Я пойду и посмотрю на нее", - воскликнул Халл. "Если она такая, как вы говорите, я куплю их обеих".

"Но она не продается".

"Почему?"

"Суд не вынес решения".

С холодным, бессердечным смехом прирожденного тирана Халл ответил:

"Все будет по-прежнему. Тот, кто купит отца, получит и служанку".

Он отправился к месту, где содержались рабы, и окинул взглядом участок, подобно тому как торговец скотом рассматривает стадо, которое собирается купить. Вскоре его взгляд остановился на красивом, мужественном человеке, в чьих гордых глазах угрюмый огонь был усмирен лишь наполовину. Он стоял, сложив руки на широкой груди, и смотрел на красивую девушку, сидящую рядом с ним.

Пленник молчал. На его запястьях красовались наручники, цепи доходили почти до земли, но рабство и цепи не могли покорить гордого пленника.

Халл любил наказывать тех, кто ему не нравился. В душе он был папистом и, следовательно, симпатизировал Якову II, поэтому к этому изрезанному рабу он с самого начала питал самую острую неприязнь. Когда раба привели на продажу, он предложил за него двенадцать фунтов. Это было на два фунта больше требуемой цены, и он стал покупателем.

"Ты мой, - крикнул Халл слуге. "Пойдем со мной". Отец обратил на ребенка свои огромные карие глаза, помутневшие от влаги, и Халл, поняв его взгляд, добавил: "Подожди, я куплю и служанку".

"Ее нельзя продать", - ответил офицер, отвечающий за рабов, - "если только хозяин корабля не сочтет нужным продать ее за деньги на проезд".

Хозяин корабля присутствовал при этом и заявил, что ничего подобного не сделает.

"Я отвезу ее обратно в Англию, если она захочет вернуться", - добавил он.

Ребенок потерял дар речи, его большие голубые глаза были устремлены на отца.

"Что вы будете делать со служанкой?" - спросил Халл, который, имея отца, был уверен, что ребенок последует за ним.

"Я верну ее в Англию бесплатно, если она того пожелает".

"Кто будет заботиться о ней там?" - спросил Халл. "Вы знаете ее родственников?"

"Нет; все они мне чужие".

Отец, с гордой грудью, вздымающейся от бурных эмоций, молча стоял и смотрел на эту сцену. Он был рабом и помнил, что раб не должен говорить без разрешения хозяина; но это было его дитя, единственное звено, связывавшее его с землей, судьба которого должна была решиться, и, если бы он был свободен, он мог бы прижать ее к груди.

"Поговорите со служанкой, - предложил кто-то из прохожих, - может, у нее есть друг в Англии, который позаботится о ней".

Хозяин корабля подошел к растерянному ребенку и, взяв ее маленькую руку в свою широкую ладонь, сказал:

"Милая маленькая служанка, ты не боишься довериться мне?"

Она подняла на него свои большие голубые глаза и шепотом ответила:

"Нет".

"У вас есть мать?"

"Нет".

"У вас есть друзья в Англии?"

"Ни одного, с тех пор как мой отец уехал".

"Где вы жили до того, как ваш отец поступил на службу в армию Монмута?"

"Мы путешествовали; мы не жили ни в одном месте".

"У вас нет друзей или родственников в Англии?"

"Никого".

Затем капитан попросил разрешения поговорить с отцом. Халл дал разрешение, так как видел, что его раб пользуется симпатией всех присутствующих, и было бы небезопасно отказать ему в некоторых привилегиях. Хозяин судна и магистрат, наблюдавший за продажей рабов для короны, нашли раба очень умным джентльменом. Он сказал, что, насколько ему известно, у него в живых остался только один родственник. У него был брат, который приехал в Америку два или три года назад; но он ничего о нем не слышал, и, возможно, он умер.

"Знаете ли вы кого-нибудь в Англии, к кому можно было бы отправить вашего ребенка?"

"Нет".

"Чем вы занимались до того, как поступили на службу в армию герцога?"

"Я был бродячим игроком", - ответил мужчина, его прекрасные трагические глаза пристально смотрели на офицеров. "Однажды моя труппа добралась до города, в котором мы должны были играть ночью, и как раз когда я готовился отправиться в театр, туда вошел герцог Монмутский. Он направлялся в Седжмор, и я был вынужден присоединиться к нему. Мой ребенок последовал за ним пешком и наблюдал за ходом сражения. Когда все закончилось, я мог бы сбежать, если бы не наткнулся на Кору, которая искала меня. Я поднял ее на руки и поспешил прочь, когда вражеская конница настигла меня, и я попал в плен".

Эта простая история произвела впечатление на всех, кто ее услышал, кроме упрямого хозяина. Магистрат спросил раба, что бы он сделал со своим ребенком.

"Пусть она остается в колонии, пока не закончится срок моей службы, тогда я буду трудиться, чтобы вознаградить любого, кто оставит ее у себя".

На это Халл сказал, что возьмет служанку, и она всегда будет рядом с отцом. Все, кто знал Халла, отнеслись к этому предложению с подозрением.

На сцене появился новый человек. Это был молодой человек примерно того же возраста, что и заключенный. Это был богатый виргинец по имени Роберт Стивенс, известный своей

сердечной добротой и благотворительностью. Он прибыл на место происшествия только после того, как раб был продан, но вскоре услышал историю о пленнике от Седжмора и его ребенка. Сердце Роберта Стивенса сразу же откликнулось на просьбу этих несчастных, и он решил придумать, как сделать отца практически свободным.

"Раб продан?" - спросил он.

"Продан, и я являюсь покупателем", - ответил Халл.

"Сколько вы за него отдали?"

"Двенадцать фунтов".

"Я дам пятьдесят".

"Он уже продан", - ликующе повторил Халл. Он презирал Роберта Стивенса за его богатство и популярность. Купить раба, которого хотел Роберт Стивенс, было для Халла великой славой.

"Не бойся, добрый человек, - сказал Роберт несчастному рабу. "У меня достаточно денег, чтобы выкупить твою свободу".

К сожалению, эти слова дошли до слуха Томаса Халла, и он ответил:

"Король приказал, чтобы все отбыли свой срок и никому не было позволено выкупить свою свободу".

"Я дам вам сто фунтов за раба", - вскричал Роберт.

"Нет."

"Тысячу!"

"Роберт Стивенс, по какой-то причине вы хотите вернуть раба на свободу".

"Нет. Продайте его мне, и он отбудет свой срок".

"Я понимаю ваш план. Вы хотите сделать его рабство роскошью. Вы не сможете получить раба за сумму, в сто раз превышающую ту, что вы предлагаете. По закону осужденный принадлежит мне по праву, пока не отбудет свой срок. Я не так бессердечен, как вы думаете. Его ребенок может отправиться в мой дом, где о нем позаботятся".

"Нет, нет, нет!" - вскричал пленник, его глаза обратились призывом к Роберту Стивенсу. "Вы заберете ее, вы заберете ее. Иди с ним, Кора".

Ребенок бросился к Роберту Стивенсу, ибо она уже начала бояться человека, который был хозяином ее отца. Лицо Халла было черным от ярости. Он кусал губы, но ничего не говорил. Вместе со своим рабом он поспешил домой.

Раб звали Джордж Уотерс, и вскоре ему предстояло узнать, что такое хозяйская рука.

Томас Халл был владельцем негров-рабов, а также белых слуг, и не делал между ними различий. Джордж Уотерс, гордый и благородный человек, был поставлен работать с грязными неграми на табачных полях. Эти полудикие варвары, с их невежеством и низменными инстинктами, должны были унижить утонченного джентльмена.

"Ты один из нас", - сказал негр. "Как тебя зовут?"

"Джордж Уотерс".

"Джордж-Джордж, так зовут и меня", - ответил негр, опираясь на мотыгу. "Вы полагаете, мы грубияны?"

"Нет".

"Тогда почему нас зовут Джордж?"

"Не знаю".

В этот момент появился надсмотрщик и пригрозил им плетью, если они не прекратят разговоры и не займутся своей работой. Гордый Джордж Уотерс снова и снова подвергался оскорблениям, пока не смог сдержаться, чтобы не повалить Мартина, своего надсмотрщика, и не продать свою жизнь, защищая свободу; но он помнил о Коре и решил терпеть насмешки и оскорбления ради нее, пока не закончится срок его службы. Единственным утешением для него было то, что о его ребенке хорошо заботились.

Он проработал полтора года на верхней плантации Томаса Халла, и хотя он хорошо себя вел и выполнял работу двух обычных мужчин, хотя он никогда не произносил ни слова жалобы, какие бы тяготы на него ни возлагали, его природная гордость и благородство характера вызвали ненависть надсмотрщика. Тот обладал буйным нравом и ненавидел Джорджа Уотерса.

Однажды, совершенно без всякого повода, он пригрозил избить Уотерса. Слуга выхватил у него из рук кнут и сказал:

"Я не сделаю вам ничего плохого, сэр. Я всегда выполнял свои обязанности как можно лучше и никогда не жаловался; но если вы хоть раз ударите меня, я убью вас".

В его глазах был огонь, а в голосе - искренность, которая испугала трусливого надсмотрщика, но в то же время усилила его ненависть. Он решил отомстить и доложил Халлу, что раб взбунтовался. Халл позволил привязать Джорджа Уотерса к дереву четверем крепким неграм, чьи варварские натуры с удовольствием выполняли такую работу, и надсмотрщик дюжину раз ударил кнутом по его голым плечам. Ни один стон не вырвался из его уст. Три дня он лежал в своем жалком жилище, ожидая, пока заживут раны, и тем временем принял решение бежать из колонии.

Он слышал, что общество Друзей, или квакеров, основало колонию на севере, которая называлась Пенсильвания; он знал, что они помогут рабу. Как только он поправился, он украл из хижины пистолет, нож и немного боеприпасов и ночью отправился на плантацию Роберта Стивенса, где находилась Кора. Его побег был обнаружен, и надсмотрщик вместе с Томасом Халлом отправился в погоню за беглецом. На рассвете они настигли его в лесу на реке Нижний Джеймс и, сев на лошадей, пустились в погоню.

"Не подходите! Не подходите!" - кричал беглец, - "или я не буду отвечать за последствия", - и он поднял в воздух пистолет. Надсмотрщик был вооружен пистолетами и, выхватив один из них, галопом подбежал к беглецу на расстояние ста шагов и выстрелил, но промахнулся. Быстро сообразив, Джордж Уотерс поднял пистолет и, прицелившись в грудь своего потенциального убийцы, застрелил его из седла.

Тело упало на землю, а испуганная лошадь крутанулась на месте и убежала. Томас Халл, который был трусом, потрясенный судьбой своего надсмотрщика, повернулся и бежал так быстро, как только могла ехать его лошадь.

Ужаснувшись тому, что он сделал, и зная, что смерть, верная и быстрая, последует за его поимкой, Джордж Уотерс повернулся и бежал вниз по реке Джеймс. Какой-то ангел-хранитель направлял его шаги, потому что однажды ночью он оказался на плантации Роберта Стивенса, почти голодный, слабый и немощный. Джордж был доведен до отчаяния, когда столкнулся с богатым плантатором и попросил еды. Роберт узнал в нем отца маленькой служанки, которую он взял к себе в дом как одну из членов своей семьи.

"Я все слышал, вас не должны видеть", - сказал Роберт. Затем он провел его в одну из квартир своей большой усадьбы. "Вы голодны?"

"Я умираю от голода".

Роберт своими руками принес ему еду и, пока он ел, спросил:

"Вы хотите увидеть Кору?"

"Можно?"

"Да".

"Я раб и..."

"Я знаю, что ты скажешь. Не говори этого, ведь ты убил только в целях самообороны".

"Но меня повесят, если найдут".

"Тебя не найдут. Небеса помогут мне, если я укрою от правосудия настоящего преступника; но тот, кто наносит удар во имя свободы, достоин помощи".

После того как беглец в какой-то мере утолил голод, Роберт сказал:

"Тебе нужен сон и отдых, после чего ты должен подготовиться к долгому путешествию".

"Куда же мне отправиться?"

"В Массачусетс. У меня есть родственники в Салеме, там ты будешь в безопасности".

"В безопасности!"

Он повторил это слово, как будто это был великолепный сон - видение, которому никогда не суждено сбыться.

"Да, вы будете в безопасности; но поскольку вам придется проделать путь через огромный лес, вам нужно будет подкрепиться отдыхом и пищей".

Беглец с дикими глазами, с лицом, изможденным смертью, схватил руку своего благодетеля и сказал:

"Они придут и убьют меня, пока я сплю".

"Не бойся, мой несчастный брат, я помещу тебя в камеру, где никто, кроме меня, не будет знать о тебе".

"А мое дитя?"

"Она будет сопровождать тебя в Салем".

Беглец больше ничего не сказал. Он доверил все человеку, который обещал спасти его. Его провели по двум лестничным пролетам, дошли до лестницы, ведущей на чердак, и по этой лестнице поднялись в камеру, где стояла узкая кровать с мягкими чистыми простынями и подушками - первая, которую узник увидел в Новом Свете.

"Здесь вы можете спать в полной безопасности", - сказал Роберт. "Я прослежу, чтобы к вам никто не приставал".

Измученный путник бросился на кровать и заснул.

Стивенс спустился вниз и рассказал жене о беглеце. Эстер Стивенс была дочерью генерала Гоффа, цареубийцы, которого Карл II долгие годы преследовал за то, что тот подписал смертный приговор отцу-королю и служил в армии Оливера Кромвеля, и миссис Стивенс могла посочувствовать политическому беглецу. Они рисковали, оставляя его в своем доме; но поскольку большинство колонистов симпатизировало герцогу Монмуту, а у Якова II в Виргинии было мало друзей, а у Томаса Халла - ни одного, их риск был не так велик, как могло показаться.

Беглец проснулся в конце следующего дня, и Роберт отнес ему завтрак. Колония была вне себя от волнения из-за побега раба и убийства надсмотрщика. Томас Халл представлял преступление как можно более чудовищным, чтобы вызвать симпатию к себе и ненависть к сбежавшему рабу. Некоторые люди открыто заявляли, что беглый раб должен быть убит, другие сочувствовали ему. Они рассуждали, что Халл был суровым хозяином, а этот бедняга - не преступник, а патриот, за что и был приговорен к десяти годам каторги.

Многие из искателей пришли в особняк Стивенса, но ему удалось сбить их со следа.

Пять дней и ночей Джордж Уотерс оставался на чердаке. На шестую ночь к нему пришел Роберт Стивенс и сказал:

"Теперь ты должен отправиться в путь".

"Но Кора - могу я ее увидеть?"

"Она будет сопровождать вас. Вот одежда, более подобающая человеку вашего ранга и положения, чем одеяние захудалого раба". Он внес в квартиру костюм для верховой езды, сапоги и шляпу. Когда он оделся, Роберт принес ему оружие: великолепное ружье и скобу пистолетов лучшей марки.

"Они могут вам пригодиться", - сказал плантатор. "В седле вы также найдете кобуры".

"А Кора знает об этом?"

"Я ей все рассказал".

Отец вздрогнул. В гордыне своей души он вспомнил, что был рабом, испытывал удары плетью и был унижен.

Под широко разросшимся каштаном возле особняка плантатора стояли три лошади, готовые к седлу. Верный раб-негр держал их, и маленькая служанка, одетая для долгого пути, ожидала приезда отца. Рядом стояла четвертая лошадь, на которой лежали вьюки с провизией и небольшое походное снаряжение.

Отец и ребенок молча встретились и обнялись, и, если бы она не почувствовала слезы на своем лице, вряд ли бы догадалась, что он так сильно взволнован.

"Мы сядем на коней и отправимся в путь еще до рассвета", - сказал Роберт.

"Вы поедете с нами?" - спросил Джордж Уотерс.

"Конечно. Я знаю эту страну и проведу вас вне опасности".

Они сели на коней и ехали всю ночь. На рассвете они остановились только для того, чтобы подкрепиться холодным завтраком, и двинулись дальше.

Три дня Роберт путешествовал вместе с ними, а затем, на границе Мэриленда, остановился и рассказал им о земле, которая теперь находится в пределах их досягаемости, где живут квакеры. Там они могут отдохнуть, пока не смогут отправиться в Массачусетс. Он дал отцу кошелек с золотом, сказав:

"Возьми, и пусть Бог будет так же добр к тебе, как и ко мне".

Беглец пробормотал несколько слов благодарности, но его благодетель развернул своего коня и поскакал прочь, чтобы слова благодарности не дошли до его ушей.

"Поедем дальше, отец", - сказала Кора.

Несколько дней - Кора Уотерс не могла сказать, сколько именно, - они путешествовали, пока наконец на берегу Делавэра не наткнулись на небольшой городок, где жили люди, живущие в мире со всем миром, - квакеры, и уставшего ребенка и ее отца приютили, дали еду и кров, христианское сочувствие и заверили в безопасности.

ГЛАВА IV.

МР. ПАРРИС И ПАСТВА.

И неверен свет на макушке славы,
как увядающие оттенки ровного,
И Любовь, и Надежда, и Красота цветут,
как цветы, собранные для могилы, -
Нет ничего яркого, кроме Небес.
-Мур.

Последние муки могущественного суеверия вот-вот должны были охватить маленькое общество в Салеме, и, как обычно бывает в таких случаях, невежество и предрассудки шли рука об руку, чтобы уничтожить разум и человечность. Начиналось последнее из великих религиозных гонений, когда выдающиеся прорицатели должны были стоять и с гордостью указывать на колышущиеся тела своих жертв, висящих на виселице, и называть их "огненными клеймами ада".

В деревне Салем произошла распря между священником Сэмюэлем Пэррисом и частью его народа; распря настолько ожесточенная, что она даже привлекла внимание общего суда. Все мы знаем, даже в наши дни, какой фурор может произвести в церкви, когда часть

организации выступает против пастора. Иногда божественный пастырь выходит из себя и говорит гадости против своей паствы, а также думает многое из того, что не произносит.

Пэррис был человеком, исполненным амбиций и предрассудков. Он был фанатиком и легко доводил оппозицию до бешенства. Недоброжелательная критика расстраивала его нервный организм, и он принимался искать в Писании доказательства для осуждения своих врагов. Ему и в голову не приходило любить тех, кто его ненавидел.

Перед тем как отправиться в Салем, мистер Пэррис несколько лет прожил в Вест-Индии и привез с собой несколько рабов, купленных у испанцев. Среди них были два известных в истории человека - Джон и Титуба, его жена. Историки расходятся во мнениях относительно национальности этих рабов. Одни утверждают, что это были индейцы, другие называют их неграми, третьи - полукровками. Какой бы ни была их национальность, их практика была фетишизмом западной Африки, и нет никаких сомнений в том, что в их жилах преобладала негритянская кровь. Все их обучение, их низкая хитрость и звериное поклонение, их обман и вероломство были совершенно не похожи на черты ранних аборигенов Америки и были чисто африканскими.

Джон и Титуба были полны грубых суеверий своего народа, а их телосложение и темперамент лучше всего подходили для занятий демонологией.

В семье Сэмюэля Пэрриса его дочь, ребенок девяти лет, и племянница, девочка не старше двенадцати, стали проявлять странные капризы. Во время такого положения дел пастор фактически позволил создать, с его собственного ведома, общество молодых девушек в возрасте от восьми до восемнадцати лет, которые собирались в пасторате, странно напоминая те "кружки", которые в наше время называются спиритическими сеансами, для спиритических откровений. Нет никаких сомнений в том, что молодые девушки находились в состоянии сильного нервного и психического возбуждения, которое скорее поощрялось, чем подавлялось средствами, используемыми их духовным наставником. Вместо того чтобы рассматривать их как субъектов болезненного заблуждения, мистер Пэррис считал их жертвами внешнего и дьявольского влияния, и, как ни странно, это влияние, по свидетельству самих детей, должно было осуществляться некоторыми из самых благочестивых и уважаемых людей общества. Поскольку под подозрение попали именно те, кто выступал против мистера Пэрриса, есть все основания подозревать благоговейного мистера Пэрриса в том, что он прилагал все усилия, чтобы удовлетворить свою месть.

Многим детям няня, верящая в привидения и рассказывающая истории о них, испортила жизнь и расшатала нервы.

Ни один народ не является более суеверным в отношении привидений и ведьм, чем негры. Какие бы фетишистские идеи ни существовали у индейцев Нового Света, гораздо больше их было у африканцев, с которыми они рано вступили в контакт.

Старая Титуба была ужасным созданием. Если и существовала на свете ведьма, то это была она, и когда она, скрючившись в углу, курила свою глиняную трубку, закрыв глаза, рассказывала девочкам свои странные истории, никто не мог удивляться, что на них это произвело странное впечатление.

"Итак, девочки, позвольте мне сказать вам, что если вдруг ведьма поймает вас, ущипнет и воткнет в вас булавки, вы их не увидите, вы никого не увидите, вы ничего не увидите", - сказала старая Титуба.

"Что нам делать, если ведьма нас поймает, Титуба?" - спросила Абигейл Уильямс, племянница мистера Пэрриса.

"Только одно, чили. Сжечь ведьму или повесить ее".

"А сейчас есть ведьмы?"

"Да, их много. Я вижу их каждую ночь. А вы никогда не видели ночью черного человека?"

Дети молчали, пока одна девочка, чье воображение было очень живым, не решила, что однажды видела черного человека.

"Когда это было?" - спросила Абигейл Уильямс.

"Однажды ночью, когда я проснулась от сна, я увидела рядом с собой огромное черное нечто".

Маленькие голубые глазки так широко раскрылись и с такой серьезностью смотрели на собравшихся детей, что в ее искренности невозможно было усомниться.

"Можем ли мы ловить ведьм?" - спросила Абигейл у Титубы. спросила Абигейл у Титубы.

"Да."

"Как?"

"Многими способами".

Затем она продолжила рассказывать о различных чарах, с помощью которых можно обнаружить ведьму, например, нарисовать изображение обвиняемого и проткнуть его серебряным ножом или выстрелить в него серебряной пулей.

"Однажды, когда ведьма сидела в печи, - продолжала Титуба, - и масло не выходило, человек взял горячей воды и налил ее в печь, после чего раздался громкий звук, как из пушки, и они увидели облако над печью. Пока, пока, это облако превратилось в голову женщины, и она стала старой женщиной, которую в округе называли ведьмой".

"Это правда, Титуба?" - спросила одна из маленьких девочек.

"Да, это так, и это действительно правда, чили".

Нет ничего более восприимчивого, чем юное воображение. Оно может видеть все, что пожелает, слышать все, что захочет, и, как воск, готово принять любое впечатление, которое ему вздумается произвести. Ребенка можно заставить поверить в то, что он видит самые неестественные вещи, и за несколько дней Титуба и Джон полностью убедили детей, что видят духов и ведьм, витающих в воздухе вокруг них.

Однажды вечером в пастораль, где ведьмы и призраки устраивали пиршества, пришла симпатичная молодая женщина, не старше двадцати одного года. Она была брюнеткой с темными пронизательными глазами и волосами цвета струи. Ее лицо было прекрасным, если только не искажалось от страсти, а фигура - безупречной.

"Сара Уильямс, где вы были, что мы не видели вас целых две недели?" - спросила миссис Пэррис, когда гостья вошла в дом.

"Я была в Бостоне и только вчера вернулась. Что за странные вещи происходят с тех пор, как я уехал?"

В этот момент открылась дверь, и из кабинета вошел мистер Пэррис, высокий, бледный мужчина. Не дожидаясь ответа жены пастора на свой вопрос, новоприбывшая поднялась и, схватив за руку своего духовного наставника, воскликнула:

"Мистер Пэррис, как вы бледны! Но я не могу этому удивляться, если вспомнить все, что я слышала".

"Что вы слышали, Сара?" - спросил он.

"Я слышала, что у вас проблемы в общине".

"Кто вам сказал?"

"Слух об этом прошел по всей стране и даже дошел до Бостона. И говорят, что злые духи посетили Салем, чтобы опорочить вас".

Мистер Пэррис так крепко сжал тонкие губы, что кровь, казалось, совсем покинула их, а его холодные серые глаза зажглись приглушенным огнем, когда он ответил:

"Я далеко не безразличен к тому, что в это необычное время, когда дьявол сходит на нас в великом гневе, слишком много языков и сердец, которые таким образом поджигают адский огонь".

"К кому вы можете отнести свои беды?"

"К доброй жене Сестре", - ответил пастор. "Именно этот адский огонь стремится погубить меня".

"Я видел Добрую Кормилицу", - закричал один из маленьких детей.

"Когда?" - спросил мистер Пэррис.

"Вчера вечером".

Пастор, гость и жена обменялись многозначительными взглядами, и отец спросил:

"Где вы ее видели?"

"Она пришла с черным мужчиной к моей кровати".

"Что она делала?"

"Она попросила меня подписать книгу".

"Какую книгу?"

"Я не знаю, но это была красная книга".

Встревоженная мать в приступе истерики схватила ребенка на руки и закричала:

"Нет, нет, нет! Не подписывай книгу и не продавай свою бессмертную душу, дитя!" И она разразилась рыданиями, которые привели в ужас всех детей, которые начали выть, как будто их преследовали демоны. Когда шум достиг своего апогея, дверь в смежную комнату открылась, и в нее просунули головы Титуба и Джон.

"Она умерла! Она умерла!" - кричала старая Титуба. "Я вижу ее! Я вижу дем Бофе!"

"Да, я вижу ее, Титуба, вижу ее", - повторил Джон.

"Кого ты видишь?" - спросил пастор.

"Вижу чернокожего человека и добрую няню".

"Где?"

"Дар".

Они указали на пол, затем на стену до потолка, где оба поклялись, что видят добрую сестру и черного человека, или демона, танцующих с поднятыми пятками и опущенными головами.

Негр захлопал в ладоши, похлопал ногой по полу и громко воскликнул:

"Видите ли вы это, Марстер? Видите ли вы это, чиллун?"

Одна маленькая девочка, устремившая свой взгляд в темный угол комнаты, подумала, что видит тень, движущуюся по стене, но не была в этом уверена. Пастор был поражен присутствием князя тьмы в его собственном доме и, упав колени, начал молиться. Естественно, когда все мысли были направлены в одно русло, как это было в молитве, суеверное чувство, владевшее ими, прошло, и домочадцы, которые несколько минут назад были на грани истерики, стали более спокойными, и когда все поднялись с колен, миссис Пэррис попросила своего гостя провести с ними вечер.

"Я бы с радостью осталась, но меня пугает долгая дорога домой".

"Сэмюэл будет сопровождать вас, если только Чарльз Стивенс не приедет, как он обещал. В случае если он придет, он может пойти с вами".

При упоминании Чарльза Стивенса глаза молодой женщины загорелись ярче, а лицо стало пунцовым.

"Сара, вы ничего не слышали о своем муже?" - спросил священник.

"Нет, он мертв".

"Вы никогда не слышали о пиннасе?"

"Нет; но она, несомненно, была потеряна".

"Как давно он уехал?"

"Год. Он отправился в Нью-Йорк, его видели выходящим из этого порта, и о нем никогда не было слышно".

"Это печально".

"Да, это так", - Сара постаралась сдержать слезы и вытерла глаза уголком фартука.

Джон и Титуба удалились в свои владения, на кухню, чтобы наколдовать новых демонов и спланировать новые злоключения.

Мистер Пэррис не мог долго отвлекаться от непокорных членов своей паствы. "Я отомщу за них", - думал он. "Воистину, я буду отомщен за каждую боль, которую они заставили меня испытать".

Он забыл о повелении: "Месть Моя, Я воздам, говорит Господь".

Сара Уильямс продолжила выяснять отношения с мистером Пэррисом и его церковью.

"Является ли Ребекка Нерс вашим врагом?" - спросила она.

"Истинно, она враг, как и ее сестра, добрая жена Кори".

"Почему они ваши враги?"

"Им нужен другой пастор, и они сделали все, что в их силах, чтобы погубить меня".

"Почему вы это терпите?" - спросила Сара.

"Чем я могу помочь себе? Я сохраняю и буду сохранять свое попечение, несмотря на добрую нянюшку".

На это младший ребенок сказал:

"В прошлый Господень день добрая сестра была в церкви с желтой птичкой".

"Желтая птица?" - воскликнули все.

"Да, я видела, как желтая птица влетела в церковь и села ей на плечо".

Титуба сказала бедному заблуждающемуся ребенку, что если бы Гудвиф Нерс была ведьмой, то ее сопровождала бы желтая птица.

"Конечно, ты не видела никакой желтой птицы в прошлый день Господень".

"Верно, видела, и она прилетела сначала и села ей на плечо, а потом на колено, и, пока отец читал проповедь, она шептала ей на ухо".

"Вы могли слышать, что оно говорило?" - спросил пастор.

"Нет, потому что я не был достаточно близко".

Тогда пастор, его жена и посетитель обменялись взглядами. Глупо доверчивые и слепо суеверные, а также предвзятые, их умы были подобны непаханой земле, готовой принять любое впечатление, каким бы глупым оно ни было.

Не успели они договорить, как в дверь постучали, и вошел Чарльз Стивенс, тот самый мальчик, который помогал раненому незнакомцу, так таинственно исчезнувшему. Чарльз был уже почти мужчиной и выглядел вполне привлекательно. Он был высоким и мускулистым, с живыми серыми глазами и открытым мужественным лицом. Он не утратил своей веселости, и его веселый свист все еще шокировал некоторых старых пуритан.

Как только Чарльз вошел, молодая вдова поднялась, вся покраснев, чтобы поприветствовать его. Она была старше его не более чем на один-два года, и, будучи еще красивой, могла увлечь юношу.

Пастор тепло приветствовал его и заверил, что его визит пришелся как нельзя кстати, но он очень сожалел, что не пришел на час раньше.

"Почему вы хотите, чтобы я пришел на час раньше?" - спросил веселый Чарльз.

"Чтобы вы могли своими глазами увидеть некоторые из чудесных проявлений князя тьмы".

Усмехнувшись, Чарльз ответил, что подобные проявления слишком обычны, чтобы заслуживать особых комментариев; но, как само собой разумеющееся, он спросил, что это были за проявления.

"Примером колдовства".

Чарльз рассмеялся, и мистер Пэррис был потрясен его скептицизмом.

"Почему ты смеешься, невоспитанный юноша?" - воскликнул пастор.

"Ведьма! Я верю, что ведьм не существует", - ответил он.

"Неужели ты поверишь своим глазам, юный скептик?"

"Я могу даже сомневаться в своих глазах".

"С чего бы это?"

"Ничто так не обманывает, как зрение; оптические галлюцинации - обычное дело. Вы видели ведьму?"

"Сам - нет, но другие видели".

"Кто?"

"Джон, Титуба и Энн Пэррис видели ведьм, которые танцевали на потолке, подняв ноги и опустив головы".

На это Чарльз Стивенс снова рассмеялся и ответил:

"Воистину, вы сошли с ума, мистер Пэррис, если верите тому, что говорят эти лживые негры. Они убедили ребенка в том, что он видит странные явления".

Мистер Пэррис сильно разволновался и воскликнул:

"Служанка видит по ночам очертания доброй няни и черного человека. Они приходят и душат ее, чтобы заставить подписать книгу".

"Какую книгу?"

"Дьявольскую книгу. Не помните ли вы, как некоторое время назад в вашем доме побывал незнакомец, который таинственным образом исчез?" Конечно, Чарльз помнил. Он никогда не забывал этого таинственного незнакомца и часто задавался вопросом, какова была его судьба.

"Такая же фигура появилась перед Джоном Лаудером в лесу, куда он отправился охотиться на оленей, и попросила его подписать красную книгу, в которой записаны души проклятых".

Такую страшную историю рассказал Лаудер по возвращении с ночной охоты, и многие легковверные жители Новой Англии поверили ему. Мистер Пэррис, разогревшись от своей темы, продолжил:

"Чарльз, Чарльз, сбрось с себя тяжкое иго дьявола. Там, где говорится, что "весь мир лежит в нечестии", некоторые древние перевели: "весь мир лежит в дьяволе". Дьявол - князь, да, дьявол - бог для всех невозрожденных, и, увы, их целый мир. Опустошенный грешник, подумай, какому ужасному господину ты поработен, и о, избавься от рабства у такого господина".

Чарльз не был готов к такой проповеди и не хотел, чтобы она ему надоела, но ему не оставили выбора.

Молодая вдова пришла ему на помощь, взяла его под свою защиту и вскоре заставила его забыть о том, что он когда-либо подвергался упрекам со стороны пастора. Конечно, он никогда не встречал более приятного человека, чем Сара Уильямс. Ее муж был братом миссис Пэррис, и она пользовалась большим влиянием в семье священника. Постепенно она все больше и больше поглощала общество Чарльза Стивенса, рассказывая ему о своем недавнем визите в Бостон и о последних новостях из Англии, расспрашивая о его матери и разговаривая только на те темы, которые больше всего интересовали его. Он считал ее очаровательной женщиной.

Час был поздний, а пуританская Новая Англия не терпит поздних часов. Сара заявила, что ей пора домой.

"Приходите еще, Сара", - сказала миссис Пэррис.

"Обязательно. И правда, я должна идти; но видите, луна зашла, как темно".

Чарльз понял намек не медленнее, чем молодой человек наших дней. Человечество не изменилось с тех пор, как Ева впервые проявила свою власть над Адамом в саду. С тех пор мужчины, поведясь на красивое личико, нередко оказываются в проигрыше. Чарльз, неловко и застенчиво, сообщил молодой вдове, что идет той же дорогой, и ему не составит большого труда проводить ее до самой двери. Разумеется, она была рада, и Чарльз с молодой вдовой ушли вместе.

"Вы так и не узнали о судьбе своего мужа, Сара?" - спросил он.

"Нет; бедный Сэмюэль умер", - ответила она.

"Печально, что вы не знаете его судьбы. Утонул ли он в море, был ли убит индейцами или пиратами?"

"Я не знаю. Мне очень одиноко сейчас, Чарльз".

"Мне жаль вас".

"Правда?"

"Да, жалею".

"Спасибо, Чарльз".

"Ваши родители в Бостоне, не так ли?"

"Да".

"Вы намерены всегда жить в одиночестве?"

"О, полагаю, что нет", - и темнота скрыла лукавый взгляд, который Сара бросила из своих огромных темных глаз на ничего не подозревающего юношу рядом с ней. Далее разговор перешел на мистера Пэрриса, его ссору с пастором и странное явление, происходящее в его доме.

"Что вы думаете об этом, Чарльз?"

"Это притворство".

"О, нет, нет! Джон, негр, околдован, и у него припадки".

"Хорошая порка быстро выведет его из припадка".

К этому времени они уже подошли к двери дома Сары Уильямс. Она повернулась к юноше и, схватив его за руку, дрожащим от волнения голосом сказала:

"Чарльз, я умоляю тебя, поскольку ты любишь жизнь и счастье, не говори ничего против мистера Пэрриса или колдовства. Мы стоим на пороге чего-то ужасного, и никто не знает, чем это может закончиться".

Пока Чарльз возвращался домой, он размышлял над странными словами Сары Уильямс и спрашивал себя:

"Что она имеет в виду?"

ГЛАВА V.

НОЧЬ С ВЕДЬМАМИ. [A]

Как пчелы вылетают из гнева.

Когда грабительские стада нападают на их байку,

Как открытые киски смертельных врагов,

Когда, хлоп! она появляется перед их носом,

Когда на рынке толпится народ,

Когда громко звучит "Поймай вора!",

И Мэгги бежит, и ведьмы за ней,

И в голове у Мэгги - старческий скрип и пустота.

-Бернс.

[A] Инциденты, о которых рассказывается в этой главе, были взяты из "Невидимого мира" Коттона Мазера и легенд, бытовавших в то время. Как ни странно, в эти рассказы верили, и некоторые из них взяты из присяжных показаний в суде.

Большинство людей суеверны. На самом деле, можно сказать еще сильнее: все люди суеверны. Суеверие естественно, и до тех пор, пока существуют великие тайны, не открытые человеку, будет существовать и суеверие. Пока великие тайны жизни и смерти, а также будущего существования окутаны неизвестностью, будут существовать верующие в сверхъестественное. До тех пор, пока существуют непонятные силы, их будут приписывать неизвестным или неестественным причинам. Большинство людей не желают признаваться даже самим себе в том, что они суеверны, и все же где-то в их натуре найдется вера в какое-нибудь странное и смехотворное суеверие. Многие боятся несчастливой цифры; некоторые не отправляются в путешествие в пятницу; они чувствуют себя лучше, когда видят новую луну над правым плечом, и если хорошенько разобраться в этом вопросе, мы обнаружим, что в каждом из них таится странное, необъяснимое суеверие.

Двести лет назад суеверия были гораздо более распространены, чем сейчас, и некоторые из самых мудрых и лучших людей того времени придерживались самых странных и неразумных мнений.

Через несколько вечеров после происшествий, о которых рассказывается в предыдущей главе, Чарльз Стивенс, который весь день был на охоте, ночью оказался возле старого заброшенного дома в четырех или пяти милях от города. Дом был построен несколькими пуританами много лет назад, а семья, жившая в нем, была убита индейцами. В деревне поговаривали, что в доме водятся привидения, но Чарльз, который не верил в призраков, решил провести там ночь, не желая бояться грозы.

С ним был его негр Пит, и когда он велел Питу набрать сухих дров, смуглый парень с выпученными глазами спросил:

"Масса Чарльз, вы собираетесь остаться здесь на всю ночь?"

"Конечно, Пит, почему бы и нет? Надвигается буря, и мы не сможем добраться до дома в такой шторм".

"Но в этом доме водятся привидения".

"Ерунда, Пит. Принеси дрова и не позволяй таким глупым понятиям, как привидения, проникнуть в твой разум".

Пит нехотя повиновался, и Чарльз пошел в дом, где стояла старая лампа, оставленная там охотниками. Она была почти полна масла, и он зажег ее с помощью своего кремня и стали.

Мебелью служили несколько грубых скамеек и трехногих табуретов. Пит, видя, что ничто не может побудить хозяина продолжить путь, набрал сухих дров, пока не начался дождь, и развел костер.

Единственная лампа, тускло горевшая на камине, давала странный призрачный отблеск, и Пит вздрагивал, заглядывая в темные углы и на черный чердак, откуда его пылкое воображение выдумывало потерянных духов, призраков и гоблинов, готовых схватить его за волосы.

Как раз в тот момент, когда первые крупные капли дождя начали падать на старую, побитую непогодой крышу заброшенного дома, они услышали быстрый топот ног. Пит издал вопль ужаса и бросился в дымоход, где пытался разжечь огонь. Чарльз велел ему воздержаться от глупостей и подошел к двери, чтобы узнать, кто пришел.

"Чарльз, Чарльз, это вы?" - закричал голос, в котором он узнал Джона Лаудера. "Мы увидели свет внутри и решили найти убежище".

Лаудера сопровождали его соседи Блай и Грей, все они были с ружьями и какой-то мелкой дичью в руках.

"Вы были в лесу сегодня?"

"Да, и тоже не повезло. Марри! Похоже, соседи, нас ждет буря", - крикнул Лаудер, когда он и его спутники вошли в старый дом. Раскаты грома сотрясали землю; дикий ветер бушевал в доме, заставляя старое шаткое строение скрипеть и стонать, а воздух вокруг, казалось, горел. На мгновение все потрясенно замолчали, а потом Чарльз сказал:

"Это скоро пройдет. Дождь скоро утопит его".

"Вы только что пришли?" - спросил Лаудер.

"Только что приехал".

"При других обстоятельствах я бы не поселился в таком месте, как это; но это лучше, чем буря, бушующая снаружи".

Охотники, благодарные даже за такое бедное убежище, сняли шкурки с белок и поджарили их у пылающего костра, который развел Пит. Покончив с ужином, они расположились на скамейках поближе к огню, и, слушая, как бушует буря за окном, беседовали о тайнах того невидимого мира, который всегда был интересной темой для детей Адама.

"Чарльз Стивенс, всего несколько лет назад вы держали в своем доме волшебника", - сказал Лаудер.

Чарльз Стивенс был наполовину позабавлен, наполовину возмущен. Он начал возражать Лаудеру, но тот сказал:

"Нет, нет; я не обвиняю вас в том, что вы торгуетесь с дьяволом, но послушайте меня. В тот самый день, когда вы нашли незнакомца раненым на обочине дороги у родника, мы трое охотились на оленей в холмах. Кто-то заколдовал мое ружье. Я знаю это, потому что, когда я выстрелил, пуля, которая в других случаях попадала точно в цель, ушла в сторону. Весь день этот таинственный незнакомец следовал за нами, мучая нас и сбивая с пути, пока я не зарядил ружье шестипенсовиком и не выстрелил в крупного жирного самца, который соблазнительно вышагивал передо мной. Если бы вы пощупали его рану, то, думаю, нашли бы мой пенс, зарытый в его боку".

При этих словах негр, скорчившийся в углу, застонал от боли, а Чарльз был склонен отнестись к этому легкомысленно. Лаудер рассказал, как у озера в лесу его посетило таинственное привидение, предложившее ему подписать книгу, и добавил, что сразу понял, что его мучитель - волшебник или дьявол, что глаза его в одно мгновение стали огненными, а из ноздрей пошел сернистый дым.

"Можете ли вы спросить меня, верю ли я своим глазам и ушам?" - заключил Лаудер. "Это истина, и если бы я подписал его книгу, меня бы терзали черти, а моя душа была бы навсегда потеряна".

"Говорят, народ уже готов возопить о Доброй Сестричке", - вставил Блай.

"Добрая сестра! Конечно, нет", - ответил Чарльз. "Она одна из лучших женщин, которых я знаю. Она добрая, хорошая и нежная со всеми".

"Истинно так, как и сатана, пока он не поймает тебя в свои лапы. Добрая сестра - ведьма".

"Остерегайся, Джон Лаудер, как ты порочишь таких, как она", - сказал Чарльз, становясь все серьезнее. "Прежде чем утверждать, добудьте доказательства".

"Я знаю, о чем говорю", - заявил Джон Лаудер. "Около пяти или шести месяцев назад, однажды утром, на рассвете, на меня в моей комнате напал образ Доброй Сестрички, которая смотрела на меня, ухмылялась и очень больно ударила меня по голове. В тот же день, около полудня, та же фигура вошла в комнату, где я находился, и яблоко странным образом вылетело из моей руки на колени моей жены в шести или восьми футах от меня. Можете ли вы отрицать подобные свидетельства?"

"Я видел ее, - добавил Джон Блай, - и однажды, когда ее фигура набросилась на меня, я ударил ее тростью, и она закричала, что я разорвал ее пальто".

Сэмюэл Грей заявил, что его мучили призраки и духи. Все это было агонией для охваченного ужасом негра, который, скрючившись в углу, дрожал от страха, а его глаза дико вращались в агонии.

"Однажды мне явилась фигура и стала уговаривать подписать книгу, на что я отказался, и фигура хлестала меня железными прутьями, чтобы заставить это сделать".

"Вы знали ведьму?" - спросил Чарльз.

"Конечно, знал".

"Кто она была?"

"Некая Бриджет Бишоп. Впоследствии я видел ее на общем собрании ведьм в поле, где все они принимали дьявольское причастие, но не из хлеба и вина, а из плоти и крови убитых людей".

При этих словах негр застонал и прижался к косяку дымохода. Шторм затих, и дождь лил не переставая, а суеверные охотники набили свои трубки и теснее прижались к огню.

"Не стоит больше отрицать, что ведьмы существуют, - сказал Джон Лаудер. Я видел достаточно их, чтобы убедить меня в том, что ведьмы существуют". Однажды Энн Дюрент оставила своего младенца Уильяма Дюрента с Эми Данни, женщиной, которая, как стало известно, была ведьмой. Хотя Данни была уже пожилой женщиной, впоследствии она призналась, что сосала ребенка, отчего Дюрент была недовольна, а Данни ушла с недовольством и угрозами.

"В следующую ночь ребенок впал в странные и печальные припадки, которые продолжались в течение нескольких недель. Один доктор Якоб, знавший толк в ведьмах, посоветовал ей повесить детское одеяло в углу дымохода на весь день, а ночью, когда она пойдет укладывать в него ребенка, если найдет в нем что-нибудь, то без страха бросить в огонь. И вот ночью, когда она сняла одеяло, из него выпала большая жаба, которая прыгала по очагу, издавая странные крики. Мальчик поймал ее и, держа щипцами, бросил в огонь, где она издала страшный звук и вспыхнула, как порох, с грохотом, похожим на пушечный выстрел. После этого жабу больше не видели. На следующий день одна из родственниц Данни сказала, что сильно обгорела от огня, и, придя в дом, обнаружила, что так оно и есть. После сожжения жабы ребенок выздоровел".

"Сначала я не верил в колдовство, - заметил Сэмюэл Грей в качестве предисловия к своему собственному странному рассказу, - но я не могу сомневаться в своих ощущениях. Я был в Бостоне по делам пастора и, опоздав, ехал по дороге домой. Я только что достиг старого поля Пластоу, как вдруг обнаружил, что вдоль изгороди по бокам от меня бежит длинное черное нечто, похожее на чудовищную кошку или пантеру. Меня охватила какая-то странная сила, и вопреки своей воле я был вынужден моргать глазами. Если я закрывал глаза хоть на секунду, черный предмет возвращался на то место, откуда начал свой путь, и бежал снова, пока я не закрывал глаза, когда он появлялся там, где я его впервые увидел. Моя лошадь испугалась и убежала со мной".

Джон Блай стряхнул пепел со своей трубки и начал:

"У меня есть дядя в Вирджинии, которого очень мучили ведьмы. Одна ведьма в округе особенно сильно мучила его. Он подходил к своей двери и видел, что его поле полно скота; но когда он входил в само поле, скота не было видно. Прекрасно понимая, что его околдовали, он зарядил ружье серебряной пулей и однажды выстрелил в большую белую корову. Мгновенно все животные исчезли, и он увидел за холмом старую женщину, которая хромала, словно от боли. Это была подозреваемая ведьма, которую он ранил в ногу. Больше она его не беспокоила, но другая ведьма приходила по ночам и каталась на нем. Она надевала ему на голову ведьмину уздечку, произносила какое-то заклинание, и мой дядя превращался в коня, и она скакала на нем до утра. Потом она приводила его домой, снимала заклинание, и на рассвете он уже спал в постели. Однажды ночью его привезли на бал ведьм и привязали к дереву. Он терся головой о дерево, пока не снял уздечку, заклинание было снято, и он снова стал человеком. Он взял заколдованную уздечку и стал ждать ведьму. Когда она вышла из дверей, он схватил ее, потряс уздечкой над ее головой, повторил слова, которые она произнесла, и она мгновенно превратилась в прекрасную серую кобылу. Он сел на нее и в ярости, из мести, проскакал на ней много миль до кузницы, где остановился и, разбудив кузнеца, велел ему сразу же подковать кобылу. Затем он доехал на ней почти до самого дома и отпустил ее.

"На следующее утро он отправился в дом своего соседа, чью жену он подозревал в том, что она ведьма, и поинтересовался здоровьем семьи.

"Моя жена больна", - ответил глава дома.

"Что с ней?

"Увы, я не знаю".

"Дядя прошел в комнату, где в постели лежала женщина и очень страдала.

"Ты очень больна?" - спросил дядя.

"Я больна почти до смерти", - ответила женщина.

"Позвольте мне взять вас за руку и посмотреть, нет ли у вас лихорадки".

"Нет, нет, нет!" - и она попыталась спрятать руки под покрывалом; но мой дядя был человеком решительным, он схватил ее руку и вытащил ее из-под покрывала, и вот к ней была прибита подкова. На каждой руке и каждой ноге был прибит башмак, который, как клялся кузнец на суде, он надел на серую кобылу накануне вечером".

В завершение рассказа негр застонал, и его лицо было настолько выразительным от мучений, что представляло собой комичную картину, вызвавшую смех Чарльза Стивенса, а Блай, полагая, что тот скептически относится к рассказанной им истории, сказал:

"Вы сомневаетесь в правдивости моего рассказа, мой веселый друг? Возможно, когда-нибудь вы почувствуете на себе лапы ведьмы, тогда, молитесь Богу, остерегайтесь".

"Это слишком серьезные вопросы, чтобы вызывать смех", - торжественно заметил мистер Грей. "Раз уж дьявол спустился на нас в великом гневе, не будем в нашем великом гневе друг на друга предоставлять ему ночлег".

Чарльз, бесшабашный, веселый юноша, отнесся к этому вопросу так, как отнеслись бы к нему в наши дни.

"Вам не нужно высмеивать идею о том, что ведьмы превращают людей в лошадей", - сказал Джон Лаудер, который, судя по рассказам о нем Коттона Мазера, был либо искусным лжецом, либо человеком с живым воображением.

"А у вас был личный опыт?" - спросил Чарльз.

"Конечно, был".

"И что же это было?"

"Добрая сестра делает такие вещи; но она всегда была слишком проникательна, чтобы ее поймали, как ведьма в Вирджинии".

"Добрая сестра! Как вам не стыдно, мистер Лаудер, обвинять эту добрую, праведную женщину в таком отвратительном преступлении, как вызывание знакомых духов!"

С такой торжественностью, что в искренности едва ли можно было усомниться, Джон Лаудер произнес:

"Как бы я был рад, если бы никогда не знал имени этой женщины и не имел случая упомянуть хотя бы ее имя. Добрая сестра - самое низкое из всех божьих созданий, ибо она принимает на себя кажущуюся святость".

"Что она сделала?"

"Слушай, и я скажу тебе. Она причиняет страдания моим детям. По ночам к ним приходит ее облик в сопровождении черного человека. Она способна по своему желанию превращаться в животное, птицу или насекомое. Однажды на мою девочку напала большая черная кошка, в которой она узнала Добрую Сестру".

"Она не только мучает моих детей, но и околдовала мой скот, мое ружье и меня самого".

Тут Джон Лаудер сделал паузу и, набив трубку, раскурил ее, сделал несколько глотков, чтобы разгорелась, и продолжил:

"Если вы прислушаетесь к моим словам, я расскажу вам об одном случае, который произошел со мной прошлым летом. Однажды вечером я рано прилег отдохнуть, так как, проработав весь день в поле, несколько утомился. Я заснул и мечтал о приятных лесах, бегущих ручейках, зеленых лугах, бережливости и изобилии, как вдруг услышал голос, зовущий меня.

"Джон Громче! Джон Громче!" - казалось, говорил он.

"Я приподнялся с подушки и сел на краю кровати. День был очень жаркий, ночь еще теплая, и окно было оставлено открытым, чтобы добрый южный ветерок мог освежить мое разгоряченное лицо. Внезапно в окно вплыл огромный черный предмет. Я разглядел глаза, похожие на голубое пламя, лицо с отвратительной ухмылкой, большие острые уши и короткие рожки на макушке. У него были крылья, похожие на крылья летучей мыши, хвост, а на одной ноге - перепончатое копыто.

"Я был слишком напуган, чтобы говорить, но фигура велела мне подняться. Я так и сделал. Через мгновение появилась вторая фигура, и это была Ребекка Нерс. На этот раз они не стали просить меня расписаться в книге, поскольку я так часто отказывался это сделать, что они посчитали это излишним.

"Идемте!" - сказала добрая медсестра. Я поднялся и последовал за ней, как под действием какого-то странного заклинания.

"Мы вышли из дома, не знаю как, и я увидел множество людей, которые ждали. Некоторые стояли на земле, другие - в воздухе. Все были на метлах.

"Давай, Джон Лаудер, садись за мной", - сказала Ребекка Нерс, и я был вынужден сесть за ней".

"На чем она ехала?" спросил Чарльз.

"На метле".

Чарльз усилием воли сдержал смех, который едва не вызвал этот ответ, и Джон Лаудер продолжил:

"Она издала странный, ужасный крик, и мы все поднялись в воздух на метлах и помчались прочь, как птицы. Я был в постоянном страхе, что упаду и разобьюсь насмерть о землю. Я уцепился за нее, а она, издавая странные крики и вопли, неслась по воздуху, как птица. Ее метла взлетала и опускалась по ее команде.

"Наконец мы спустились в долину, и все ведьмы, кроме Доброй Сестрички, исчезли. Здесь я вскоре узнал, что вместо того, чтобы ехать верхом, меня должны были оседлать. С помощью нескольких волшебных слов мое лицо вытянулось, тело выросло, руки и ноги превратились в копыта, тело покрылось волосами, у меня появились грива и хвост, и я стал лошадью, с седлом на спине и удилами во рту. Сев на меня, старая ведьма крикнула:

"Беги, Джонни, я дам тебе больные кости до того, как прокричит петух".

"Мы все поднялись в воздух на метлах".

"Я был доведен до отчаяния. Я бежал, я прыгал, я спрыгивал с таких высоких обрывов, что, если бы меня не удерживали духи воздуха, я бы разбился насмерть о скалы внизу. Я мучился и хотел умереть.

"Наконец мы пришли в долину и к дому, который я узнал как старый дом собраний Эймса. Здесь было привязано несколько таких же несчастных, как я, которых превратили в зверей и катали почти до смерти. Некоторые из них были лошадьми, некоторые - быками, один был превращен в барана, другой - в страуса. Меня привязали к дереву так близко к двери дома, что я мог видеть его изнутри.

"Воистину, это было такое зрелище, какого, молю Бога, мне больше никогда не доведется увидеть. Это были ведьмы на своем адском пиру. На столе лежали печень и легкие, оторванные от какого-то беспомощного несчастного и истекающие кровью. Они приняли пищу, а также дьявольское таинство, а затем начали свой танец. Я видел, как они танцевали, задрав ноги к потолку и свесив головы вниз.

"В агонии духа я схватил в рот ближайшее дерево и укусил его с такой силой, что выбил зуб", - и тут рассказчик показал свои зубы, одного из передних не было. "Вы видите, что зуба нет. Через неделю я пошел в дом собраний Эймса и нашел зуб, торчащий в дереве".

"После того как они продолжали свой адский танец в течение часа, снова появилась Добрая Сестра и, взобравшись мне на спину, очень сильно катала меня по холмам и равнинам, пока

мы не пришли к моему дому. Затем она внезапно соскользнула с моей спины и швырнула меня головой вперед в окно, где я упал в своем собственном виде у кровати".

Чарльз Стивенс, будучи уверенным, что у него есть разгадка этой чудесной истории, сказал:

"Без сомнения, это был страшный сон, который показался вам реальным".

"Сон, да?" - воскликнул Лаудер. "Я вскочил на ноги, подбежал к окну и, как белый человек, убедился, что там была Гуди Нёрс, которая парила в воздухе на метле".

Когда он закончил свой рассказ, все в ужасе вздрогнули и теснее прижались к огню, который слабо горел в очаге. Пит попытался дрожащей рукой подложить палку, но не справился с задачей. Фитиль лампы догорал в гнезде, мерцал и грозил погаснуть, а буря за окном завывала все яростнее, дождь бил по стенам дома, а над головой гремел гром.

Казалось, на группу навалилась дрожащая тишина, и они сидели, глядя на мерцающую лампу и тлеющий огонь, как вдруг всех разбудил громкий стук в дверь. Вся группа в тревоге вскочила на ноги, негр завыл, а Блай задыхался:

"Боже, спаси нас!"

"Все доспехи Божьи защитят нас от ведьм", - простонал Джон Громче.

"Небеса нам помогут!" - прошептал Грей.

Чарльз Стивенс, хотя и был не более чем юношей, проявил больше всех самообладания. Он поднялся и открыл дверь. Ослепительная вспышка высветила пару лошадей с поникшими головами под дождем и бурей, а мужчина и девушка - те, на ком они ехали, - стояли у двери, держа поводья.

Как только дверь открылась, мужчина, держа руку девушки в своей, шагнул в дом, чтобы укрыться от порывов ветра и дождя.

"Мы запоздалые путешественники, любезный сэр, и ищем убежища от бури", - начал незнакомец.

При звуке его голоса Джон Лаудер вскочил на ноги и, схватив лампу, поднес ее к лицу мужчины. С воплем он отпрянул назад и закричал:

"Прочь! Волшебник, дьявол, прочь! Ты тот, кто предложил мне эту книгу. Прочь! Прочь! Или я убью тебя!"

Испуганный незнакомец ответил:

"Я никогда не видел тебя раньше".

Джон Лаудер настаивал на том, что он и есть тот самый злодей, который встретил его у озера, когда он преследовал оленя, и предложил ему подписать книгу.

"Я никогда в жизни вас не видел", - ответил незнакомец, и его театральные интонации произвели странное впечатление на суеверного Лаудера. Он прочел в его лице взгляд демона и продолжал кричать:

"Ты должен, ты должен уйти! Князь тьмы, вернись в бурю, которую породила твоя сила!"

Чарльз Стивенс был слишком поражен, чтобы говорить несколько мгновений, потому что при свете лампы и костра он увидел перед собой черты того самого человека, которого нашел

раненым и почти умирающим у источника. Странник повернул свое печальное и красивое лицо к юноше и спросил:

"Вы можете отвести нас в убежище?"

"Я уже делал это однажды и сделаю снова".

"Однажды? Воистину, ты ошибся, ибо я никогда не видел тебя раньше. Мой ребенок погибнет в этой буре".

"До моего дома пять миль, но если вы пойдете со мной, я покажу вам дорогу".

Они пытались отговорить Чарльза выходить в бурю, но его не трогали их уговоры. Он видел только бледное, милое лицо молодой девушки и ее притягательные голубые глаза и отправился с ними вместе сквозь бурю, которая била по ним так, что они промокли до нитки, когда добрались до дома вдовы Стивенс. Мужчине и служанке предоставили постель и сухую одежду.

На следующее утро Чарльз спросил незнакомца:

"Не тот ли ты человек, который пришел сюда в 1684 году раненым?"

"Нет. Я никогда не был здесь раньше. Как вас зовут?"

"Чарльз Стивенс".

"У вас есть родственники в Бостоне?"

"Да, мой дед, Мэтью Стивенс, испанец по происхождению, которого звали Мэтео Эстеван, умер в Бостоне двадцать лет назад, и у меня там живут дяди, тети и двоюродные братья".

"У вас есть родственники в Виргинии?"

"У меня есть двоюродные братья".

"Это Роберт Стивенс?"

"Он самый".

"Я знаю его, он подружился со мной и отправил меня сюда".

Тогда незнакомец рассказал, как он был невольником в Виргинии и сбежал от жестокого хозяина благодаря помощи Роберта Стивенса.

Незнакомцами оказались Джордж Уотерс и его дочь Кора.

ГЛАВА VI.

УСТАВНОЙ ДУБ.

Когда время, крадущее наши годы
Украдет и наши наслаждения,

Память о прошлом останется,
И половина наших радостей возобновится.
-Мур.

Род Стивенсов рос вместе с колониями. Из потомков Мэтью Стивенса, прибывших в Новый Плимут на корабле *"Мэйфлауэр"*, многие жили в Бостоне, Нью-Йорке, Салеме, Род-Айленде и Коннектикуте. Семья, как бы широко ни были разбросаны ее члены, никогда не теряла друг друга из виду. Они знали всех своих родственников в Вирджинии, Мэриленде и Каролинии.

Чарльз Стивенс, будучи еще совсем юным, гостил в Коннектикуте, когда произошло событие, ставшее впоследствии историческим. Тетя Чарльза Стивенса была женой некоего капитана Уодсворта, и Чарльз гостил в доме этой тети, когда произошел этот инцидент.

Как, несомненно, известно изучающим американскую историю, тиранический губернатор Андрос из Нью Йорка претендовал на владычество над всей страной, называемой Новыми Нидерландами - весьма неопределенный термин, применявшийся к огромной территории, простиравшейся от Мэриленда до реки Коннектикут, до которой Андрос претендовал на юрисдикцию.

Уже в 1675 году он отправился к устью реки Коннектикут с небольшим военно-морским флотом, чтобы утвердить свою власть. Капитан Булл, командующий небольшим гарнизоном в Сейбруке, разрешил ему высадиться на берег, но когда губернатор начал зачитывать свое поручение, Булл приказал ему молчать. Андрос был вынужден уступить смелому духу и превосходящей военной силе капитана Булла, и в порыве гнева он вернулся в Нью-Йорк, бросая за спиной проклятия и угрозы в адрес жителей Коннектикута в целом и капитана Булла в частности.

Прошло более дюжины лет с тех пор, как Андрос был унижен Коннектикутом, и, несмотря на его анафемы, колония спокойно продолжала идти своим ровным путем. В конце этого периода в Хартфорде, во время визита туда Чарльза Стивенса, произошел интереснейший инцидент. Это историческое происшествие имеет все радужные оттенки романтики. В самый день приезда Чарльза Стивенса в Хартфорд, когда он беседовал с капитаном Уодсвортом, мужем своей тети, член колониального собрания внезапно вошел в дом, его лицо покраснелось от волнения.

"Что случилось, мистер Принс?" спросил Уодсворт, видя, что тот сильно взволнован.

"Губернатор Андрос снова приехал", - вздохнул мистер Принс.

"Почему это должно нас тревожить? Этот парень, хотя и склонен к хвастовству, не опасен и не способен привести свои угрозы в исполнение".

"Но он стал опасен!" - заявил мистер Принс. "Свобода колонии поставлена под угрозу. Андрос предстает как узурпатор власти - добровольное орудие короля Якова Второго, который, похоже, решил установить абсолютное господство над всей Новой Англией".

Капитану Уодсворту стало немного не по себе, хотя он все еще был склонен относиться к этому делу легкомысленно. Мистер Принс, чтобы убедить его в опасности, которой они подвергались, продолжил:

"Вы помните, что по прибытии в Нью-Йорк в качестве губернатора Новых Нидерландов он потребовал отдать ему в руки все колониальные хартии".

"Я помню такой приказ, и более того, все колонии выполнили его позорное требование, кроме Коннектикута. Мы упорно отказывались добровольно отдать нашу хартию, ибо она является гарантом наших политических прав".

"Это правда, капитан Уодсворт, - продолжал мистер Принс, - и, чтобы усмирить наше упрямство, вице-король прибыл в Хартфорд с шестьюдесятью вооруженными людьми, чтобы лично потребовать сдачи хартии".

Капитан Уодсворт в ярости вскочил на ноги и, положив руку на эфес своей шпаги, провозгласил:

"Он не получит ее!"

Прибыв в Хартфорд 31 октября 1687 года, Андрос застал генеральное собрание в доме собраний. Члены собрания приняли его с учтивостью, подобающей его рангу. Перед собранием, с вооруженными людьми за спиной, он потребовал официальной передачи драгоценной хартии в его руки.

Члены собрания были встревожены и поражены его требованием.

День уже близился к концу, когда он прибыл, а члены собрания были вовлечены в жаркие дебаты по вопросу чрезвычайной важности.

"Подождите, пока закончится дискуссия, и тогда мы выслушаем вас, губернатор", - ответил председатель собрания на требование Андроса.

"Я пришел за хартией, и я ее получу!" - заявил Андрос в своей надменной, властной манере.

Однако он согласился дождаться обсуждения; но как только оно закончилось, он заявил, что хартия будет у него.

Капитан Уодсворт случайно оказался в своем доме в момент прибытия Андроса, и, поскольку все были уверены в здравом смысле капитана, за ним, как уже говорилось, был послан член экипажа.

Сделав два-три оборота по комнате, капитан остановился и спросил:

"Чем занимается собрание?"

"Участвует в дебатах".

"И он будет ждать, пока они закончатся?"

"Он обещал это сделать".

"Поспешите назад, господин принц, и шепните на ухо каждому члену, чтобы он продлил дебаты. Это даст нам время. Я собираюсь сделать нечто отчаянное. Скажите им, чтобы они обсуждали все стороны вопроса, и пусть ваши самые длинные спичмейкеры говорят все, что угодно, как в пользу, так и против, чтобы убить время до ночи".

Мистер Принс вперил изумленный взгляд в лицо капитана и прочел на нем отчаянную решимость.

"Капитан, - начал он.

"Я знаю, что вы скажете, мистер Принс; но нет нужды тратить слова; мое решение принято, и я собираюсь спасти наш устав или погибнуть в попытке".

"Надеюсь, вы не станете подвергать свою жизнь опасности..."

"Господин принц, наши свободы в опасности, и сейчас нет времени думать о жизни. Поторопитесь вернуться в собрание, и я последую за вами через несколько минут".

Мистер Принс поклонился и поспешно вернулся в дом, где проходило собрание. Как только он ушел, Чарльз Стивенс сказал:

"Дядя, должно произойти что-то ужасное, я знаю по твоему взгляду и словам. Не позволите ли вы мне пойти с вами?"

Капитан Уодсворт пристально посмотрел на юношу и ответил:

"Да, Чарльз, ты ответишь".

"Что вы имеете в виду, дядя?"

"Ты готов помочь нам?"

"Да".

"Тогда вы можете погасить свет".

"Какие огни?"

"В нужное время погасите свет в собрании; но подождите; я пойду и соберу поезда, и пусть они будут под рукой, чтобы солдаты губернатора не причинили вреда членам общего собрания".

Капитан Уодсворт вышел и по пути заглянул в здание штата, где все шло так хорошо, как он только мог пожелать. Он обнаружил, что дебаты ломают голову в поисках того, что сказать в поддержку или против. Никогда еще дебаты не проявляли такого интереса к незначительному вопросу.

Он призвал своих железнодорожников собраться на закате. Сделав это, он отправился домой и застал Чарльза в нетерпении.

"Чарльз, ты видел солдат губернатора Андроса у здания штата?"

"Да".

"Они посланы, чтобы отнять у нас свободу. Мои железнодорожники следят за ними".

"Что вы собираетесь делать, дядя? Будете ли вы сражаться с ними?"

"Нет, если они не заставят. Мы не хотим проливать их кровь. Послушайте, хартию принесут на собрание в том же ящике красного дерева, в котором Карл II отправил ее губернатору Уинтропу. Когда она будет положена на стол, огни должны быть потушены. Вы поняли?"

"Да".

"Вы можете это сделать?"

"Нет ничего проще".

"Помните, что работа должна быть сделана точно в срок, не слишком рано и не слишком поздно".

"Я сделаю это в нужный момент, дядя. Не бойся".

Солнце садилось, и капитан сказал:

"Пойдем, Чарльз, поспешим на сбор. Посмотри хорошенько на заходящее солнце, ты можешь не дожить до его восхода".

Чарльз Стивенс улыбнулся и ответил:

"Вы же не ожидаете, что я буду трусом?"

"Ни в коем случае; но я хочу, чтобы вы полностью прониклись серьезностью своей миссии".

Они отправились на общее собрание в дом собраний, где все было в полнейшем замешательстве. Дебаты разгорелись до белой горячки.

"Займите свое место, Чарльз, и будьте готовы исполнить свою роль", - прошептал капитан Уодсворт.

Чарльз, не привлекая особого внимания, сел как можно ближе к длинному столу, за которым сидели секретари.

Обсуждение продолжалось, наступила темнота, и четыре зажженные свечи поставили на стол, а две - на полку на стене. Эти две свечи на стене очень раздражали Чарльза, пока он не увидел человека, расположившегося возле них.

Время шло, и тьма окутала землю. Дебаты подходили к концу, или, по сути, зашли настолько далеко, насколько это было возможно, не вызывая подозрений губернатора Андроса. Когда они закончились, губернатор Нью-Йорка объявил:

"Я ждал столько, сколько хотел. Я требую хартию немедленно". Как губернатор Нью-Йорка, это часть моего владения, я получу ее".

"Подождите..." - начал президент.

Чарльз Стивенс одним махом затушил все свечи на столе.

"Нет, я и так слишком долго ждал. Принесите его немедленно".

О Чартерном дубе было рассказано так много историй, что автор считает оправданным отойти от повествования и процитировать следующую запись из журнала за 15 июня 1687 года:

"Многие из членов суда, желая, чтобы патент или хартия были доставлены в суд, секретарь послал за ними и сообщил губернатору и суду, что хартия у него, и показал ее суду, а

губернатор велел ему снова положить ее в ящик, положить на стол и оставить ключ в ящике, что он и сделал, немедленно".

Дела дошли до этого момента, когда Чарльз Стивенс, подкравшийся к столу совсем близко, длинной палкой одним махом задул все свечи на столе.

"Измена! Измена!" - закричал Андрос, и в этот момент две оставшиеся свечи на стене были потушены.

"Свет! Свет!" - закричал кто-то, и в тот же миг Андрос закричал:

"Это сделал мальчик! Убейте мальчика и захватите шкатулку!" Он протянул руку, чтобы взять коробку со стола, и тут та же палка, что погасила свет, так ударила его по костяшкам пальцев, что он вскрикнул от боли. Хотя свет был погашен, через окна слабый свет звезд тускло освещал сцену. Чарльз Стивенс увидел очертания своего дяди, который схватил коробку и поспешил с ней из дома собраний.

Он поспешил за ним, как только мог. Ужасный шум и неразбериха внутри привлекли всеобщее внимание, и капитан Уодсворт скрылся незамеченным, держа под мышкой драгоценный документ. Юноша следовал за ним и, когда они оказались на улице, схватил его за руку.

"Отпустите меня!" - закричал капитан Уодсворт, выхватывая шпагу из ножен.

"Дядя!"

"Чарльз, это ты? Мальчик, будь осторожен, когдаходишь ко мне. А что! Я как раз собирался проткнуть тебя насквозь".

"Ты понял?"

"Вист! Чарльз, солдаты губернатора уже близко. Они могут услышать тебя".

"У них и там дел по горло", - ответил мальчик, указывая в сторону дома собраний, где, казалось, царилостолпотворение.

Голос губернатора Андроса звучал громче других, призывая войска прийти ему на помощь. Солдаты начали тесниться у дома, и по сигналу капитана Уодсворта на сцену вышли железнодорожные оркестры и приготовились вступить в схватку с солдатами. Кровавопролитная схватка казалась неизбежной, но губернатор Андрос, который был трусом так же, как и тираном, при виде опасности взмолился о мире.

"Огни! Зажгите свечи!" - кричал он, - "и мы обретем мир". Когда свечи были вновь зажжены, члены клуба сидели за столом в идеальном порядке; но устава нигде не было видно. Несколько мгновений ошеломленный губернатор стоял, глядя то на одного, то на другого члена собрания. Сначала страсть заставила его замолчать, но как только он частично вернул себе самообладание, то потребовал:

"Где грамота?". Никто не ответил, и, раздувая грудь от негодования, что его обманули пронырливые члены собрания, он пригрозил им арестом.

"Губернатор Андрос, мы оспариваем вашу власть здесь, и оспаривали ее раньше", - сказал один из членов собрания. "У вас есть свои солдаты у дверей, а у нас есть коннектикутские поезда, готовые защитить нас от насилия".

"У кого из вас есть хартия?"

"У меня нет", - ответил один из них.

"И у меня тоже".

"И я тоже", - отвечал каждый из них.

"Это был мальчик", - вскричал разъяренный губернатор. "Я видел его, он ударил меня по руке в темноте, но я знал, что это он. Где он? Чей он сын?"

Все члены собрания покачали головами.

"Мы его не знаем. Он не живет в Коннектикуте".

"А где он живет?"

"Он из Массачусетса и находится даже за пределами заявленной вами юрисдикции".

"Значит, это еще одна уловка. Вы привезли человека из далекой колонии, чтобы украсть хартию", - воскликнул возмущенный губернатор.

"Мы возмущены вашим оскорблением!" - вскричал один из членов собрания. "Обвинение ложно!"

Последовала сцена, куда более бурная, чем все предыдущие. Губернатор пригрозил колонии яростью своей мести и поклялся, что донесет на них королю как на участников открытого восстания против его власти. Колонисты были проникательны и тверды, и хотя некоторые из них весьма язвительно отвечали на обвинения губернатора, в основном они были вполне почтительны.

Тем временем капитан Уодсворт и племянник его жены, получив грамоту, поспешили сквозь толпу, которая расступалась перед ними и закрывалась за ними. Оказавшись на улице, они поспешили прочь быстрым шагом.

"Что вы собираетесь с ней делать?" - спросил Чарльз. спросил Чарльз.

"Поместим его туда, где его не найдут тираны", - ответил галантный капитан. "Здесь есть почтенный дуб с дуплом. В этом дупле мы спрячем хартию, и никто, кроме нас с вами, не будет знать, где она находится. Вы сможете вернуться в Салем, недостижимый для губернатора Андроса, а что касается меня, то он может заживо испепелить меня, прежде чем я открою место тайника".

Они дошли до окраины деревни и остановились под широко раскинувшимися ветвями огромного дуба. Ветер, шелестящий в ветвях, казалось, шептал поклоннику свободы Уодсворту о свободе.

Дуб Хартии.

"Встань чуть поодаль, Чарльз, - приказал капитан. "И смотри, чтобы за мной никто не наблюдал".

Затем, пока Чарльз стоял часовым, он подошел к дереву и положил хартию в дупло. Капитан и его юный помощник и не подозревали, что их простой поступок сделает старое дерево историческим.

И до тех пор, пока американские школьники будут изучать историю своей страны, "Дуб с грамотой" будет знаменит.

В ту же ночь Чарльз Стивенс, опасаясь гнева губернатора Андроса, отправился в свой дом в Салеме. Дерево, в котором был спрятан документ, впоследствии стало известно как "Дуб Хартии". Оно оставалось энергичным и плодоносило каждый год, пока в августе 1856 года, чуть позже полуночи, его не повалил сильный штормовой ветер. Он стоял на пустыре на южной стороне Чартер-стрит, в нескольких шагах от Мэйн-стрит в городе Хартфорд.

Когда в 1687 году Андрос потребовал отдать колониальные хартии, жители Род-Айленда мгновенно уступили. Когда впервые стало известно о приказе изъять хартии, собрание Род-Айленда направило самое лояльное обращение к королю, в котором говорилось следующее:

"Мы смиренно преклоняем себя, наши привилегии, все наше к милостивым ногам вашего величества с полной решимостью служить вам с преданным сердцем".

Поэтому Андрос не встретил сопротивления в маленькой колонии. Через месяц после прибытия в Бостон он отправился на Род-Айленд, где был милостиво принят. Он официально распустил собрание, сломал печать колонии, на которой были изображены якорь и слово "Надежда", принял пятерых жителей в свой законодательный совет и взял на себя функции губернатора; но он не забрал пергамент, на котором была написана хартия. Жители острова Род были беспокойны под властью тирании Андроса, и когда они узнали о заключении деспота в тюрьму в Бостоне в 1689 году, они собрались в Ньюпорте, возобновили народное управление по старой хартии и начали новую независимую политическую карьеру. С тех пор и до принудительного объединения колоний для взаимной защиты, когда началась Французская и Индийская война, жители Род-Айленда несли свою долю в оборонительных усилиях, особенно когда враждебные дикари нависали над границами Нью-Йорка, как зловещая туча. История этого содружества идентифицируется с историей всей Новой Англии, начиная с начала войны короля Вильгельма, вскоре после нее, и заканчивая изгнанием Андроса.

Через шесть лет после того, как хартия была спрятана в дубе, Андроса сменил губернатор Флетчер, который предпринял попытку управлять Коннектикутом, но был усмирен и предотвращен и, по сути, изгнан капитаном Уодсвортом.

В 1689 году хартия была извлечена из долгого укрытия, было созвано народное собрание, губернатором был избран Роберт Трактат, и Коннектикут вновь занял положение независимой колонии.

Имя капитана Уодсворта навсегда останется дорогим для жителей Коннектикута, как и почтенный дуб, скрывавший их хартию.

ГЛАВА VII.

ДВА ОДИНАКОВЫХ ЧЕЛОВЕКА.

Я для мира - как капля воды,
Которая в океане ищет другую каплю,
Которая, упав туда, найдет своего собрата,
Невидимый, пылливый, сам себя сбивает с толку.
Так и я, чтобы найти мать и брата,
В поисках их, несчастный, теряю себя.
-Шекспир.

Мистер Джордж Уотерс, беглый раб из Виргинии, жил очень тихо в доме миссис Стивенс. Его дочь постоянно находилась рядом с ним, за исключением тех случаев, когда он совершал странные и неизвестные паломничества. Во время этих таинственных визитов она оставалась в доме миссис Стивенс.

Кора была тихой девочкой, чьи надежды, казалось, были разрушены каким-то несчастьем. Она никогда не забывала, что ее отец, некогда гордый человек, был арестован и продан в рабство. Тот долгий период рабства, бегство и борьба не выходили у нее из головы. По мнению Чарльза Стивенса, в этом ребенке было что-то необыкновенно привлекательное. Она была такой странной, такой молчаливой и меланхоличной, что он проникся к ней

глубочайшей симпатией. Она жила в тени какой-то темной тайны, которую он не мог постичь. Ее странный отец был необщителен и молчалив как могила.

Чарльз чувствовал интерес к этим людям. Это был странный интерес, который он сам не мог понять, и, как все хорошие мальчики, когда ему нужна была мудрость и информация, он обращался к матери.

"Мама, ты когда-нибудь разговаривала с Корой?" - спросил он однажды.

"Да".

"А ты когда-нибудь говорила с ней об Англии?"

"Да, но, похоже, ее отец был бродячим игроком, без определенного места жительства".

"А ее мать?"

Миссис Стивенс, занятая шитьем, ответила:

"Я ничего не знаю о ее матери".

"Вы никогда не спрашивали о ней?"

"Нет".

"Она никогда не упоминала имя своей матери?"

"Нет".

Девочка почти всегда находилась в доме миссис Стивенс, хотя иногда прогуливалась одна по городу.

Меланхоличный ребенок привлек внимание доброй жены Сестры, которая пригласила ее к себе домой и принесла кружку свежего молока.

"Тебе здесь место?" - спросила Добрая сестра.

"Наверное, да", - был ответ. "Отец бывает здесь иногда".

"А твоя мать?"

"У меня ее нет".

"Она умерла в Англии?"

"Увы, не знаю".

"Вы помните, как видели ее?"

Кора покачала головой, и по ее лицу пробежала тень.

"Ваш отец когда-нибудь рассказывал вам о ней?" - спросила добрая няня.

"Нет, мадам; я не слышала, чтобы он произносил ее имя".

Тогда Добрая Сестра с естественным любопытством попыталась расспросить ребенка о его прежней жизни, но все, что ей удалось узнать, - это то, что ее отец был бродячим игроком.

В это время в Новой Англии игроки не пользовались хорошей репутацией. Предубеждение против театра, возникшее после разрыва между актерами и римско-католической церковью, было унаследовано протестантами, которые в какой-то степени до сих пор продолжают свою войну против сцены. Того факта, что Джордж Уотерс был актером, было достаточно, чтобы осудить его в глазах пуритан.

Когда мистер Пэррис узнал, что среди них есть актер, он задрал свой церковный нос, и показалось, что он нюхает серу сатаны. Когда он узнал, что некоторые раскольники из его общины были виновны в отвратительном грехе - говорили добрые слова ребенку игрока, оставшемуся без матери, - он понимающе покачал своей мудрой головой и заявил: "Воистину сатана добр к своим". Он сделал игрока темой своей следующей проповеди в День Господень, в которой попытался извратить Священное Писание в угоду своим предрассудкам. Тема колдовства начала привлекать внимание, и почти в каждой проповеди ему удавалось рассказать о ней достаточно, чтобы поддержать ажиотаж. В ходе своего выступления он заявил:

"Жители Новой Англии - это народ Божий, поселившийся на территориях, которые принадлежали дьяволу, и легко предположить, что дьявол очень встревожен, когда видит здесь таких людей, исполняющих древние обещания, данные нашему благословенному Иисусу, о том, что он получит в свое владение все края земли". Среди ефесян, когда Евангелие впервые было принесено к ним, не было большего волнения, чем сейчас среди сил воздушных, за которыми ходили те ефесяне, когда серебряные трубы Евангелия впервые издали радостный звук в их темных владениях. Дьявол, раздраженный таким образом, испробовал всевозможные методы, чтобы опрокинуть эту бедную плантацию".

С таким предисловием он обвинил несчастного актера и его невинного ребенка в том, что они являются орудиями его сатанинского величества, и осудил тех, кто поднял бы раненого, истекающего кровью и избитого путника с обочины дороги, отнес бы его домой или предложил бы несчастному ребенку чашку холодной воды, как агентов тьмы. Мистер Пэррис забыл некоторые из повелений божественного Учителя, которому он исповедовал следовать. Он яростно напал на "маленькую служанку". Это дитя печали и слез, которого он никогда раньше не видел и чье юное сердце болело от обид, обрушившихся на ее невинную юную головку, стало для него объектом демонической ярости.

Она сидела в задней части церкви и, закрыв лицо руками, пока мистер Пэррис нападал на ее отца и на нее саму, беззвучно вытирала слезы сквозь маленькие пальцы. Добрая сестра, сидевшая рядом с ребенком, наклонилась и прошептала ей на ухо несколько ободряющих слов.

"Воистину, дьявольское будет дьявольским!" - провозгласил пастор, его глаза пылали яростью. "Когда один из сатанинских козней будет ранен древком истины, выпущенным из Божьего лука, ангелы тьмы, воистину, будут витать над страдающим дьяволом и пытаться отменить то, что сделал Бог". Он призвал тех, кто страдает от знакомых духов, увидеть того, кто даже сейчас готов успокоить отпрыска злого игрока.

Выйдя в тот день из церкви, Кора спросила миссис Стивенс, почему мистер Пэррис ненавидит ее и говорит о ней такие неприятные вещи. "Конечно, я никогда не делала ему ничего плохого, но почему он так жестоко нападает на меня?"

Миссис Стивенс попыталась успокоить уязвленные чувства ребенка, заверив Кору, что это ошибочное рвение священника, который, если бы не чешуя предрассудков, застилающая ему глаза, ни в коем случае не был бы так жесток с ней.

"О, если бы отец вернулся и забрал меня из этого места!" - всхлипывала Кора.

"Кора, ты устала от меня? Разве я не был добр к тебе?"

"Да, была, и я благодарна тебе за всю твою доброту".

"Ты не счастлива со мной?"

"Да, я могла бы быть очень счастлива, разве мистер Пэррис не говорил такие мерзкие вещи о моем отце и обо мне. Вы считаете меня одним из сатанинских козней?"

"Нет, нет, милое дитя, ты - один из ангелов Божьих".

"Но я дитя игрока, а он сказал, что никто из таких не войдет в Царство Господне".

"Это всего лишь проявление его предрассудков и невежества, Кора. Я прочитал эту хорошую книгу от начала до конца и нигде не вижу в Божьей Библии ничего, что исключало бы возможность игрока войти в вечный покой".

"Но он, толкователь Божьего слова, говорит, что мы обречены".

"Он говорит больше, чем написано в Книге Жизни. Если бы служители постоянно держали в уме эти слова: "Ибо я свидетельствую всякому, кто слушает слова пророчества книги сей. Если кто прибавит к сему, то Бог прибавит ему язвы, написанные в книге сей", - тогда было бы меньше неправильных толкований Библии. Люди были бы более осторожны, чтобы не обвинять своего брата, пока бревно в их собственном глазу. Кора, ты еще ребенок, а Христос сказал: "Позвольте малым детям приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царство Небесное". А теперь, вместо того чтобы следовать святым наставлениям Учителя, которому он притворяется, что служит, он объявляет тебя порождением тьмы. Его рвение свело его с ума. Где твой отец?"

"Увы, я не знаю".

"Когда он вернется?"

"Не знаю".

"Каковы его планы?"

"Мне они совершенно неизвестны".

На следующий день Чарльз Стивенс бродил по лесу возле источника, где несколько лет назад он спас раненого незнакомца. Он часто вспоминал этого меланхоличного человека и его странное сходство с отцом Кору.

"Где он сейчас и какова его судьба?" - размышлял он, прогуливаясь по направлению к роднику. Вдруг он остановился и посмотрел в сторону ручья. Он не мог не удивиться. Негритянские слуги, Джон и Титуба, занимались в ручье какими-то своими дьявольскими заклинаниями. Стоя на коленях у воды, каждый из них наклонялся, пока лоб не касался воды, затем, поднявшись, они бормотали странные фетишистские слова на своем дьявольском африканском языке. У Джона в руках был кнут, которым он яростно хлестал воду и издавал свои древние вопли. Чарльз остановился, как замороженный, не зная, что сказать о странном поведении негров, и желая опустить хлыст на их собственные голые плечи.

Во время затишья он услышал быстрый топот ног, приближающихся к источнику, и увидел свою мать, за которой следовала Кора. Как только негры увидели их, они бросили хлестать воду кнутами и с дикими, неземными криками сорвались с места и убежали в лес.

Миссис Стивенс и Кора закричали и уже собирались бежать, как вдруг из своего укрытия вышел Чарльз и сказал:

"Не убегайте, я здесь".

"Чарльз! Чарльз! Что они делали?" спросила миссис Стивенс.

"Это были какие-то их дикие заклинания", - ответил он. "Эти негодяи заслуживают того, чтобы их хорошенько отхлестали кнутом по голой спине".

"Воистину, заслуживают. Почему они разлетелись при нашем приближении?" - спросила миссис Стивенс.

"Возможно, глупые создания решили, что их чары разрушены", - ответил Чарльз.

"Я так напугана", - сказала Кора, вздрогнув. Голова у нее кружилась, и миссис Стивенс сказала:

"Поймайте ее, а то она упадет".

Он отнес ее к источнику и, опустившись на колени у ручья, омывал белоснежное чело, пока она не открыла глаза и не прошептала:

"Мама!"

Много раз потом и мать, и сын, вспоминая этот случай, удивлялись, почему она впервые позвала свою мать. Во все остальное время и по всем другим поводам служанка упорно отрицала, что ничего не знает о своей матери.

Через несколько дней вернулся ее отец, который таинственно и бесцеремонно исчез. Никто не задавал вопросов о том, где он был и какие дела занимали его внимание. Он дал вдове несколько золотых гиней за то, что она заботилась о его ребенке. Тем же вечером Чарльз случайно на отца и дочь в саду. Они сидели в зеленой беседке, частично скрытой от посторонних глаз, поэтому он незаметно подошел к ним на расстояние нескольких шагов.

"Отец, ты больше ничего не слышал?" - спросила она.

"Нет".

"И никого оттуда не видел?"

"Нет".

"Полагаете, опасность миновала?"

"Опасность никогда не исчезнет, пока не произойдет революция в правительстве".

Чарльз долго размышлял над этими загадочными словами и спрашивал себя, что они означают. Он снова посоветовался с матерью, и когда она выслушала все, что он мог рассказать, она была вынуждена спросить:

"Кто они?"

Миссис Стивенс, как и ее сын, была слишком хорошо воспитана, чтобы лезть в тайны своих гостей. Через несколько дней мистер Уотерс снова исчез, и его не видели в течение двух месяцев.

В конце знойного июльского дня мистер Джон Лаудер и его сосед Блай возвращались из Бостона в повозке. Как обычно, их беседа носила торжественный характер, характерный для пуритан. Главной темой их беседы были многочисленные тайны в природе и вне ее. Каждый из них долго и горячо боролся с грехом и сатаной.

Каждый из них твердо верил в существование личных дьяволов и легионов дьяволов. Считалось, что духи воздуха окружают их даже в этот самый момент.

"Сосед Блай, я считаю, что она ведьма", - сказал Громче.

"Истинно, я тоже так считаю".

"Если бы магистраты так решили, ее бы повесили, согласно законам".

"Истинно так. Вчера вечером я снова видел ее фигуру".

"Правда?"

"Да, она пришла ко мне в постель и жестоко мучила меня, просидев целых два часа на моей груди".

"Почему вы не призвали имя Божье, и она ушла бы?"

"Я бы очень хотел это сделать, если бы это было возможно; но ее появление лишило меня способности говорить, и я онемел. Она села на меня, ухмыляясь, и сказала:

"Ты бы заговорил, если бы мог?"

"Тогда в окно влетела желтая птица, прошептала ей на ухо какие-то слова, и фигура улетела вместе с черным человеком".

"Воистину, сосед Блай, вы подверглись тяжким мучениям, но ваш случай немногим хуже моего собственного. Мой скот заколдован и умирает. Ведьмы бросают в них с любого расстояния шары, которые попадают в них, и они сразу же сжимаются и умирают. На другой день утром я солил своих коров, как вдруг одна из них проявила странные признаки болезни и вскоре упала на бок и умерла. Сосед Таун, который был свидетелем этого, сказал, что бедное животное было поражено колдовским шаром. Он говорит, что они собирают шерсть со спины больных зверей и, сделав из нее шарик из слюны, дуют на него и бросают на любое расстояние в какой-нибудь предмет. Попавший в него предмет сразу же завянет и умрет. Он сказал, что если я выдерну шерсть из позвоночника мертвого животного, то сделанный из нее шар сразит любого другого зверя из стада, даже если он будет брошен моей собственной рукой".

Вздыхнув, Блай сказал:

"Воистину, мы живем в эпоху, когда дьявол на время отпущен на свободу. Только бы святой Иоанн снова заковал дракона в цепи".

Солнце уже почти скрылось за длинной линией голубых холмов. Казалось, на холмах и в долинах в окрестностях Салема воцарилась безмятежная тишина, свойственная осени Новой Англии. Сонное, мечтательное влияние витало над сушей и морем и пронизывало всю

атмосферу. Неудивительно, что суеверные пуритане того времени считали это место заколдованным. Не вызывает сомнений, что оно находилось под той же властью, которая накладывала странные чары на умы добрых людей, заставляя их ходить в постоянном задумчивости. Эти первые пуритане, как мы видели, были подвержены всевозможным чудесным верованиям, подвергались трансам и видениям, часто видели странные зрелища и слышали удивительные звуки в воздухе. Весь Салем изобиловал местными сказками, призраками и сумеречными суевериями. Падающие звезды и огненные метеоры видели в этом заколдованном месте чаще, чем в любой другой части страны.

Оба путешественника молча ехали в повозке, изредка бросая взгляды на дорогу. Не доезжая до Салема, дорога нырнула под деревья, скрывшие несколько прогалин и распадков, над которыми виднелась только церковь, стоявшая в предместье деревни. Уединенное положение дома собраний, похоже, всегда делало его излюбленным местом обитания беспокойных духов. Она стояла на холме, окруженная буковыми деревьями и высокими вязами, среди которых скромно сияли беленые стены - единственный яркий объект среди мрака и полумрака. Широкая тропинка спускалась по пологому склону к ручью, впадавшему в бухту, окаймленную высокими деревьями, сквозь которые виднелось море и голубые холмы. Между путниками и церковью простиралась широкая лесистая лощина, по которой среди разбитых камней и стволов поваленных деревьев блуждал ручей. Через глубокую, черную часть ручья был перекинут мост. Дорога, ведущая к нему, была густо затенена и местами неразличима на большом расстоянии из-за нависающих деревьев, которые навевали мрак даже днем, а ночью создавали страшную темноту. Считалось, что это место было излюбленным местом ведьм из Салема, так как их часто видели танцующими на мосту.

С некоторой долей беспокойства путники приблизились к мосту. Солнце уже скрылось за голубыми холмами на западе, и бледное, неяркое сияние вечерней звезды пронеслось по небу, когда мост был достигнут. Пока на возвышенностях еще царили сумерки, здесь уже наступила ночь. Полые звуки лошадиных ног на мосту леденили сердца обитателей повозки, и когда на другом берегу показались очертания лошади и всадника, Лаудер схватил Блая за руку и задыхаясь произнес:

"Боже, спаси нас! Откуда они взялись? Их не было здесь мгновение назад".

"Они поднялись из земли".

Их лошадь, сильно напуганная, бросилась бы вниз по дороге, если бы всадник не направил своего коня прямо им наперерез.

"Похоже, ваш зверь напуган", - прохладно заметил всадник.

При звуке его голоса Лаудер издал дикий вопль ужаса. Лошадь дрожала и не желала сдвинуть телегу ни на дюйм. Лаудер поднялся с сиденья и сквозь сгущающийся мрак взглянул на незнакомца. Это белое лицо, эти огромные печальные глаза, увиденные однажды, невозможно было забыть. Он издал вопль ужаса, воскликнув:

"Прочь, волшебник! Доспехи Божьи да будут между мной и тобой! Изверг из тьмы, это ты предложил мне подписать книгу. Прочь! Прочь! Не искушай меня больше, ибо, милостью Небес, я бросаю тебе вызов! Я не подпишу!"

В этот момент лошадь у телеги, увидев просвет в дороге, помчалась в деревню, оставив всадника в немом удивлении смотреть им вслед. На его белом лице появилось озадаченное и страдальческое выражение. Он повернул голову лошади на другую дорогу и сказал:

"Сколько лет прошло с тех пор, как я был здесь, но, если я не ошибаюсь, это точно та тропинка, которая ведет к ее дому".

Через тридцать минут тот же всадник остановил машину перед коттеджем вдовы Стивенс и, сойдя с коня, привязал его к небольшому дереву и подошел к дому. В окно пробивался свет, а жужжание колеса говорило о том, что трудолюбивая вдова занята вечерней работой. Он постучал в дверь и получил приглашение войти. Войдя в дом, он обнаружил, что в нем живут три человека: вдова, ее сын и красивая, солнечноволосяя девушка. Последняя при его появлении вскочила, воскликнув:

"Отец! Отец!" и, прыгнув вперед, обняла его за шею. Новоприбывший с изумлением смотрел на девушку, но ничего не отвечал.

"Отец, отец, почему ты молчишь?"

"Это какая-то ошибка!" - начал он.

"Вы не мой отец?"

"Я никогда не видел тебя раньше, маленькая служанка".

Кора отпрянула назад и с любопытством посмотрела на незнакомца. Он был очень похож на ее отца, за исключением того, что был почти полностью одет в шкуру и имел дикий, лесной вид. При более внимательном рассмотрении она заметила на его левой щеке небольшой шрам. Такого шрама не было на лице ее отца.

"Вы не мой отец, но вы очень похожи на него", - сказала она.

"Я не твой отец, маленькая служанка. Я пришел поблагодарить этих людей за их доброту ко мне несколько лет назад".

"Это вы тот, кого я нашел у ручья, раненого и умирающего?" - спросил Чарльз.

"Да".

"Ваше таинственное исчезновение вызвало множество комментариев".

Не успел незнакомец сформулировать ответ, как дверь снова распахнулась, и на этот раз в дом вошел отец Кору. Она бросилась к нему и сказала:

"Отец, теперь я вижу, что между вами и ним есть разница!"

Джордж Уотерс впервые увидел незнакомца. Когда их взгляды встретились, каждый из них замер, мгновение смотрел на другого, словно желая убедиться в своей правоте, а затем Джордж Уотерс воскликнул:

"Гарри!"

"Джордж!"

Последовал драматический эпизод, какие часто разыгрываются на сцене или описываются в романах, и постепенно из слов, оброненных мужчинами, маленькая аудитория поняла, что они братья, давно разлученные и ищущие друг друга.

Когда волнение, вызванное открытием, немного улеглось, братья спустились к роднику, где, усевшись на поросший мхом камень, Джордж Уотерс рассказал брату о том, как вступил в

армию Монмута, как был арестован и продан в рабство в Виргинии, как бежал и долго бежал в Новую Англию.

"Где ты был с тех пор, как оказался здесь, Гарри?"

"Я был в плену у индейцев несколько месяцев, был освобожден несколькими французскими иезуитами и отправился во Францию, а оттуда в Англию, надеясь увидеть вас. Несколько недель я провел в нашем старом доме недалеко от Стоктона. Затем я вернулся в Америку и жил в Нью-Йорке, торгуя мехами".

Последовало молчание, длившееся несколько мгновений. Джордж, душа которого, казалось, была взбудоражена какими-то глубокими переживаниями, спросил:

"Гарри, когда ты был в Англии, в Стоктоне, ты видел ее?"

Гарри понял, к кому он обращается, и ответил:

"Нет".

"Где она?"

"Не знаю".

"Вы знаете, жива она или мертва?"

"Не знаю".

"Дай Бог, чтобы она была мертва!"

В этот момент Кора, которая шла позади них и подслушивала их странные слова, вышла вперед и спросила:

"Отец, что вы имеете в виду?"

"Ничего, дитя мое. Давайте вернемся в дом, ибо уже поздно".

И пока они шли по пологому склону к хижине вдовы, девушка повторяла про себя:

"Но ведь он что-то значит!"

ГЛАВА VIII.

ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД.

Законы, созданные для гармонизации противоречивых верований,
и залечить раны, из которых хлещет кровь нации;
Законы мягкие, беспристрастные, терпимые и неизменные,
Узы единения для смешанного народа;
Такие, как добрый Калверт создал для Балтимора,
И Пенн - Нума с берегов Атлантики.

Семья Стивенсов была так тесно связана со своей страной, что история одного из них - это история другого. Филипп Стивенс, или Эстеван, поселился на юге и оставил после себя многочисленное потомство, а его брат Мэтью, приплывший на корабле "*Мэйфлауэр*", оставил не менее многочисленную семью в Новой Англии. Их потомки начали переселяться в пограничные колонии: те, кто жил на юге, - на север до Пенсильвании, а те, кто жил на востоке, - на запад до Нью-Йорка и Нью-Джерси.

Представители этой семьи были любителями свободы, и везде, где на американской земле шла борьба за свободу, находился один из потомков тех молодых людей, которые высадились на американскую землю вместе с Колумбом в 1492 году. Они недолго любили Андроса, и члены этой ныне обширной и широко рассеянной семьи были, так сказать, в мешковине и пепле, когда король Яков в 1688 году дал Андросу вице-королевское поручение управлять Нью-Йорком и всей Новой Англией.

Когда в начале августа того же года вице-король отправился из Бостона в Нью-Йорк, Джордж Стивенс, двоюродный брат Чарльза, сопровождал его и видел, как Андроса принимал пеший и конный полк полковника Баярда, которого развлекал верный аристократ. В разгар ликования пришло известие, что королева, вторая жена Джеймса, была благословлена сыном, который стал наследником престола. Это событие было отпраздновано вечером того же дня кострами на улицах и пиром в ратуше. На последнем майор Ван Кортландт так развеселился, что принес в жертву своей верности шляпу и парик, размахивая горящими жертвами над пиршественным столом на острие своей прямой шпаги.

Принцесса Мария, старшая дочь короля Якова, вышла замуж за принца Оранского, и это новое рождение в королевской семье стало разочарованием для голландских жителей Нью-Йорка, а также для протестантских республиканцев, которые начали надеяться, что Вильгельм и Мария станут преемниками Якова на троне Англии. Это событие усилило всеобщее недовольство, вызванное объединением Нью-Йорка с Новой Англией и ущемлением их прав, и жители были готовы восстать практически в любой момент, тем более что Андрос показал себя особенно несносным.

Как и другие колонии, Мэриленд был потрясен революцией в Англии в 1688 году и некоторое время переживал глубокие горести. Демократические идеи, которые уже несколько лет распространялись по провинциям, не могли примирить правление лорда-собственника с истинными принципами республиканизма. Даже когда Чарльз Калверт после смерти отца отправился в Англию, признаки политического недовольства были заметны в Мэриленде. В 1678 году Генеральная ассамблея под влиянием народных чувств установила на широкой основе избирательное право - "голосование за правителей". По возвращении Карла в 1681 году он отменил этот акт и произвольным указом воспрепятствовал праву свободных людей, владеющих пятьюдесятью акрами земли или личным имуществом стоимостью в сорок фунтов стерлингов. Это вызвало большое беспокойство, и экс-губернатор Фендалл задумал восстание с целью упразднения собственности и создания независимого республиканского правительства. Короля побудили издать приказ, согласно которому все должности в правительстве Мэриленда должны занимать только протестанты; таким образом, римские католики снова лишились своих политических прав.

В 1684 году лорд Балтимор снова отправился в Англию, оставив управление своей провинцией на усмотрение нескольких депутатов под номинальным руководством своего малолетнего сына. Там он обнаружил, что его права находятся под большой угрозой; но прежде чем дело удалось довести до прямого решения с помощью ордера *quo warranto*, король Яков был свергнут с трона, и на него взошли протестанты Вильгельм и Мария. Лорд

Балтимор немедленно согласился с политическими переменами. Из-за того, что его инструкции своим помощникам по провозглашению новых монархов были переданы с задержкой, его обвинили в нерешительности; а беспокойный дух по имени Куд, соратник Фендалла в его мятежных движениях - "человек свободных нравов и богохульных речей" - возбудил народ криками "Папистский заговор!". Он был автором пущенной в оборот ложной истории о том, что местные магистраты Мэриленда и тамошние католики вместе с индейцами участвовали в заговоре с целью уничтожения протестантов в провинции. Фактический договор, заключенный в то время французами и миссионерами-иезуитами с дикарями на границах Новой Англии с целью уничтожения английских колоний на востоке, казалось, придавал окраску этой истории, которая вызвала большое волнение. Старая вражда разгорелась с новой силой. Протестанты сформировали вооруженное объединение во главе с Кудом. В мае 1689 года они прошли маршем к столице Мэриленда, завладели документами и взяли на себя функции временного правительства. В августе следующего года они собрались на съезд, где подготовили и отправили новым государям отчет о своей деятельности и ряд абсурдных и ложных обвинений против лорда Балтимора. В заключение они просили монархов низложить лорда Балтимора, сделав Мэриленд королевской провинцией и взяв его под защиту короны.

Уильям и Мария благосклонно выслушали просьбу и, тронутые ложными представлениями, выполнили ее. Куду было приказано управлять государством от имени короля. Он правил с духом мелкого тирана, пока люди всех религиозных и политических убеждений не прониклись к нему отвращением, и в 1692 году его сменил сэр Лайонел Копли, которого король отправил на должность губернатора Мэриленда. По прибытии нового губернатора весной 1692 года он созвал генеральную ассамблею, которая должна была собраться в Сент-Мэри в мае. Были приняты новые законы, отменяющие религиозную терпимость. Англиканская церковь стала государственной церковью Мэриленда, которая должна была поддерживаться за счет налога на весь народ.

"Таким образом, - говорит Макмахан, - впервые в Мэриленде было введено церковное учреждение, поддерживаемое законом и питаемое за счет общего налогообложения". Были приняты и другие законы, угнетающие тех, кто по своим религиозным взглядам противостоял господствующей партии, некоторые из них оставались в силе до славного дня эмансипации, летом 1776 года, подарившего свободу нашей нации.

Отчасти для того, чтобы лучше приспособить жителей Мэриленда, но больше для того, чтобы наказать приверженцев лорда Балтимора, которые составляли большую часть населения Сент-Мэри, в начале 1694 года резиденция правительства была перенесена в Энн-Арундел, город на берегу Чесапика, и там в феврале было созвано общее собрание. В следующем году название города было изменено на Аннаполис, и там была основана военно-морская станция провинции. С тех пор Аннаполис остается столицей Мэриленда, а Сент-Мэри, существование которого зависело от того, была ли она столицей провинции, быстро превратился в руины.

Лорд Балтимор так и не восстановил свои права на владение городом. Он также не вернулся в Америку, а умер в Англии в 1714 году в возрасте восьмидесяти пяти лет. Ему наследовал его сын Бенедикт Леонард Калверт. Этот сын отказался от веры отца и весной 1715 года умер, когда его права на провинцию перешли к его малолетнему сыну Чарльзу, который вместе со своими братьями и сестрами получил протестантское воспитание. Чарльз Калверт, лорд Балтимор и Уильям Пенн были современниками и в равной степени отличались своим благодетельным нравом. Они считаются лучшими из всех собственников, владевших картами в Америке.

Руфус Стивенс, дядя Чарльза Стивенса, юноши из Салема, жил в Нью-Джерси, когда лорд Беркли, испытывая отвращение к убыткам и досадам, которые несло ему владение колонией, продал свои интересы в провинции Джону Фенвику и Эдварду Биллингу, английским Друзьям, или квакерам, за сумму в пять тысяч долларов. Отчужденный таким образом участок находился в западной части провинции. Вместе с несколькими эмигрантами, в основном из общества Друзей, Фенвик отплыл в свои новые владения. Они прибыли в местечко неподалеку от реки Делавэр, которое называли Салем из-за мирного вида страны и окружающих индейцев. Там, со свойственной секте серьезностью, Фенвик и его две дочери, тринадцать мужчин (большинство из них - главы семей) и одна женщина, жена одного из эмигрантов, сидели в молчаливом поклонении, согласно их обычаю, под сенью большого дерева, с покрытыми головами и спокойными телами, в наступивший "Первый день" после их прибытия. Затем они построили бревенчатые хижины для жилья, и так началась новая жизнь в диких землях Нью-Джерси.

Главным владельцем был Биллинг; но вскоре после отъезда Фенвика большие убытки в торговле сделали его банкротом, и его доля в Нью-Джерси была сначала уступлена Уильяму Пенну и другим лицам в пользу его кредиторов, а затем продана им. Эти покупатели и те, кто с ними связался, не желая поддерживать политический союз с другими партиями, договорились с Картеретом о разделе провинции. Это было сделано в июле 1676 года, причем Картерет сохранил за собой восточную часть провинции, а новые покупатели - западную. С тех пор и до объединения и превращения в королевскую провинцию в 1702 году эти части провинции были известны как Восточный и Западный Джерси. И по сей день мы часто слышим выражение "Джерси".

Большинство поселенцев Западного Джерси были друзьями, и владельцы дали им удивительно либеральную конституцию управления, озаглавленную: "Уступки и соглашения владельцев, фригольдеров и жителей провинции Западный Джерси в Америке". В следующем году (1677) более четырехсот Друзей прибыли из Англии и поселились ниже Раритана. Андрос потребовал от них признать его власть как представителя герцога Йоркского. Они отказались это сделать, и вопрос был передан на рассмотрение выдающегося королевского адвоката и ученого-востоковеда, сэра Уильяма Джонса. Сэр Уильям принял решение не в пользу герцога, который подчинился решению, освободил обе провинции от подданства ему, и Джерси стали независимы от иностранного контроля. Первое народное собрание в Западном Джерси собралось в Салеме в ноябре 1681 года и приняло свод законов для управления народом. Один из этих законов предусматривал, что во всех уголовных делах, за исключением измены, убийства и кражи, пострадавшая сторона должна иметь право помиловать преступника.

В 1679 году Картерет умер, и попечители его американских владений выставили Восточный Джерси на продажу. В 1682 году его купили Уильям Пенн и другие, среди которых был граф Перт, друг Роберта Барклая, которого владельцы назначили пожизненным губернатором. Барклай был выдающимся молодым Другом, чьи труды высоко ценились в его собственной секте, особенно его "Апология истинного христианского Божества, как его придерживаются и практикуют люди, которых презрительно называют квакерами", и его "Трактат о христианской дисциплине". Покупка этих земель была совершена не в интересах религии или свободы, а в качестве спекуляции. Барклай управлял провинцией с помощью депутатов до 1690 года.

Англия и Шотландия прислали в Восточный Джерси большое количество Друзей, а другие иммигранты приехали с Лонг-Айленда, чтобы найти покой и умиротворение; но покой не был найден любителями свободы под королевским правлением, и они были вынуждены осознать

значение запрета: "Не уповайте на князей", поскольку король Яков не сдержал радужных обещаний герцога Якова, и они были вынуждены подчиниться тирании Андроса. Когда в 1689 году этот ненавистный наместник был изгнан из страны, джерсийцы остались без регулярного гражданского правительства, и так продолжалось несколько лет. Измученные спорами с жителями провинций и правительством внутри страны, а также раздраженные убытками от невыгодных спекуляций, владельцы Джерси передали их короне в 1702 году, когда королева Анна была правящим британским монархом. Управление этими владениями было доверено сэру Эдварду Хайду (лорду Корнбери), чьи инструкции составляли высший закон страны. В то время он был губернатором Нью-Йорка и обладал почти абсолютной законодательной и исполнительной властью в пределах своей юрисдикции. В Нью-Джерси народ не имел права голоса ни в судебной системе, ни в принятии и исполнении законов, кроме рекомендательных. Всем, кроме католиков, была предоставлена свобода совести, но фанатичный губернатор всегда проявлял явное благоволение к членам Англиканской церкви. Губернатор был бесчестен и распутен, и под его властью жители Нью-Джерси были немногим лучше рабов. В провинции была запрещена печать, кроме как с королевского разрешения, и особенно поощрялась торговля рабами-неграми.

Нью-Джерси оставалась зависимой от Нью-Йорка провинцией, но имела собственное законодательное собрание до 1738 года, когда она была выделена в самостоятельную колонию, и оставалась таковой вплоть до Революционной войны, когда стала отдельным государством. После того как провинция получила свободу от Нью-Йорка, губернатором был назначен мистер Моррис. Он был сыном офицера армии Кромвеля, который в 1672 году поселился на ферме в три тысячи акров на реке Гарлем в Нью-Йорке и получил название Моррисания.

Последним из королевских губернаторов Нью-Джерси был Уильям Франклин, сын доктора Бенджамина Франклина, который был назначен в 1763 году и завершил свою официальную карьеру летом 1776 года, когда он был смещен континентальным конгрессом и отправлен под охраной в Коннектикут. Там он был освобожден условно-досрочно и отправился в Англию, где и умер в 1813 году.

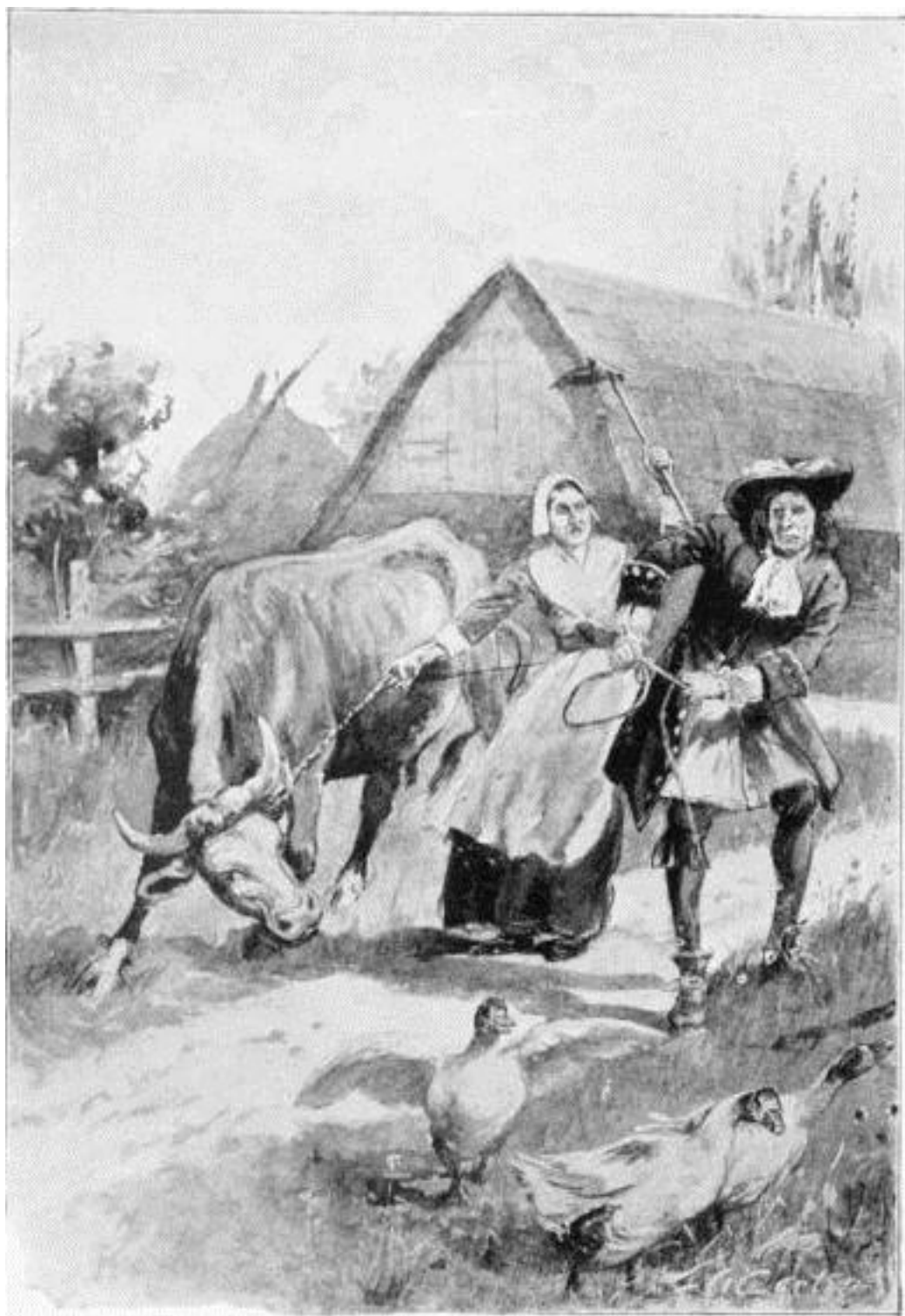
Один из представителей семьи Стивенсов служил губернатором Северной Каролинии, и было вполне естественно, что другие представители южной ветви этой быстро растущей на юге семьи отправились в Каролинию и приняли участие в раннем заселении этих колоний.

После провала планов Лоша и Купера по созданию "Основных конституций", в 1669 году было создано великолепное правительство. Конституции" были подписаны в марте 1670 года и были высоко оценены в Англии как самая мудрая схема человеческого правления из когда-либо придуманных. Монк, герцог Альбемарль, был назначен палатином или вице-королем новой империи, который должен был продемонстрировать парад своей должности, с ландграфами, баронами, лордами маноров и геральдикой, среди рассеянных поселенцев в сосновых лесах, живущих в бревенчатых хижинах вместе с индейцами. Более смехотворная идея никогда не рассматривалась с какой-либо степенью серьезности; тем не менее, пока речь шла о собственниках, это великолепное правительство было создано; но простым поселенцам было что сказать, и когда губернатор колонии в графстве Албемарл попытался ввести новое правительство, они сказали: "Нет". У них была своя форма правления, гораздо лучше приспособленная к их социальным условиям, чем присланная из Англии, и они решили придерживаться ее.

Все попытки принудить к повиновению новой форме правления, все деспотичные налоги, наложенные на народ, и особенно торговые ограничения, санкционированные английскими

навигационными законами, вызывали всеобщее недовольство. Особенно сильно его подогревали беженцы из Виргинии, участвовавшие в восстании Бэкона и искавшие личной безопасности среди жителей ниже Роанока. Эти беженцы, огрызаясь под ударами тирании, разнесли по щедрой земле зародыши идеи народной свободы, и успешное угнетение стало затруднительным, если не невозможным.

В этот период в Северной Каролинии насчитывалось не более четырех тысяч жителей. Они вели небольшую торговлю табаком, кукурузой и жирным скотом с купцами Новой Англии. Такая контрабанда была, пожалуй, оправдана, если учесть, что навигационные законы монополистов были жесткими. Маленькие суда, торговавшие между Северной Каролинией и Новой Англией, привозили в южные колонии множество товаров, которые те не могли производить. Английская корысть позавидовала их небольшому процветанию, и навигационные законы 1672 года были введены в действие. Появился правительственный агент, который потребовал пенни за каждый фунт табака, отправляемый в Новую Англию. Колонисты сопротивлялись, и сборщик налогов стал грубым и часто вступал в стычки с людьми. Однажды он пришел в дом Франциско к родственнику в Бостоне и потребовал бычка в оплату за отправку. Сборщик налогов попытался отогнать быка, но крепкая жена набросилась на него с палкой для швабры и выгнала из дома.

Крепкая жена набросилась на него со своей палкой для швабры и прогнала его.

В конце концов, в декабре 1677 года возмущенный народ конфисковал государственные средства, посадил в тюрьму губернатора и шестерых его советников, созвал новое представительное собрание и назначил главного магистрата и судью. Затем в течение двух лет колонистам было позволено вести дела своего правительства без какого-либо иностранного контроля. Тем временем Джон Калпеппер, их лидер, которого роялисты осуждали как "плохого человека, заслуживающего повешения за попытку заставить народ грабить богатых", сознавая свою честность, смело отправился в Англию, чтобы отстаивать интересы колонии. Во время возвращения в Америку он был арестован, судим за измену и с

честью оправдан. Вернувшись в Северную Каролинию, он был назначен генеральным землемером провинции, а в 1680 году заложил город Чарльстон в Южной Каролинии.

До прибытия Сета Сотела в качестве губернатора Северная Каролиния переживала период затишья. Он приобрел долю в провинциях Кларендона и был отправлен управлять государством. Во время своего путешествия он был захвачен алжирскими пиратами, но, спасаясь от них, добрался до Северной Каролинии в 1683 году.

Об этом скупом, вымогательском и жестоком государственном деятеле говорили, что "мрачные оттенки его характера не разбавлялись ни одной добродетелью". Его появление нарушило общественное спокойствие. Он грабил народ, обманывал владельцев и, похоже, во всех случаях использовал делегированную ему власть в целях личной выгоды. Около шести недель его правления - это все, что смогли вынести независимые колонисты. Затем народ поднял восстание, схватил губернатора и уже собирался отправить его в Англию, чтобы он ответил на обвинения перед собственниками, когда тот попросил, чтобы его судила колониальная ассамблея. Как утверждают известные историки, этот орган оказался более милосердным, чем были бы его соратники в Англии, так как они признали его виновным и приговорили лишь к одному году наказания и вечному лишению права занимать пост губернатора.

Сотел удалился в южную колонию, и его сменил Филипп Ладвелл, энергичный, честный человек, чья мудрость и чувство справедливости вскоре восстановили порядок и добрые чувства в колонии. Его сменил Джон Арчдейл, квакер, который в 1695 году стал губернатором двух колоний. Его правление было благословенным. Люди, которыми он управлял, были так же свободны в своих мнениях и действиях, как воздух, которым они дышали. Юридических и моральных ограничений было мало, но мягкосердечные люди были противниками насилия и преступлений. Они были широко рассеяны, в их лесистых владениях не было ни одного города или поселка и почти ни одной деревушки. Единственными дорогами были тропинки от дома к дому, которые обозначались зарубками на деревьях - "начерченными дорогами". До 1703 года в колонии не было ни одного священника.

Южная колония, или колония графства Картерет, тем временем неуклонно росла в численности населения и богатстве. Поселенцы, осознав фатальные возражения против "Основополагающих конституций" как плана правления для своей колонии, не стали пытаться соответствовать им, а создали более простое правительство, адаптированное к их условиям. В соответствии с ним весной 1672 года в том месте на реке Эшли, где впервые была основана колония, собралась первая законодательная ассамблея Южной Каролинии. В этом органе, где столкнулись политические, социальные и теологические интересы и мнения, разгорелись страстные споры и жестокие разногласия. Южная Каролиния всегда была кипящим политическим котлом, и даже в те ранние времена здесь были партия собственников и народная партия, партия высшей церкви и партия раскольников, каждая из которых была фанатична и решительна. Временами дебаты были настолько жаркими и серьезными, что казалось, они вот-вот ввергнут колонию в гражданскую войну.

Дикари начали грабить границу, и все фракции белых были вынуждены объединиться против этого общего врага. Смелый пограничник со своей надежной винтовкой часто оказывался не в состоянии защитить свой дом. Его скот убегал или забивался на его глазах. Первым местом для столицы был выбран Олдтаун, но в итоге Чарльстон был заложен на Ойстер-Пойнт, и резиденция правительства была перенесена в этот город, где в 1682 году собралась вторая ассамблея. Иммигранты стекались сюда полным и непрерывным потоком. Семьи прибывали из Ирландии, Шотландии и Голландии, а когда Нантский эдикт, обеспечивавший

веротерпимость протестантов во Франции, был отменен, большое количество гугенотов бежало из своей страны, а многие искали убежища в Каролинии. В это время проявилась традиционная ненависть англичан к французам. В течение десяти лет эти французские беженцы были лишены привилегии гражданства в стране своего усыновления.

Колония шотландских пресвитериан, насчитывавшая десять семей, была основана в Порт-Ройале, Южная Каролина, в 1682 году, а четыре года спустя на нее напали испанцы и рассеяли ее, объявив Порт-Ройал зависимым от Сент-Августина.

Гонения на гугенотов во Франции заставили многих из них искать дома в колониях, несмотря на ненависть к ним со стороны англичан.

Борьба Южной Каролинии с индейцами и попытки угнетения домашнего правительства - это лишь повторение опыта других колоний, пока губернатором Каролинии не стал добрый Джон Арчдейл. Его правление было недолгим, но весьма полезным. Он уладил разногласия, установил справедливые законы в духе истинно христианского примера терпимости и гуманности. Он поддерживал дружеские отношения с индейцами и испанцами в Сент-Огастине, так что его правление было отмечено как сезон мира, процветания и счастья.

ГЛАВА IX.

ЧАРЛЬЗ И КОРА.

Мы забрели в сосновый лес,
который огибает океанскую пену.
Легкий ветер был в своем гнезде,
Буря - в своем доме.
Шепот волн был полусонным.
Облака ушли играть,
И на лоне глубины
Улыбка небес лежала.
-Шелли.

Тысячей бесхитростных способов Кора, несмотря на странную таинственность, которая, казалось, окутывала ее, завоевывала сердца всех, кто ее знал. Добрая сестра, часто бывавшая в доме вдовы Стивенс, громко расхваливала девицу, распустившуюся в женскую силу. По мере того как она становилась взрослее и красивее, Чарльз обнаружил, что она становится все более застенчивой; но по мере того как она становилась все более сдержанной, ее власть над ним становилась все сильнее, пока, сама того не сознавая, она не сделала его своим рабом.

Однажды он встретил ее во время одной из ее коротких прогулок по лесу рядом с домом. Ее глаза были устремлены землю, а лицо было таким печальным, что, казалось, тронуло его сердце. Он направился к ней, и она вышла из своей болезненной задумчивости и выглядела так, словно собиралась лететь.

"Кора, это я, ты боишься меня?" - спросил он.

"Нет".

Тогда он подошел к ней и спросил:

"Почему ты сегодня такая грустная?"

"Я кажусь грустной?"

"Выглядишь".

"Это из-за того, что добрый пастор ненавидит меня. Вы не были в церкви в прошлый день Господень?"

"Нет; я был в Бостоне".

"Разве ваша мать не говорила вам об этом?"

"Она мне ничего не говорила".

В ее печальных глазах, казалось, плавали слезы, и Чарльз умолял ее рассказать ему, что говорил о ней мистер Пэррис. Не отвечая на его вопрос, она спросила:

"А что вы думаете о доброй няне и ее сестрах, доброй Клойс и доброй Исти?"

"Они очень хорошие женщины, - ответил Чарльз, - я бы хотел, чтобы у нас было больше таких".

"Разве плохо для такой юной служанки, как я, составить им компанию?"

"Конечно, нет".

Чарльз увидел, что Кора хочет что-то рассказать, и попросил ее подойти к большому покрытому мхом бревну, на которое они уселись, а затем спросил:

"Кора, кто сказал, что это неправильно?"

"Мистер Пэррис".

"Когда?"

"В прошлый Господний день он поносил нас как посланцев дьявола, а Гуди Нерс заявила, что если священник не прекратит поносить ее в церкви, то она сама уйдет".

"Это было бы нарушением закона. Все обязаны посещать богослужения в день Господень".

Она помолчала несколько мгновений, а затем заметила:

"Разве может закон заставить человека идти туда, где его поносят и обрушивают на его голову все клеветы, которые только можно придумать?"

"По законам колонии все должны посещать церковь в день Господень".

Законы пуритан были строгими, и служители с характером мистера Пэрриса пользовались ими.

"Печально, - вздохнула Кора.

"Что мистер Пэррис сказал о вас в прошлый Господень день, Кора?"

"Я не могу вспомнить всего, что он сказал. Даже его текст я забыла, потому что, когда он объявлял его, с Эбигейл Уильямс случился сильный припадок, и она закричала, что добрая сестра щиплет ее. Когда она затихла, и пастор снова объявил свой текст, Эбигейл прервала его, сказав: "Это не доктринальный текст, и он слишком длинный". Он сказал, что когда дети Божьи идут на поклонение, сатана тоже приходит. Затем он заявил, что дьявол в этот момент находится в церкви, и посмотрел на меня и Гуди Нёрс, которые сидели в церкви рядом друг с другом. Кто-нибудь из вас сомневается, что призраки тьмы находятся в вашем присутствии? Посмотрите, как они связывают одно с другим. Те, кто страдает и преследует детей праведников, и нечестивое потомство игрока! Он возвысился в страсти и закричал на меня так, что все взоры обратились на меня, и я склонил голову. Не успел я это сделать, как он призвал всех в свидетели того, как обличаемый сатана не смеет показаться в доме Божьем. Если я только взглядом опровергал его обвинения, он называл это наглой дерзостью дитяти тьмы. Всю его проповедь я просидел, слушая упреки в том, с чем не могу ничего поделать, или частые упоминания о знакомых духах Доброй Сестры".

Слезы тихонько полились из печальных глаз и потекли по щекам девицы. Он попытался утешить ее и, чтобы переключить ее внимание на более веселую тему, спросил:

"Где твой отец?"

"Увы, я не знаю, только знаю, что он уехал со своим братом Гарри Уотерсом в Канаду за мехами".

"Кора, что за странная тайна окружает твою жизнь?"

"Я не знаю".

"Ты ничего не помнишь о своей матери?"

"Нет; я никогда ее не видела. Мои самые ранние воспоминания связаны с театром, где няня ухаживала за мной в зеленой комнате, пока мой отец выступал на сцене".

"Он никогда не говорил о ней?"

"О моей матери?"

"Да".

"Он никогда не упоминает ее имя".

"Вы никогда не спрашивали его о ней?"

"Да".

"И что он ответил?"

"Он говорит, что я все узнаю в свое время".

Чарльзу Стивенсу было совершенно очевидно, что отец Кору намеренно откладывает какое-то важное откровение. Он смотрел на ее юное красивое лицо и не видел в нем почти никакого сходства с отцом. Тогда в его голову закралось подозрение, что, возможно, она вовсе не ребенок Джорджа Уотерса. При всей своей загадочности Кора ничего не пыталась скрыть; ее манеры и разговор были откровенными и открытыми.

"Ваш отец попал в плен в битве при Седжморе, не так ли?"

"Да; он был призван в армию Монмута. Мой отец не имел никакого отношения ни к одной из армий. Что значили для него их ссоры? Часть времени он проводил в Нидерландах, а часть - во Франции, Шотландии или Уэльсе. Не думаю, что в то время он знал о проблемах Англии. Мы все время были в разъездах и мало задумывались о политических вопросах. Когда его арестовали и заставили вступить в армию Монмута при Бриджуотере, он спросил, чья это армия".

"И вы последовали за ним?"

"Я следовал в отдалении и с возвышенности наблюдал за долгой, упорной борьбой. О, какая это была сцена! Ряды кавалерии и пехоты бросались друг на друга. Сквозь огромные клубы дыма и пыли я наблюдал за полком, к которому был приписан мой отец. Я увидел его в самой гуще боя и, стоя на коленях у каменной ограда, молил Бога пощадить его. Бог ответил на мою молитву, и он был пощажён. Когда я увидел, что армия Монмута отступает, а безжалостные мясники короля преследуют его, я побежал по переулку, плача и разминая руки, ожидая найти его мертвое тело. Я был тогда очень молод, но эта сцена неизгладимо запечатлелась в моей памяти.

"Когда я бежал вниз по холму, я встретил его, так покрытого пылью и почерневшего от пороха, что сначала я его не узнал. Он узнал меня, и, когда я упала в обморок у его ног, он перенес меня через поле в придорожный трактир, где я пришла в себя, и мы уже собирались возобновить бегство, когда королевские солдаты окружили дом. Один из офицеров поднял пистолет, чтобы выстрелить в моего отца, и сделал бы это, если бы я не вцепился ему в шею и не стал щитом между ним и пулей солдата.

"Пощадите его для палача", - предложил другой.

"Его пощадили, но на суде выяснилось, что у него не было комиссара в армии мятежников, поэтому его приговорили к десяти годам каторги в колониях и отправили в Виргинию, куда отправился и я. О нашем побеге, благодаря доброте и мужеству вашего родственника в Виргинии, вы уже знаете".

"Ваш отец собирается забрать вас?"

"Да; он говорит, что мои преследования в Салеме прекратятся, как только он сможет подготовить для меня дом".

"Где?"

"В Мэне".

"Ты хочешь уехать, Кора?"

Она долго молчала, так долго, что он снова задал вопрос, прежде чем она ответила. Затем, подняв на него свои прекрасные глаза с изумленным выражением, она ответила:

"Нет, нет! Я бы не уехала, если бы могла остаться в мире; но наши гонения кажутся бесконечными. Мой отец - хороший человек. Хотя он был игроком, он всегда был добрейшим из отцов и учил меня только самым чистым религиозным чувствам, но мистер Пэррис называет его агентом дьявола".

Чарльз с содроганием произнес:

"Кора, боюсь, мы стоим на пороге страшного переворота невежества и суеверий. Религия, наше величайшее благословение, будучи извращенной, станет нашим величайшим

проклятием. Я не могу этого понять, Кора, но мы стоим на пороге какого-то ужасного вулкана, который, боюсь, погубит многих".

То, что Чарльз Стивенс не был лжепророком, полностью доказала последующая история. Грядущие события, казалось, уже отбрасывали свои мрачные тени. В Новой Англии к этому этапу готовились по нравам, с которыми прибывали в страну искатели приключений, и по тому влиянию, которое сразу же на них оказало. Их политика и религия были мрачными и суровыми. Те, кто не был опечален миром, были унылы, и, следует помнить, они полностью верили, что сатана и его силы находятся за границей и с ними нужно бороться ежедневно, ежечасно и в каждой жизненной ситуации. В их новом доме мало что могло их обрадовать, ведь мрачные и неизведанные леса окутывали всю землю за бесплодным морским побережьем. Их особый враг, индеец, всегда на чеку в таинственных зарослях, чтобы воспользоваться ими, не был, по их мнению, простым дикарем. Их духовенство, невежественное и фанатичное, как и ревностное, уверяло их, что индейцы - поклонники и агенты Сатаны; и трудно оценить влияние этого убеждения на умы и темперамент тех, кто думал об индейцах на каждом шагу в повседневной жизни. Ненависть к индейцам всегда сочеталась со свирепостью и фанатизмом, совершенно несовместимыми с мягкими заповедями Иисуса Христа. Эта страсть, разгоревшаяся после первого проявления враждебности со стороны краснокожего жителя Массачусетса, непрерывно росла и распространялась под воздействием болезненного раннего опыта колониальной жизни, и со временем только усиливалась. В свою очередь, каждый мужчина должен был быть разведчиком днем и ночью, на болоте и в лесу, а каждая женщина должна была быть на чеку в отсутствие мужа, чтобы спасти своих малышей от убийц и похитителей. Каковы бы ни были их желания, даже для удовлетворения самых общих нужд горожане должны были сначала весь день находиться в радиусе километра друг от друга, а ночью загонять свой скот в жилища и по очереди нести вахту. Даже по воскресеньям назначались патрули, которые следили за общественной безопасностью, пока горожане были в церкви. Матери несли своих младенцев в дом собраний, предпочитая оставаться дома в отсутствие мужей и соседей. Субботний патруль не только искал индейцев, но и отмечал отсутствующих на богослужении, отмечал, чем они занимаются, и сообщал соответствующую информацию властям. Эти патрули выбирались из ведущих людей общины - самых активных, бдительных и здравомыслящих, и можно легко понять, что в сердцах тех, о ком они считали нужным сообщить, могло накопиться много недоброжелательности. Когда салемская трагедия достигла своего апогея, недоброжелательность достигла своего триумфа.

Свобода, веселье и радость были осуждены пуританами, и почти все развлечения были отброшены. Веселый свист мальчишек был в их глазах безбожным, и Чарльз Стивенс получил свою долю упреков за то, что Бог дал ему легкое сердце. Жизнь для них была мрачной, а мрачная жизнь обычно приводит к кровопролитию, преступлениям и фанатизму.

Чарльз попытался привнести немного своей радости в печальную жизнь несчастной служанки. Для него солнце светило ярко, цветы распускались лучезарно, а птицы сладко пели на радость человеку. Жизнь была серьезной, но не строгой, а религия не требовала мрачности.

"Не обращайтесь внимания на то, что может сказать мистер Пэррис, - говорил он. "Его прихожане настроены против него, и он не сможет причинить вам вреда".

"Еще немного, еще чуть-чуть, и я уеду туда, где они не смогут больше мучить меня", - ответила Кора. "В лесах штата Мэн я буду скрыта от глаз моих врагов и останусь наедине с Богом".

Они поднялись и пошли по тропинке, по обе стороны которой росли густые заросли. Оба погрузились в раздумья. Тень набежала на лицо Чарльза Стивенса в тот момент, когда Кора заговорила об отъезде. Он никогда не признавался даже самому себе, что любит ее, но с той бурной ночи, когда он вызвался смело преодолеть бурю и проводить ее до дома, Кора произвела на него странное впечатление.

Тайна ее ранней жизни была несколько противна его простому, откровенному характеру, но, несмотря на все это, на него произвел сильное впечатление ее милый, чистый и печальный нрав.

Они задумчиво шли рука об руку к дому его матери, когда с другого берега ручья их окликнул голос. Звук голоса разбил чары, и, подняв голову, он увидел Сару Уильямс, идущую к ним.

"Постойте, Чарльз Стивенс, пока я не поговорю с той, кто вас сопровождает".

Молодая вдова была сильно взволнована, и ее голос дрожал от волнения.

"Кто эта женщина?" - спросила Кора, дрожа от волнения.

"Сара Уильямс".

"Я видела ее".

"Где?"

"В церкви. Это она упрекала добрую сестричку в том, что она ведьма".

Кора очень разволновалась, увидев, что Сара Уильямс с демонической яростью спешит к ней. Конечно, она не причинит ей никакого вреда, ведь Кора не знала, что когда-либо обижала ее.

"Не бойся, Кора, она не причинит тебе вреда. Думаю, она будет говорить о каких-то обыденных вещах".

Уверенная в этом, она уже почти перестала бояться приближения женщины, когда Сара Уильямс вдруг закричала дрожащим от ярости голосом:

"Кора Уотерс, неужели у вас нет чувства стыда? Неужели ты полностью отдалась на волю лукавого?"

"Что вы имеете в виду?" спросила Кора.

"Зачем ты мучаешь меня?"

"Я не делаю этого сознательно".

"Ложное орудие Сатаны! Разве не твоя фигура набросилась на меня прошлой ночью?"

"Уверена, что нет".

"О женщина, женщина! Почему ты говоришь так лживо? Я видела тебя".

"Когда?"

"Вчера вечером, когда я лежала в своей постели, вы пришли и задушили меня, потому что я не подписала маленькую красную книжечку, которую вы несли в руке".

Преисполнившись удивления, Чарльз Стивенс перевел взгляд на Кору, лицо которой выражало пустое изумление, и спросил:

"Что это значит?"

"Бог мне свидетель, что я ничего не знаю об этом, не больше, чем нерожденный ребенок", - ответила она.

"Горе тому, кто говорит неправду, когда его обвиняют!" - вскричала разгневанная Сара Уильямс. Затем она сжала кулак и попыталась ударить Кору, которая с криком отпрянула от нее.

"Подождите, Сара Уильямс! Не судите поспешно, иначе вы можете судить неправильно".

"Идите! Держите себя в руках, Чарльз Стивенс, ибо я знаю, что говорю, когда утверждаю, что облик Кору Уотерс тяжело мучает меня".

"Вы с ума сошли?"

"Нет".

"Тогда в чем вы ее обвиняете?"

"Она ведьма".

При этом ужасном обвинении и Чарльз, и Кора в ужасе отпрянули назад, и на мгновение никто из них не мог говорить; но Сара Уильямс не умолкала. Она продолжала поносить несчастную девушку, вываливая на ее невинную голову обвинение за обвинением, пока Кора не почувствовала, что должна прогнуться под тяжестью груза.

"Ты околдовала моих коров; мои овцы и свиньи умирают загадочным образом. Твой облик часто видят по ночам в воздухе. Моя домашняя птица умирает странным и загадочным образом, а у моей собаки случаются припадки. Даже моя бедная кошка попала под злые чары, которые ты наложила на всех вокруг. Увы, Кора Уотерс, ты дерзка и дурна. Чарльз Стивенс, берегитесь, чтобы вас не увидели рядом с ней, чтобы гнев, который обрушится на ее голову, не погубил вас".

Кора Уотерс, прислонившись к дереву, закрыла лицо руками и прошептала:

"Господи, спаси меня от гнева этих заблуждающихся людей?"

"Посмотрите, как она богохульствует! Для ведьмы призывать имя Бога - худшее богохульство. Прочь, ведьма!" - и Сара с силой ударила ногой по земле.

"Стой, Кора!" вмешался Чарльз, очень спокойно. Затем он повернулся к Саре Уильямс и добавил:

"Ты обвиняешь ее ложно, Сара. Остерегайтесь обвинять ее в том, что по закону считается преступлением, иначе вам придется отвечать в суде за клевету".

"Чарльз Стивенс, остерегайтесь, как вы защищаете существо, находящееся рядом с вами. Она - порождение тьмы, и не за горами тот день, когда таким существам будет запрещено разгуливать на свободе. Остерегайтесь! *Остерегайтесь!* ОСТОРОЖНО!" - и с последним приказом, похожим на пронзительный крик, она развернулась и убежала.

Чарльз Стивенс долго смотрел вслед удаляющейся женщине. Легкий ветерок, шевеля листья душистого леса, доносил до них приятные запахи, птицы пели свои милые мирные песни, белка с орехом в лапах проворно скакала по листьям рядом и, остановившись, вставала на задние лапки и смотрела на них своими маленькими яркими глазками, а цветы кивали своими маленькими вульгарными головками, как бы приглашая всех радоваться; но Чарльз и Кора не видели всех этих красот природы. Она стояла, прислонившись к приветливому стволу огромного дуба, и смотрела на него с выражением беспомощного призыва и муки. Он был настолько ошеломлен дерзким обвинением, что несколько секунд не мог говорить. Она первой вернула себе дар речи.

"Она тоже мой враг".

"Да", - ответил он.

"У меня нет друга..." - начала она.

"Не говори так, Кора. Пока мы с матерью живы, у тебя есть два друга", - перебил он.

"Да-да, я не забыл о вас, но вы, возможно, бессильны мне помочь. Я узнала, что они собираются арестовать и судить некоторых обвиняемых в ведьмовстве. Это ужасно, - добавила она с содроганием. "В Англии ведьм сжигают на костре. Мой отец видел, как одну из них зажарили на костре. Он сказал, что его умилило то, как галантно она встретила свою судьбу, проклиная и понося собравшуюся вокруг нее толпу, в то время как разъяренное пламя, вздымаясь вверх, лизало ее лицо, ловило локоны, трещало вокруг ее старой седой головы. Жалкое зрелище, и, слава Богу, я никогда не видела такого!"

"Никогда не увидишь, Кора, потому что те времена прошли. Мы живем в более просвещенный и гуманный век. Сейчас людей не сжигают до смерти, как это было раньше. Мы находимся в безопасности под защитой гуманных и мудрых законов".

Чарльз ошибался. Человеческие законы никогда не были совершенными или справедливыми, и человечество никогда не будет в безопасности, пока законы трактуются пристрастными судьями. Законы никогда не бывают совершенными, ведь если бы они были таковыми, постоянные поправки были бы излишни.

По дороге домой Чарльз и Кора вынуждены были пройти мимо церкви Салема. По пути они столкнулись лицом к лицу с мистером Пэррисом, выходящим из святилища, куда он отправился помолиться. Он остановился возле двери и, устремив на несчастную служанку свои большие серые глаза, пристально посмотрел на нее, как разъяренный лев смотрит на объект своей ненависти; затем он повернулся на пятках, говоря что-то о том, что дети тьмы оскверняют дом Господень.

Кора вздрагивала, пока он был в поле зрения, а когда он исчез, сказала:

"Конечно, он плохой человек!"

Они продолжили свой путь к дому. Не разговаривая, они шли медленно, погруженные в раздумья. Нежный ветер, резвящиеся белки, кивающие цветы, пение птиц - все они не обращали на них внимания. Когда они добрались до дома, в дверях стояла мать с почти смертельно белым лицом.

Хотя она ничего не говорила, он знал, что она очень встревожена. Ее колесо стояло без дела, а рядом с ним лежала нераскрученная куча шерсти. Она слабо улыбнулась и, когда Кора прошла в отведенную ей маленькую комнатку, с тревогой посмотрела на сына.

"Мама, здесь никто не появлялся с тех пор, как мы ушли?" - спросил он.

"Да".

"Это был мистер Пэррис?"

"Да".

"Мы видели, как он выходил из церкви, когда мы проходили мимо".

"Он был здесь совсем недавно".

Тут Чарльз почувствовал, что матери было сказано что-то, что вызвало тревогу, и спросил ее, что именно.

"Он посоветовал мне предупредить тебя, чтобы ты бежала от грядущего гнева. Он сказал, что, если ты будешь продолжать в том же духе, тебя постигнет гибель, прежде чем ты узнаешь об этом".

"Что он имел в виду?"

"Он говорил о ней", - и миссис Стивенс многозначительно кивнула в сторону квартиры, в которой находилась Кора. Чарльз ожидал такого ответа. Он медленно подошел к двери и посмотрел на дорогу, чтобы убедиться, что пастор все еще в поле зрения; но его не было. Виднелась лишь широкая, хорошо проторенная улица с большими старыми деревьями по обеим сторонам, да синее море за холмом, да деревня в долине. Сердце юноши было полно горечи, и то, как прозвучали слова матери, не могло утихомирить бурю в его груди. Хотя в ее словах этого не прозвучало, ее манера поведения указывала на то, что она разделяет мнение мистера Парриса. Отвернувшись от двери, Чарльз подошел к ней и сказал:

"Мама, все, что он сказал о ней, - ложь. Я знаю, что он ненавидит Кору, что он хотел бы сделать ее одной из посланниц сатаны; но его обвинения ложны. Ты знаешь - ты должна знать, что она чистая, хорошая девушка".

"Я знаю это", - ответила она, ее лицо все еще было встревоженным и бледным. "Обвинение ложно. Я знаю, что оно ложное, но он все равно угрожает".

"Кому он угрожает?"

"Тебе".

Чарльз рассмеялся, как может смеяться над опасностью только храбрый юноша. Почему он должен бояться мистера Пэрриса? Чарльз был молод и неопытен. Он не знал, в каком веке живет, и даже не подозревал, какую власть над обществом может иметь мистер Пэррис, как пастор церкви. В те времена кафедра контролировала судей и присяжных, законодателей и правителей, а когда такой злонамеренный человек, как мистер Пэррис, становился пастором общины, он мог оказывать страшное влияние.

"Мама, как он может причинить мне вред?" - спросил Чарльз. спросил Чарльз.

"Не одним, а несколькими способами".

"И какими же?"

"Я не знаю, Чарльз; но я знаю, я чувствую, что скоро произойдет что-то ужасное. Наш народ пострадает от мистера Пэрриса - особенно все, кто выступает против его служения".

"Я выступаю против его служения, и я его не боюсь. Все, что он может сделать, - это ранить чувства этой бедной девушки; но она скоро уедет, недоступная для его клеветы".

"Дай Бог, чтобы так и было, и очень скоро". Когда Чарльз уже собирался покинуть дом, его мать спросила: "Ты слышал, что приезжает Адельфа Лейслер из Нью-Йорка?"

"Адельфа Лейслер! Нет..." - начал он, наполовину в радости, наполовину в сожалении.

"Она приедет. Конечно, ты не забыл ее".

"Нет, мама. Я никогда не забуду эту милую горничную".

"Ты говорил в детстве, что однажды она станет твоей женой".

"Истинно так. Я слышал, что Адельфа сдержала данное в раннем детстве обещание стать красивой женщиной. Когда она приедет?"

"Говорят, она будет здесь до следующего Дня Господнего".

Выражение радости, прозвучавшее в этих словах, а также сияние, озарившее его лицо, было замечено белолицей молодой женщиной в соседней квартире. Кора не была намеренной подслушивательницей. Ее дверь была случайно оставлена приоткрытой, и когда она услышала произнесенное имя Адельфы Лейслер, то вскочила на ноги, движимая странным импульсом, совершенно для нее необъяснимым. Она никогда прежде не слышала имени Адельфы Лейслер, но интуитивно чувствовала, что это имя имеет какое-то страшное значение для ее судьбы. С громко бьющимся сердцем, раздвинув губы и всем своим существом выражая боль, она прижалась к двери и прислушалась.

ГЛАВА X.

ЧАРЛЬЗ И МИСТЕР ПАРРИС.

Ночь - время отдыха,
Как сладостно, когда труд завершен,
Когда вокруг ноющей груди
Полог покоя,
Растянуть усталые конечности и положить голову
На нашей собственной восхитительной кровати.
-Монтгомери.

Ревность впервые вошла в сердце Кору Уотерс. Благословен тот, кто свободен от этого проклятия. Зеленоглазое чудовище без приглашения проникает в сердце и возводит себя в ранг властителя счастья того, над кем оно властвует. Она выслушала все, что сказали мать и сын, и проводила его взглядом, когда он вышел. Затем она закрыла дверь своей квартиры и удалилась в спальню.

Был уже почти вечер, и когда миссис Стивенс сообщила ей, что чай готов, она притворилась, что у нее болит голова, и попросила извинить ее. Болело скорее сердце, чем голова.

Чарльз Стивенс собирал стада, как было принято на ночь, когда неожиданно наткнулся на Джона Лаудера, возвращавшегося из леса.

"Чарльз Стивенс, где ты был в прошлый День Господень?" - спросил Лудер.

"Я скучал?"

"Ты был, и я думаю, что патруль не смог тебя найти".

"Я был в Бостоне".

"Вы знаете, что мистер Пэррис начал выступать против некоторых людей?"

"Я слышал об этом, и думаю, что пастору следует быть осторожнее, чтобы не совершить несправедливость".

Громче покачал головой и, усевшись на зеленом берегу ручья, ответил:

"Добрая сестра - ведьма. Она жестоко мучила меня в разных случаях и разными способами. Хотел бы я поверить ей, но не могу".

"Джон Лаудер, ты обманутый и заблуждающийся человек".

"Нет, нет, Чарльз, ты насмехаешься надо мной. Она приходила ко мне, садилась мне на грудь и сильно угнетала меня своими муками. Разве не превращался я в зверя и не ездил по ночам через тернии и бриары, а проснувшись, обнаруживал себя в постели?"

Чарльз, смеясь, ответил:

"Это был тревожный сон, от которого ты проснулся".

"Нет; я обнаружил, что шипы и бриары колют мне руки и ноги".

"Возможно, ты ходил во сне".

"Чарльз, зачем пытаться обмануть меня таким образом, если я прекрасно знаю, что все, что я тебе говорю, - чистая правда? Я вижу глазами, слышу ушами и чувствую чувствами. Только позавчера вечером меня привезли на поле, где совершали колдовское таинство".

"И что же это было?" - спросил Чарльз с недоверчивой улыбкой.

"Плоть и кровь убитой жертвы".

Чарльз невольно рассмеялся.

"Нет, нет, Чарльз, не надо смеяться", - сердито воскликнул Лаудер. "Она тоже там была".

"Кто?"

"Служанка, которая жила в вашем доме. Отпрыск гнусного игрока. Вот, я видел, как она принимала причастие".

Лицо Чарльза Стивенса попеременно бледнело и краснело, когда он отвечал:

"Джон Лаудер, ты - принц лжецов, и берегись повторять свои лживые слова, иначе я проломлю тебе череп".

Лаудер, который был трусом, а также суеверным, испытывал здоровый страх перед крепким юношей.

Он отступил на несколько шагов и заикаясь произнес:

"Нет, нет, я не хочу ничего плохого. Я ничего не говорю против вас".

"Джон Лаудер, вы отъявленный лжец, и я предупреждаю вас, чтобы впредь вы были осторожны, когда ваш гнусный язык будет дышать клеветой на невинных людей. Сгинь!"

Лаудер медленно поднялся и удалился, а Чарльз Стивенс вернулся домой. Вечерний воздух обдувал его разгоряченные брови, и он пытался остудить свой гневный пыл, пока не добрался до дома. Безмолвные звезды следили за угрюмым юношей, который, остановившись у ворот, смотрел в беспомощном страдании на широколицую луну и бормотал:

"Чем все это кончится?"

Когда Чарльз Стивенс вошел в дом, ему уже пора было ложиться спать, и его лицо было спокойным, как летнее небо, над которым никогда не проносилась гроза. Его мать все еще возилась у колеса, а куча шерстяных валиков все уменьшалась и уменьшалась. Она не задавала сыну никаких вопросов. Он сел за стол, взял книгу псалмов и принялся читать.

В соседней квартире кто-то слышал, как он вошел. Это была Кора, и, поднявшись, она присела возле двери, чтобы послушать. Возможно, они еще что-нибудь скажут об Адельфе Лейслер; но он больше не упоминал ее имени, и она почти надеялась, что теперь ему нет до нее никакого дела, хотя он признался, что в детстве рассматривал ее как свою будущую жену. Почти каждый мужчина выбирает себе жену в раннем детстве; но любитель детей редко становится мужем. Любовь к товарищу по играм, какой бы нежной она ни была, не является любовью зрелости. Кора пыталась утешить себя этими мыслями, но существовала еще одна опасность, которая могла встать на ее пути. Это было осознание того, что он не видел Адельфу уже много лет, а она превратилась из ребенка в красивую женщину. Она долго сидела у двери, чувствуя себя виноватой в том, что играет роль подслушивающей; но когда Чарльз поднялся, закрыл книгу и ушел в свою комнату, а мать убрала работу, Кора встала и легла в свою постель. Несмотря на горе и душевное волнение, ей снились сладкие сны. Кто-то, кто был Чарльзом, явился ей в свете, и она встала с солнцем в глазах, что поначалу произвело эффект продолжения ее сна. Ее первая мысль при выходе из сна была улыбочивой, и она почувствовала себя вполне успокоенной. Сон был таким приятным и сладким; жизнь казалась такой мирной и полной надежд; природа так ярко улыбалась в это святое утро, что она почти забыла горячие слова пастора и свою ревность накануне вечером. Она начала надеяться изо всех сил, сама не зная почему, и страдала сжатием сердца. День выдался яркий, но солнечный луч был еще почти горизонтальным, и она решила, что еще довольно рано; однако она решила, что должна подняться, чтобы помочь матери Чарльза в домашних делах. Она увидит самого Чарльза, почувствует тепло его взгляда и услышит музыку его голоса. Возражения не принимались, все было ясно. Чудовищно было испытывать муки ревности накануне вечером; но теперь, когда яркие сны и великолепный рассвет развеяли их, она почувствовала уверенность, что наконец-то пришли хорошие новости. Молодость так устроена, что она быстро утирает слезы, ибо для нее естественно радоваться, пока ее дыхание состоит из надежд.

Кора не могла вспомнить ни одного случая, когда Чарльз Стивенс произнес бы в ее адрес хоть одно слово надежды или ободрения. Казалось, мысли играли в прятки в ее мозгу, и она

была так странно, так необычно счастлива этим утром, что предпочла наслаждаться весельем дневных грез реалиям жизни. Покинув постель, она умылась и прочитала молитву.

За окном слышались голоса, и она прислушалась. Одним из них был хорошо знакомый голос Чарльза Стивенса. Он разговаривал с кем-то, кто, как она догадалась, только что приехал. Голос новоприбывшего был слишком далек, чтобы она могла узнать его, но, проглянув сквозь решетку, она различила фигуру человека, приближающегося к дому. Этот высокий человек с тонкими, трупными чертами лица и суровым, непреклонным взглядом был тем самым человеком, который публично осудил ее и выставил на поругание всей общины, потому что она была ребенком игрока. Кора не испытывала к нему ненависти, ибо была слишком чиста, слишком хороша, слишком бесполезна, чтобы ненавидеть человека, объявившего ее огнем погибели. Какова же была его цель в это прекрасное утро? Его появление развеяло все радужные мечты и вновь погрузило ее в тот ужасный, гнетущий мрак, который, казалось, тяжелее свинца лежал на ее сердце.

"Вы рано приехали, мистер Пэррис", - ответил Чарльз на утреннее приветствие священника.

"Не слишком рано, однако", - ответил преподобный джентльмен. "Дьявол не спит. Он постоянно находится за границей, и, воистину, нужно вставать рано, чтобы быть впереди него и его приспешников".

"Куда вы идете, мистер Пэррис?" - спросил юноша.

"Я иду сюда".

"Ваше призвание рано".

"Не раньше, чем у Сатаны. Думаю, он уже здесь и пребывает с вами до моего прихода".

Чарльз ничего не ответил на это, потому что не существует такого гнева, как гнев разгневанного проповедника, чье рвение искажает его суждения и делает из него фанатика. Фанатичный, тиранический, надменный и жестокий, Пэррис обрушивался на своих врагов с яростью орла.

Чарльз Стивенс был несколько удивлен манерами священника и спросил:

"У вас ко мне дело?"

"Да".

"И какое же?"

"Нам лучше поговорить там, где нет опасности быть подслушанными, Чарльз, поскольку то, что я хочу сказать, имеет очень серьезный характер и касается благополучия вашей души".

Когда фанатичный, честолубивый фанатик интересуется благополучием человека, тот оказывается в опасности.

Встревоженная девушка, прижавшаяся лицом к оконной решетке и наблюдавшая за мужчинами, услышала все это и так побледнела, что даже теплые лучи солнца не смогли придать щекам оттенок и жизненный румянец. Она видела, как они уходят по тропинке, переходят ручей среди деревьев и уходят за дальний холм.

Для Чарльза это было похоже на паломничество в некое место зла, конца которого он страшился. На холме, скрытом от города деревьями и склоном, они остановились у угла каменной ограды, и мистер Пэррис, прислонившись к стене, молча смотрел на Чарльза.

"Что вы хотите сказать, мистер Пэррис?" - спросил юноша, когда холодный взгляд серых глаз, похожий на блеск стали, упал на него. Мистер Пэррис медленным и размеренным тоном ответил:

"Никто не знает, пока не придет время, какие глубины таятся в нем. К некоторым оно так и не приходит. Пусть они отдыхают и благодарят. Ко мне это пришло - меня заставили. Мир презирает меня, злоупотребляет и издевается надо мной за то, что я стою в руке Божьей, чтобы исполнять Его святую волю".

"Вы странно рассуждаете, мистер Пэррис", - сказал Чарльз, когда дикоглазый фанатик закончил и обратил свое изможденное лицо к небу. "Мне кажется, ваше усердие и рвение ошибочны".

"Да, все ошибаются; но я знаю, что Господь предназначил меня для этого доброго и святого дела, и я буду служить своему Учителю, каким бы трудным ни было это дело".

"Мистер Пэррис, не можем ли мы ошибаться в том, что является служением Учителю?"

"Да! Разве путь не настолько ясен, что путник, хоть и глупец, не может на нем заблудиться?"

"И все же "изгонят вас из синагог; да и наступит время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он служит Богу". Главный вопрос, который нужно решить, - какой из них правильный. "Не всякий, говорящий "Господи, Господи", войдет в Царство Небесное".

"Я прав!" - вскричал мистер Пэррис, его лицо пылало от страсти.

"Так считал Мелендес, когда заливал землю форта Каролиния кровью невинных женщин и детей".

"Молодой человек, я проповедник, а не вы. Я должен говорить, а ты - слушать. Сатана освободился от оков, и воздух полон злых духов".

"Мистер Пэррис, я уже достаточно наслушался. Позвольте мне остановить вас здесь. Так будет лучше и для вас, и для меня. Позвольте мне пойти домой".

"Еще нет. Господь повелевает, и это должно быть сказано. Я мучаюсь с тех пор, как остановился перед этим. Не удивляйтесь и не тревожьтесь, когда я скажу вам, что наступает день гнева Господня, и приспешники ада, терзающие эту проклятую землю, будут собраны в огонь уничтожения. Чарльз, простите эту серьезность, это ради вас. Это еще одна моя беда. Я не могу говорить на эту тему и о ней, не спотыкаясь на каждом слове, если только не выпущу из рук чеку и не сойду с ума"; и, глядя в эти дикие глаза и впалые щеки, Чарльз Стивенс подумал, что этот человек, должно быть, уже сошел с ума.

"Давайте вернемся домой, мистер Пэррис. Возьмите еще день на размышление, прежде чем высказать то, что вы хотите сказать".

"Нет, нет; вы должны выслушать меня сейчас! Вот человек гонит своих коров пастись. Он скоро уйдет. Я прошу вас, позвольте нам пройти по дороге и вернуться, ибо то, что я хочу сказать, Чарльз, должно быть предназначено только для ваших ушей".

Он поддался на уговоры. Как он мог поступить иначе, ведь от прогулки с пастором не было никакого вреда? Мистер Пэррис, помимо прочих своих достоинств, обладал способностью скрытничать. Он мог изображать улыбку, в то время как в его душе бушевал дьявол. Когда они отошли на некоторое расстояние, а фермер пошел дальше со своими коровами, они вернулись к старой каменной стене, и Чарльз стал ждать, совсем как преступник, которому предстоит вынести приговор.

"Вы знаете, что я собираюсь сказать, - начал пастор, и его строгое лицо вновь приняло грозное выражение. "Я вам не нравлюсь, я не нравлюсь вашей матери, и прихожане разделились во мнениях, делая все возможное, чтобы отстранить меня; но я прав. Что могут иметь в виду другие люди, употребляя это выражение, я не могу сказать. Я же имею в виду, что нахожусь под влиянием какой-то огромной силы, которая, как я знаю, есть Сам Всемогущий Бог, и противиться этой силе я не смею. Меня могут назвать фанатиком, жестоким, безумным; но великий и добрый Бог, создавший меня, предписывает мне все. Эта сила, этот дух, эта воля, чем бы она ни была, - главный мотив, который движет мной. Она может повлечь меня в огонь; она может повлечь меня в воду; она может повлечь меня на дыбу, как это делали мученики древности; она может повлечь меня на любую смерть - на любую приятную или отвратительную; но я ошибаюсь, меня неправильно понимают люди, и будущее, как и нынешнее поколение, может осудить меня в своих узких взглядах как бесчестного, как мстительного, как даже кровожадного; но, Чарльз, когда Бог повелел Петру убивать, разве он отказался? Нет. Если мой Бог велит мне убивать, я это сделаю, хоть реки крови потекут..."

На лицо дикого фанатика было страшно смотреть. Чарльз Стивенс, смело взглянув на него при свете дня, не смог подавить дрожь. Его худое, трупное лицо, гладко выбритое и пепельного оттенка, было обращено к небу, а огромные, ужасные глаза, казалось, смотрели на вещи, недоступные человеческому зору. Длинная правая рука была поднята к небу, и снова этот глубокий голос воскликнул:

"О ты, великий Иегова, прикажи мне, и потекут реки крови..."

"Мистер Пэррис!" - встревоженно начал Чарльз.

"Остановитесь! Я умоляю вас не перебивать меня, Чарльз. Подождите, пока постом, молитвой и долгим, торжественным размышлением над этими таинственными предметами Господь откроет вам глаза на невидимый мир, и тогда вы сможете судить. Если же вы устанете от долгого стояния, сядьте, и я всыплю вам в уши такие доказательства, что вы больше не сможете отрицать существование колдовства".

Чарльз почувствовал странные чары присутствия фанатика и лишь склонил голову в знак того, что тот может продолжать. Мистер Пэррис своим глубоким могильным голосом продолжал: [B]

[B] Подобный аргумент использует Коттон Мазер в своем "Невидимом мире".

"Мистер Джон Хиггинсон, этот преподобный и прекрасный человек, говорит, что индейцы, пришедшие издалека, чтобы поселиться в Мексике, в своем продвижении к этому поселению находились под водительством дьявола, очень странно подражая благословенному завету, который Бог дал Израилю в пустыне. Акоста говорит, что дьявол в их идоле Вицлипульцли управлял этим могущественным народом. Он приказал им покинуть свою страну, пообещав сделать их владыками всех провинций, которыми владели шесть других народов индейцев, и дать им землю, изобилующую всеми драгоценностями. Они

отправились в путь, неся с собой своего идола в ларце из тростника, поддерживаемые четырьмя главными жрецами, с которыми он по-прежнему вел тайные беседы, рассказывая им об успехах и неудачах на их пути. Он советовал им, когда идти в поход и где остановиться, и без его приказа они не двигались с места. Первое, что они делали, куда бы ни приходили, - воздвигали скинию для своего ложного бога, которую всегда ставили посреди своего лагеря, а ковчег помещали на алтарь. Когда же, измученные болями и усталостью путешествия, они заговорили о том, что не будут продолжать свой путь дальше некоего приятного этапа, куда они прибыли, дьявол за одну ночь ужасно убил тех, кто начал этот разговор, вырвав у них сердца, и так они шли до тех пор, пока не пришли в Мексику.

"Тот же самый дьявол, который тогда подражал тому, что было в церкви Ветхого Завета, теперь, среди нас, подражает делам церкви Нового. Ведьмы говорят, что они образуют себя по образцу конгрегационных церквей, что у них есть крещение, трапеза и должностные лица, отвратительно напоминающие тех, что были у нашего Господа. Что такое их поражение свирепым взглядом? Что они заставляют страждущих подняться прикосновением руки? Что такое их перемещение по воздуху? Как они путешествуют духом, в то время как их тело погружено в транс? Как они заставляют скот сходить с ума и погибать? Что такое их запись имен в книгу, их сход со всех концов при звуке трубы, их появление иногда в одеянии света и огня на них, а затем покрытие себя и своих инструментов невидимостью? Не является ли все это кощунственным подражанием некоторым вещам, описанным о нашем Спасителе, его пророках или святых в Царстве Божьем?"

"Мистер Пэррис, - сказал Чарльз, когда фанатик сделал паузу в своей дикой речи, чтобы отдышаться, - вы, кажется, говорите серьезно; но вы должны помнить, что существует ошибочное рвение..."

"Постой, Чарльз, я знаю, что ты скажешь; но Бог открыл мне глаза на мерзость колдовства".

"Так думал епископ Мендоса, когда приказал убить невинных. Остерегайтесь лжепророков, мистер Пэррис. Их следует бояться больше, чем дьявола, о котором вы говорите. Прежде чем пытаться разглядеть соринку в глазу брата, убедитесь, что вы удалили бревно из своего собственного глаза".

Бледное лицо фанатика стало еще более жутким, чем прежде. Он скрежетал зубами, а его огромные глаза, казалось, с ненавистью смотрели на него. Схватив рукой запястье Чарльза, он сжал его так крепко, что тот едва не вскрикнул от боли.

"Чарльз, Чарльз, почему ты гонишь меня? Разве не упала с твоих глаз чешуя неверности? Неужели ты отрицаешь силу Божью?"

Чарльз Стивенс усилием воли высвободил руку и с дерзостью, которая возрастала по мере того, как он говорил, ответил:

"Я отрицаю не Бога, а человека. Бог благ, справедлив и добр. Тот, кто, прикрываясь именем Господа, извращает Его святое слово, - самозванец и богохульник, более низкий, чем вор или неверный".

"Чарльз, берегись!"

"Я терпеливо выслушал вас, мистер Пэррис. Теперь послушайте меня. Где в Писании вы находите оправдание тем обвинениям, которые вы возводите на невинных людей, таких как Добрая Сестра, Добрая Исти, Добрая Клойс и бедная маленькая служанка Кора Уотерс? Что плохого они вам сделали, что вы, как христианский человек, не можете их простить?"

"Чарльз..." - перебил мистер Пэррис.

"Подождите, сэр, вы меня выслушаете. Мистер Пэррис, вы, должно быть, человек необыкновенного бесстыдства, хитрости, безжалостности и наглости вместе с тем. Вы начали свою деятельность с резких переговоров о своем жалованье и с острой практики присвоения дома и земли, предназначенных для использования последующими пасторами. Под влиянием своих амбиций вы так усердно трудились, что добились признания дома собраний истинной церковью, а себя - первым пастором деревни Салем. Поскольку против вас выступили Добрая Сестра, ее сестры и другие, вы пытаетесь обвинить их в преступлениях, которые по нашим законам караются смертью".

Бледное лицо пастора стало почти белым; но, произнеся это с вынужденным спокойствием, он сказал:

"Продолжайте, продолжайте!"

"Нет, это вы должны без лишних разговоров сказать, зачем вы меня сюда привели. Скорее, позвольте мне догадаться. Вы привели меня, чтобы сказать мне что-то о Коре Уотерс. Вы пришли сказать мне, что она ведьма, а я говорю вам, что это ложь".

Пылкий священник на мгновение уставился на юношу и сказал:

"Чарльз, вы отрицаете, что она - ребенок игрока?"

"Не отрицаю, но какой грех следует за тем, чтобы быть ребенком игрока или даже быть игроком? Библия нигде не осуждает актера за его профессию, и, если игрок благочестив, его призвание не вызывает возражений. О, мистер Пэррис, искорените из своего сердца смертельный яд предрассудков, и тогда не будет видно никакого вреда в этой милой, невинной и многострадальной юной деве. Она всегда была ребенком печали и слез, никогда и в мыслях не имевшим обидеть кого-либо. Скажите мне, что это дитя - ведьма? Мистер Пэррис, это ложь!"

"Тогда вы оба можете вместе отправиться в адские края!"

"Тогда, - вскричал пастор, внезапно меняя тон, поворачиваясь к Чарльзу и обрушивая сжатую руку на каменную ограду с силой, от которой костяшки пальцев стали сырыми и кровоточащими, - тогда вы оба можете вместе отправиться в преисподнюю!" Мрачный взгляд ненависти и мести, с которым эти слова сорвались с его посиневших губ, и то, как он протягивал свою ушибленную и кровоточащую руку, заставили Чарльза вздрогнуть и повернуться, чтобы идти домой; но пастор поймал его за руку.

"Мистер Пэррис, отпустите меня. Я услышал достаточно. Мы прекрасно понимаем друг друга".

"И вы не откажетесь от нее?"

"Никогда".

"Воистину, она околдовала вас".

"Я не верю в колдовство".

"Что! Вы отрицаете слово Божье? Осторожнее! Ты заходишь слишком далеко. А твоя мать?"

"Она тоже не верит в это".

"Чарльз, почему вы с матерью так противились мне?" - потребовал он, с ненавистью глядя в глаза, тяжело дыша, а с губ его стекала белая пена с примесью крови.

"Потому что вы плохой человек, мистер Пэррис, - вскричал Чарльз. "Вы святой мошенник".

Ярость пастора не знала границ. Указывая своей израненной и кровоточащей рукой на Чарльза, он воскликнул:

"Иди! И да пребудет с тобой проклятие разгневанного Бога!"

Чарльз отправился домой.

ГЛАВА XI.

АДЕЛЬФА ЛЕЙСЛЕР.

О, любовь моя, как красная, красная роза,
Что распустилась в июне;
О, моя любовь, как мелодия,
Которая сладко играет в такт.
Как прекрасна ты, моя милая девушка,
Так же глубоко я влюблен в тебя;
И я буду любить тебя по-прежнему, моя дорогая,
Пока не высохнут моря.
-Бернс.

В жизни каждого человека бывают моменты, когда душа витает на какой-то темной грани. Это может быть грань атеизма, отчаяния, преступления или суеверия. Внешние влияния в значительной степени способствуют тому, чтобы направить путешественника по жизни в нужное русло. Если течение неожиданно поворачивает, оно несет его совсем не в том направлении, в котором он намеревался. Человеческий разум необъясним. Это не машина, которую можно разобрать и проанализировать. Это не материал, который можно постичь и понять. Это таинственное знание, чувство и желание, не зависящее от обстоятельств; бессмертная, неразрушимая часть человека, называемая душой. Она не подчиняется никаким известным законам, и порой кажется, что все зависит от капризов случая.

Чарльз Стивенс был юношей крепким, здравомыслящим, но слова и грозный взгляд мистера Пэрриса произвели на него странное впечатление. Этот человек, несомненно, был больше, чем смертный. Его голос, пустой и гробовой, казалось, исходил из могилы. Его худое, трупное лицо само по себе внушало удивление. В огромных, пылающих глазах горели все огни безумия, фанатизма и коварства. Мистер Пэррис был не более чем беспринципным фанатиком. Он был честолобив, что доказывают его махинации с провозглашением себя пастором Салема. Он был жаден, о чем свидетельствует его захват пастората и земель, а

также требование увеличить его жалование. Он был мстителен, о чем свидетельствует то, как он преследовал тех, кто выступал против него. Он был беспринципен в своих методах, о чем свидетельствуют используемые им средства. Он был полон предрассудков, о чем свидетельствует его нападки на Кору Уотерс из-за того, что ее отец был актером; при этом мистер Пэррис считал себя праведным и святым человеком, идущим по пути праведников.

Чарльз Стивенс не рассказал матери о странной беседе с пастором, почему-то не смог. При воспоминании об этом он безотчетно вздрагивал и, несмотря на то, что в его было мало суеверий, временами испытывал странный инстинктивный страх перед ужасным предупреждением пастора.

С того вечера, когда было упомянуто имя Адельфы Лейслер, Кора Уотерс стала странно застенчивой и немногословной, так что Чарльз Стивенс не смог бы рассказать ей о беседе с мистером Пэррисом, даже если бы захотел. Кора была удивительной девушкой. В ней в высшем совершенстве сочетались редчайшие земные дары - гений и красота. Никто не обладает превосходными интеллектуальными качествами, сам того не подозревая. Аллитерация скромности и заслуг достаточно красива; но там, где заслуги велики, завеса скромности никогда не скрывает их масштабов от их обладателя. Именно гордое сознание редких качеств, которые не должны быть открыты повседневному миру, придает гению тот робкий, сдержанный и беспокойный вид, который озадачивает и льстит вам, когда вы с ним сталкиваетесь. Кора осознавала свою красоту и гениальность; но, обладая той очаровательной универсальностью, которая по праву принадлежит женщине, она умела изгибать и моделировать свой изящный интеллект для всех, кого встречала.

Однако ее редкий гений не мог выдержать холодных упреков фанатичного Пэрриса. Цветок, который мог бы украсить его часовню и наполнить маленькую церковь сладчайшим ароматом, завял под ледяными морозами фанатизма и предрассудков. Игрок не мог благоухать для Христа, и сладкий, музыкальный голос затих, а сердце, столь полное любви, чувств и религии, было охлаждено и отправлено в изгнание; но она жила и надеялась в своем собственном маленьком мире. Солнце любви освещало ее сердце, пока имя Адельфы Лейслер не закрыло этот солнечный свет и не оставило все во тьме и отчаянии.

Хотя Кора была отлучена от церкви за то, что была ребенком игрока, она никогда не теряла своей привязанности к Христу. Ее отец, бродячий актер, каким он был, учил ее во всем обращаться к Богу, и в час испытаний она стояла на коленях в уединении своей комнаты и молилась, чтобы чаша сия миновала ее уста, если на то будет воля Господа; если же нет, она просила Бога дать ей силы перенести страдания и испытания. Она легко простила мистера Пэрриса, так как считала, что он преследовал ее и других людей из-за ошибочного рвения.

С Чарльзом Стивенсом она была более застенчивой, чем раньше. Два-три дня она держалась от него в стороне, пока ее поведение не стало заметным, и однажды Чарльз попросил у нее объяснений в саду.

"Я обидел вас, Кора?" - спросил он.

Она на мгновение подняла на него испуганные глаза и ответила:

"Нет".

"Тогда почему вы избегаете меня? Я почти не видел вас три дня".

Несколько мгновений ее переполняли надежда и смятение; затем, дрогнувшим голосом, она спросила:

"Вы хотели меня видеть?"

"Да, Кора. Я ни за что на свете не хотел вас обидеть и боялся, что чем-то ранил ваши чувства".

"Чарльз, разве мистер Пэррис не был здесь недавно утром?"

"Да".

"Вы ушли с ним; я видела вас в окно".

"Да."

"Зачем он приходил?"

"Не спрашивайте меня об этом человеке. Он тот, кого я, слава Богу, никогда не знала".

"Не говори так о нем, Чарльз".

"Кора, он плохой человек".

"Он пастор".

"При всем том он жесток и кровожаден. Я знаю это. Я чувствую это".

Кора вздрогнула и сделала слабую попытку защитить преследовавшего ее пастора, но Чарльз, в душе которого жил отпетый дух человеколюбия, заявил, что он - благочестивый мошенник и позор для своей церкви.

Когда они вернулись в дом, миссис Стивенс встретила их у дверей с радостной улыбкой на лице и воскликнула:

"Она пришла, Чарльз".

"Кто?" - спросил он.

"Адельфа Лейслер".

Миссис Стивенс увидела, как сразу же изменилось лицо Кору. Черты, которые начали светиться счастьем, вдруг стали печальными и омраченными, а глаза опустились. Чарльз не заметил этой внезапной перемены, столь очевидной для его матери, поскольку при известии о приезде той, кого он знал в счастливые дни детства, его сердце заколотилось от радости.

"Где она, мама?"

"С доброй няней".

Он поспешно покинул Кору, и та с гнетущей тяжестью на сердце, которая, казалось, почти душила ее, направилась в маленькую комнату, в которой она познала столько радости и страданий. Теперь все вокруг было мрачным. Сердце болезненно вибрировало в груди. Надежда и радость, казалось, были изгнаны навсегда. Он ушел. Она слышала его шаги, удаляющиеся от дома, и, бросившись на диван, разразилась рыданиями. Никогда еще Кора Уотерс так не ощущала свою полную ничтожность и одиночество. Она была ребенком невольницы, полностью зависимой от того, кого имела дерзость любить.

Осознав, насколько она недостойна, несчастная девушка полувслух всхлипнула:

"Господи, зачем Ты создал меня с желаниями и стремлениями, превышающими мои возможности? Зачем Ты бросил меня в это место, где я должна была встретить Его, только для того, чтобы страдать? Отец, отец, приди и заberi меня отсюда!"

Тем временем Чарльз Стивенс, не подозревая о ее страданиях, торопился как можно быстрее к дому Доброй Сестры, где он должен был встретиться с Адельфой Лейслер. Он добрался до дома, и его встретила высокая, красивая молодая женщина с огромными черными глазами и волосами.

Ее приветствие было теплым, почти пылким, поскольку, хотя Адельфа была опытной молодой женщиной, в ней было все то же тепло юности. Вскоре они уже с удовольствием беседовали о тех счастливых днях давних лет.

Славное прошлое, ушедшее, как золотой сон, чтобы больше не возвращаться! Само воспоминание о таком удовольствии причиняет боль, потому что оно навсегда ушло. С момента их последней встречи произошли большие перемены. Тогда жил его отец, красивый, сильный мужчина, отличавшийся добротой сердца. Многие друзья, которые сейчас существуют лишь в приятных воспоминаниях, тогда жили, дышали и двигались по земле. Тогда он любил Адельфу, а она любила его, и он наполовину надеялся, что эта встреча в зрелой жизни воспроизведет приятные ощущения детства; но есть любовь, которая не является любовью легкомысленных и юных, - любовь, которая не видит глазами и не слышит ушами, но в которой душа очарована душой. Пещерный Платон мечтал о такой любви. Его последователи стремились подражать ему; но это любовь, которая не должна быть эхом для толпы. Это любовь, которую могут постичь только высокие и благородные натуры, и она не имеет ничего общего с симпатиями и связями грубых привязанностей. Морщины не возмущают ее. Убогость черт лица не отпугивает его. Она требует молодости только в свежести эмоций. Она требует только красоты мысли и духа.

Такая любовь вкрадывается, когда человек меньше всего подозревает, и овладевает душой. Такую любовь не выкорчевать ни восхищением, ни фантазией. Чарльз Стивенс нашел Адельфу такой красивой, такой остроумной и опытной, что поначалу был потрясен ее присутствием; но свобода ее манер сняла все ограничения, и уже через час они словно перенеслись в счастливые часы детства.

На следующий день они, как и в прежние годы, бродили у журчащих ручьев и поросших мхом берегов, под прохладной тенью приветливых деревьев. Все старые игровые площадки и святые места были посещены ими еще раз, и они жили теми радостными сценами детства.

"Иногда мне хочется, чтобы детство длилось вечно, - сказал Чарльз.

"Детство приносит не только радости, но и горести", - ответила Адельфа, сидя на мшистом берегу рядом с ним и глядя ему в глаза. "Можно устать от того, что никогда не продвигаешься вперед. Разве ты не помнишь, как в детстве ты с радостью ждал того времени, когда станешь мужчиной?"

"Помню".

"А как вы строили планы на славное будущее?"

"Я все это помню".

"Обречь тебя на вечное детство, на то, чтобы эти надежды стать мужчиной постоянно разрушались, в конечном итоге привело бы тебя к бесконечным страданиям. Нет, Чарльз,

детство, чтобы быть счастливым и радостным, должно быть коротким. Юноша с амбициями жаждет вступить в мужское сословие. Он видит жизнь только в самых радужных ее оттенках, и его надежды и предвкушения составляют половину его счастья".

"Ваши слова, Адельфа, показывают мне, насколько глупым и праздным было мое замечание. Давайте сменим тему и перейдем к чему-то более практичному. Будет ли ваш отец, будучи губернатором Нью-Йорка, испытывать беспокойство?"

Ее лицо стало печальным.

"У меня большие опасения".

"Чего?"

"Отец и Джейкоб Милборн могут быть объявлены узурпаторами".

"Но ведь именно после восшествия Уильяма и Марии на английский престол ваш отец стал губернатором".

"Верно. Только после того, как Андрос был захвачен в Бостоне, заключен в тюрьму и отправлен в Англию, мой отец предложил захватить форт Джеймс. Его назначили командиром, а затем губернатором, и так он занимает свой пост по сей день. Я не знаю, как повлияет на Уильяма и Марию, наших грозных государей, этот захват правительства Нью-Йорка".

"Это было в их интересах".

"Так и было задумано; но мы все научились не доверять принцам. Это очень опасно, и я иногда боюсь, что это приведет к беде".

"Конечно, Адельфа, при твоём счастливом образе мыслей неприятности не нужны. Она и без того скоро придет, и философ скорее будет ждать, пока она придет, чем искать ее".

"Вы правы, Чарльз; давайте снова станем молодыми, будем резвиться в лесу, гоняться за бабочками и забудем о темных тучах, которые могут нависнуть над нами". Она поднялась на ноги и спросила: "Чарльз, кто эта милая, но застенчивая девушка, которую я вижу спешащей по тропинке?"

Он посмотрел в направлении, указанном драгоценным пальцем Адельфы, и сказал:

"Это Кора Уотерс".

"А кто такая Кора Уотерс?"

"Очень милая и приветливая девушка, остановившаяся здесь на время. Ее отец был игроком и участвовал в восстании в Англии".

Чарльз не хотел рассказывать обо всем, поскольку Кора была неприятной темой для обсуждения с Адельфой; но спутницу его детства было не так-то легко выбить из колеи.

"Чарльз, она очень красивая. Почему ты не рассказывал мне о ней раньше?"

"Я не предполагал, что она вас заинтересует", - ответил молодой человек.

"Она не интересна мне со всей присущей ей романтикой. Ребенок, выросший в старой Англии, о которой я так много слышал, дочь игрока, возможно, сама актриса. О, Чарльз, я очень хочу увидеть ее и поговорить с ней".

"Адельфа, ты забыла, что она игрок?"

"О нет; мы, выходцы из Нидерландов, смотрим на такие вещи совсем иначе, чем фанатичные пуритане Новой Англии. Я должна знать эту Кору Уотерс".

"Обязательно".

Когда Чарльз вместе с Адельфой отходил от источника, из-за кустов показалось лицо Сары Уильямс. Ее черные глаза сверкали огнем, а зубы скрежетали так, что грозили треснуть между челюстями от ярости.

"У него есть другая! Кого из них он любит больше? Я узнаю, и тогда - горе ей!"

Сара Уильямс была хитрой и абсолютно беспринципной. Пока она смотрела вслед Чарльзу и Адельфе, в ее плодовитом мозгу рождался отчаянный, коварный план. Она смотрела им вслед, пока они не скрылись за холмом, а затем, развернувшись, торопливо зашагала к пасторали.

Адельфа, веселая, легкомысленная девушка, влюбленная во все на свете, настаивала на знакомстве с Корой, и Чарльз, чтобы удовлетворить ее просьбу, удовлетворил ее, и служанки встретились. Кора была отстраненной и обычной, а Адельфа - теплой и искренней. Они полюбили друг друга, несмотря на то что каждая из них смотрела на другую как на соперницу.

Кора отказалась от Чарльза Стивенса, осознав, что она во всех смыслах неполноценна и недостойна, и уж точно не способна соперничать с дочерью губернатора Нью-Йорка. С другой стороны, Адельфа видела опасную соперницу в этой загадочной горничной с голубыми глазами и золотыми волосами; но Адельфа была честна и правдива, как и старые жители Никербока, которые следили за ней. Она понимала силу горничной и, будучи откровенной и открытой, любила свою соперницу. Несмотря на то что они были соперницами, девушки стали подругами, а поскольку Адельфа больше узнала об испытаниях Кору, она отдала ей все сочувствие своего теплого, любящего сердца.

Сара Уильямс, наблюдавшая за ними с немалым интересом, спросила себя:

"Я знаю, что он любит обеих. Может ли мужчина сочетаться браком с двумя? Нет; он должен выбрать между ними, и я встану между ними".

Чарльз, благодаря своему высокому образованию, считался личностью неординарной. В последнее время он был мрачен и печален, потому что Сара Уильямс, обладавшая острым женским чутьем, выведала его тайну. Он мучился, пытаясь понять, кого из служанок он любит больше.

Кора, с ее меланхоличной красотой, вызывала в нем сильные чувства; но Адельфа, с ее прекрасной фигурой, большими темными глазами и очаровательными манерами, казалась не менее привлекательной. Если Кора была самым глубоким ручьем, то Адельфа - самым ярким. В один момент он был готов признаться в любви одной из них, а в другой - поклясться в вечной верности другой.

Однажды поздно вечером он с Корой под руку прогуливался по цветущему лугу до места, откуда открывался живописный вид на зеленые поля, голубые холмы и далекое море. Они пришли полюбоваться закатом, и Чарльзу захотелось побыть наедине с Корой, чтобы заглянуть в глубины своего сердца и спросить себя, действительно ли он ее любит.

Через несколько дней должен был приехать отец и увезти ее в далекую глушь, поэтому, если он говорил по велению души, он должен был сделать это сейчас. Они долго сидели на травянистом холме и смотрели на уходящее солнце.

"Как давно вы знакомы с Адельфой?" спросила Кора.

"Мы были вместе детьми".

"Она всегда жила в Нью-Йорке?"

"Да, но наши бабушки и дедушки знали друг друга. У Мэтью Стивенса был голландский друг, Ханс Ван Брунт, с которым он познакомился в Голландии. Когда Ван Брант эмигрировал в Новый Амстердам, а Мэтью Стивенс - в Новый Плимут, они возобновили свою дружбу. Их потомки всегда поддерживали эту дружбу. Мэтью Стивенс был моим дедом, а Ханс Ван Брант - прадедом Адельфы Лейслер. Когда Адельфа была совсем ребенком, ее мать, жена преуспевающего нью-йоркского торговца, провела год в Бостоне, где жил я. Именно тогда мы с Адельфой впервые познакомились".

Кора смотрела на далекие голубые холмы, но мысли ее были заняты другим. Чарльз многое бы отдал, чтобы узнать, что у нее на уме. Неужели в глубине души она питала ненависть к Адельфе? Ее замечание, сделанное мгновение спустя, убедило его в обратном.

"Адельфа - прекрасная девушка и столь же хороша, сколь и красива. Ее судьба счастлива".

В ее словах не было ни горечи, ни сожаления, но они прозвучали так печально, что запали в сердце Чарльза.

"Кора, жребий людей так различен, что иногда я почти верю, что Бог несправедлив".

"Чарльз!" - воскликнула она, совершенно потрясенная.

"Выслушай меня, прежде чем осуждать, Кора. Вот Адельфа, которая знала только солнечный свет и счастье, здоровье и процветание. Она родилась в богатой семье, и у нее есть все роскошества, которые можно купить за счет богатства..."

"Она хороша и заслуживает их", - перебила Кора. "Бог вознаградил ее".

"Но, с другой стороны, вы так же хороши, и все же ваша жизнь была горькой. Кажется, что несчастье крадет некоторых людей с самого рождения; но иногда в жизни людей происходят перемены. Какое-то время все может идти гладко, потом на голову ребенка судьбы обрушиваются бури, а с другой стороны, перед тем, кто боролся и преодолевал бури и невзгоды, открывается тихая гавань..."

Кора вдруг сказала:

"Не дай Бог, Чарльз, чтобы наши жребии поменялись местами. Я бы не хотела, чтобы Адельфа Лейслер осушила чашу горечи, как это сделала я; но мы должны сменить тему, потому что, видите, идут Адельфа и Элис Кори".

Он поднял глаза и увидел их совсем рядом.

Алиса Кори была ясноглазой девочкой лет четырнадцати, племянницей Гуди Нерс, которую обвинили в колдовстве. Это была девушка легкого и веселого нрава, и пока еще заботы лежали на ее челе легким грузом.

"Вы любуетесь закатом?" - спросила Адельфа, задыхаясь от быстрой ходьбы.

"Смотрели", - ответил Чарльз.

"Ну что ж, на него приятно смотреть, и я бы хотела, чтобы он всегда заходил", - заявила Элис Кори.

"Детское желание", - ответила Адельфа. "А что будет с вашими цветами?"

"Уверена, что не знаю. Мне так нравится этот красный оттенок, вон там, где он касается серого".

"Он чем-то напоминает ту странную морскую раковину, которую Кора показывала мне вчера", - сказала Адельфа. "Какими великолепными красками пользуются эти русалки в своих глубоких морских пещерах! Это такая краска, которая не стирается при намокании. Раковины - это их розовые блюдца".

"Что! Они действительно рисуют?" - воскликнула доверчивая Алиса.

Чарльз Стивенс тихонько засмеялся и ответил:

"Нет, дитя. Ты не должна верить таким историям. Я расскажу тебе более красивую, если ты послушаешь".

"О, я буду слушать!" - воскликнула Алиса, которая, как и все дети, всегда была готова прислушаться к истории. Чарльз начал:

"Давным-давно, задолго до Адама и Евы, я полагаю, пока земля была молода, жила на ней прекрасная, лучезарная дева, слаще дыхания свежераспустившихся роз и пышнее утренней звезды. Весь мир был ее собственным раем, и она обходила его по своему усмотрению, находя повсюду деревья с золотыми плодами, которые никогда не превращались в прах, цветы в вечном цвету, фонтаны, которые бурлили, и птиц, которые пели в липовых рощах, - все для нее. Ничто не было ей запрещено. Ни заботы, ни страхи, ни горести не омрачали ее удовольствия, ибо не было у нее закона, с которым она могла бы считаться, кроме своих собственных желаний. Когда она хотела есть, деревья склоняли свои ветви и шептали: "Выбери мой плод". Когда она слушала, птицы перекликались друг с другом в своих мелодиях. Когда она шла, зеленый дерн гордо нес ее, а когда уставала, нежнейшие зефиры, усыпанные цветами, успокаивали ее. Так она могла бы всегда оставаться счастливой, но однажды ей довелось увидеть себя в воде, и она подумала, как все вокруг двоится. Затем она почувствовала странную боль. Теперь все вокруг потеряло свое очарование. Она искала спутника, но не могла его найти. Не было ничего, кроме того, чего она больше всего желала - увидеть своих родных. Наконец она инстинктивно почувствовала, что на ее лицо устремлен горящий взгляд влюбленного, и, подняв глаза, увидела в небе лишь солнце, сияющее так, словно в его свете нуждались целые мириады людей. "Увы!" - вздохнула она, - "Он так же одинок, как и я, и он будет моим любовником"; но солнце было робким и застенчивым. Он гордо взирал на нее с большого расстояния и прятался за облаком, когда она видела его, чтобы его яркость не повредила ей; но он никогда не приближался. Наконец, измученная тоской по близкому общению, она отправилась на поиски своего обожаемого солнца; и когда она вздохнула: "Неужели я никогда его не найду?", кто-то из грота неподалеку ответил: "Никогда?" "Кто ты?" - вскричала служанка. "Я дух без тела, - был ответ, - голос того, кто ушел. Я рассказываю невозможные вещи. Я - тень прошлого, субстанция грядущих событий. Человек - насмешник". Ты можешь сказать мне, где найти моего возлюбленного?" - спросила служанка. Эхо велело ей не искать его вверху, ибо он был слишком высоко над ней, не искать его на востоке, ибо тогда он поспешит прочь; но искать его на западе, где он ложится и

отдыхает ночью, ибо ночь создана для влюбленных. Тогда она радостно поспешила, пока не пришла на крайний запад, на самый край света".

"Как она могла добраться до края, если он круглый?" - перебила Алиса.

"Наверное, в то время мир не был круглым", - объяснила Адельфа.

Чарльз продолжил:

"Служанка созвала все силы природы и воздуха и велела им построить дворец. Он не был похож на другие дворцы. В нем не было драгоценностей, но все было теплым, пунцовым и румяным. Ворота представляли собой параллельные брусья из облаков, а надзирателем был западный ветер. Кристаллы дождевых капель устилали двор. В архитектуре плавали туманы и нежные испарения, наполненные тихой музыкой, которая ждала лишь теплого прикосновения игрока, чтобы переплавить ее в умиротворяющие душу гармонии; а вдоль галерей тянулась сетчатая бахрома тех нежных шепотов, которые могут услышать только избранные. Так она построила свой дворец и наполнила его всем, что, по ее мнению, понравится солнцу, не забыв при этом об изобилии огня, чтобы согреть его, чтобы даже ее любовь не оказалась недостаточной для столь огненной натуры. Затем она отпустила своих слуг и села одна ждать его прихода. День казался долгим, тоскливым и утомительным, но она видела, что он наблюдает за ней, и наконец он пришел. Вниз по склону он скользил, сдерживая своих огненных коней. Опустошенная девушка радовалась, что ее возлюбленный приближается; но безжалостное солнце опустилось и пронеслось мимо, презрев открытые ворота и голос сирены, который мог бы заманить его к себе. Прошел следующий день, и следующий, и следующий, а она все еще была разочарована; но она не могла поверить, что все ее труды были напрасны, и все еще лелеяла свою слабую, умирающую надежду. И хотя с тех пор солнце заходило тысячи раз, она все еще надеется на их союз. Днем дворец темный, как тучи; но с наступлением вечера она освещает его в ожидании его прихода. Тогда мы видим, как эти великолепные оттенки пунцового и золотого, пурпурного и темного тускнеют, пока не смешиваются с белыми облаками над головой, и, если бы мы были достаточно близко, мы могли бы услышать мелодии оживающей музыки, когда она тает; но когда солнце совсем заходит, музыка стихает, прекрасные оттенки блекнут и умирают, дворец снова становится темным пятном, и бедный маленький наблюдатель внутри вздыхает разочарованно и усаживается ждать нового заката".

"Я не верю вашей истории, Чарльз Стивенс, - сказала Алиса в заключение, - и вообще не понимаю, какая польза от того, что вы придумываете подобные истории".

"Мораль в ней такова: верность мужчины и постоянство женщины", - вставила Кора Уотерс, которая долгое время хранила молчание.

Адельфа, которая, слушая Чарльза, смотрела, как солнце опускается за далекие голубые холмы, теперь случайно бросила взгляд через плечо на море позади, на луну, только что взошедшую над водным горизонтом, и с веселым смехом добавила:

"Чарльз, твоя героиня более скучна, чем современные девы, иначе, когда солнце бросило ее, она бы сваталась к луне".

Алиса, поднявшись, сказала: "Темнеет. Давайте пойдем домой".

"Алиса, ты боишься ведьм, которые, кажется, беспокоят мистера Пэрриса и Коттона Мазера?" - спросила Адельфа.

"Нет никаких ведьм", - с содроганием ответила Элис Кори. "Отец и мать отрицают, что ведьмы существуют, и неправильно кричать против моей тети, доброй сестры".

"Осмелюсь сказать, что это так. Вечер становится прохладным. Пойдемте домой".

Пока все четверо пробирались через поля и луга, Чарльз Стивенс, шедший между Корой и Адельфой, поочередно бросал на каждую из них коварные взгляды, мучительно пытаясь решить, какая из них ему нравится больше.

"Обе прекрасны, - думал он. "Скоро я должен буду жениться, и кто же из них двоих? Обе прекрасны, обе хороши; но, к сожалению, их две, а я один".

Ребенок, который задержался, чтобы сорвать дикий цветок, в этот момент прибежал за ними и позвал:

"Подождите! Подождите! Умоляю вас, подождите меня!"

"Что ты видела, Алиса?"

"Черную женщину".

Девушки готовы были упасть в обморок, но Чарльз, не терпящий суеверий, велел им успокоиться и поспешил сквозь сгущающиеся сумерки к деревьям на холме, где видели женщину. Он увидел фигуру женщины в черном одеянии, сидящей у корня дуба.

"Кто вы?" - спросил он, подойдя к ней.

"Чарльз Стивенс!" - вздохнула она, поднимая голову.

"Сара Уильямс, что ты здесь делаешь?"

"Прайти, что ты делаешь?" - спросила она.

"Это безотчетно".

Она поднялась и, повернув к нему свое белое лицо, сказала:

"Чарльз Стивенс, кого из них двоих вы любите больше?" И указала на Кору и Адельфу. Он ничего не ответил. "Кого из них?" - повторила она. "Да, Чарльз Стивенс, ты никогда не женишься ни на одной из них. Ты слышишь?"

"Кто из них двоих?"

"Женщина, что вы имеете в виду?"

"Ты не можешь решить, кого любишь больше. Не женись ни на одной из них, Чарльз. Выходи за меня!"

"Ты!" - вскричал он в изумлении.

"Да, но почему бы и нет?"

"У вас уже есть муж".

"Нет, он мертв, он погиб в море. Я еще молода и красива, почему бы не выбрать меня?"

Чарльз Стивенс разразился смехом, наполовину веселым, наполовину отвратительным, и отвернулся от дерзкой, коварной женщины. Она следовала за ним несколько шагов, говоря низким, но глубоким тоном:

"Истинно, Чарльз Стивенс, вы презираете меня; но я еще заставлю вас раскаяться в том, что вы когда-либо относились к моей любви с презрением. Вы пожалеете об этом дне".

Он поспешил прочь от этой досады, легкомысленно относясь к ее угрозам и даже не мечтая, что они будут исполнены.

Наступила и прошла зима, а Адельфа Лейслер все еще оставалась в Салеме. Слухи о неприятностях доходили до ее ушей из дома, но легкомысленная девушка не придавала им

значения. Однажды утром в мае 1691 года Чарльз встретил ее, пришедшую за ним. Ее лицо было смертельно белым, а тело дрожало.

"Что случилось, Адельфа?"

"Дома беда, Чарльз, - плакала она. "Отца и Милборна арестовали и посадили в тюрьму, и я боюсь, что им придется нелегко. Я хочу немедленно отправиться в Нью-Йорк. Вы поедете со мной?"

"Обязательно".

Они нашли его мать и Кору и все им рассказали. Он попросил Кору остаться с матерью до его возвращения, и она согласилась.

ГЛАВА XII.

СУДЬБА ЛЕЙСЛЕРА.

Хвастовство геральдики, пышность власти,
И вся красота, и все богатство, что когда-либо дарили,
Ждут неизбежного часа:...
Пути славы ведут лишь в могилу.
-Грей.

Чтобы объяснить внезапную опасность, которая угрожала отцу Адельфы Лейслер и которую она, как истинная героическая дочь, поспешила преодолеть, мы вынуждены будем рассказать о некоторых событиях исторического характера. Джейкоб Лейслер был влиятельным колонистом из старого голландского рода, как уже говорилось, и пресвитерианином.

Во времена правления Якова II пресвитериане страдали, и никто не радовался воцарению Уильяма и Марии больше, чем голландцы Нью-Йорка.

Сэр Эдмонд Андрос, слабое орудие герцога Йоркского, оказался крайне непопулярным на посту губернатора Нью-Йорка, Коннектикута и Массачусетса. Все радовались, когда его наконец арестовали в Бостоне и отправили в Англию, и никто не радовался больше, чем сами жители Нью-Йорка.

Восшествие Уильяма и Марии на английский престол с радостью приветствовали во всех американских колониях. В Нью-Йорке же в народе царил всеобщее недовольство правительством. Под улыбками губернатора Андроса в колонии стали селиться паписты. Сборщик доходов и несколько главных чиновников короля Якова сбросили маску и открыто заявили о своей приверженности доктринам Рима. Была открыта латинская школа, учитель которой, как подозревают, был иезуитом. Жители Лонг-Айленда разочаровались в своих ожиданиях милостей, обещанных губернатором по прибытии, и стали его личными врагами, и, одним словом, весь народ начал трепетать за дело протестантов.

Здесь впервые начала действовать закваска оппозиции. Известия из Англии о замыслах Оранского возвышали надежды недовольных; но до разрыва в Бостоне никто не решался

действовать. Сэр Эдмонд Андрос, который был полностью предан произволу короля Якова, своей тиранией в Новой Англии навлек на себя всеобщий одиоз народа, одушевленного любовью к свободе, а в защите ее решительного и мужественного. Поэтому, когда он не смог больше терпеть свое деспотическое правление, он был схвачен, заключен в тюрьму и после этого отправлен в Англию, как уже говорилось. Правительство тем временем было передано комитету безопасности, президентом которого был избран мистер Брэдстрит.

Информация о народном восстании в Англии в поддержку принца Оранского уже достигла Нью-Йорка и будоражила кровь прародителей старых Никербокеров, которые жаждали, чтобы их любимый принц был с ними. Получив известие об аресте презренного Андроса, несколько капитанов нью-йоркского ополчения собрались, чтобы согласовать меры в пользу принца Оранского. Среди них был Джейкоб Лейслер, отец Адельфы, который проявил наибольшую активность. Он был человеком состоятельным и пользовался большим уважением в народе, но не обладал квалификацией, необходимой для такого предприятия. Его зять, Милборн, проницательный англичанин, руководил всеми его советами, а Лейслер оказывал абсолютное влияние на остальных офицеров.

Первым делом они задумали захватить гарнизон Нью-Йорка, и тогдашний обычай охранять его каждую ночь ополченцами дал Лейслеру прекрасную возможность осуществить задуманное. Он вошел туда с сорока девятью людьми и решил удерживать его до тех пор, пока к нему не присоединится все ополчение. Полковник Доуган, собиравшийся покинуть провинцию, в это время высадился в бухте, незадолго до этого передав управление Фрэнсису Николсону, вице-губернатору. Совет, гражданские чиновники и магистраты города были настроены против Лейслера, и поэтому многие его друзья поначалу опасались выступать против дела, против которого выступало столько известных джентльменов. По этой причине под первой декларацией Лейслера в пользу принца Оранского подписались лишь несколько человек из нескольких рот железнодорожных оркестров. В то время как народ в течение четырех дней подряд находился в крайнем недоумении, решая, какую партию выбрать, с одной стороны, подстрекаемый Лейслером, а с другой - угрожаемый вице-губернатором, город был встревожен сообщением о том, что три корабля приближаются с приказами от принца Оранского. Это сообщение, хотя и ложное, послужило интересам Лейслера; в тот день, 3 июня 1689 года, его партия пополнилась шестью капитанами и четырьмя сотнями человек из Нью-Йорка и компанией из семидесяти человек из Ист-Честера, которые подписали вторую декларацию, взаимно обязуясь удерживать форт для этого принца. До этого времени полковник Доуган оставался в гавани, ожидая развязки этих волнений, а партия Николсона, будучи не в силах более противостоять своим противникам, была полностью рассеяна, причем сам лейтенант-губернатор скрылся в ту же ночь после подписания декларации.

Лейслер, полностью овладев фортом, отправил домой обращение к королю Уильяму и королеве Марии, как только получил известие об их восшествии на престол. Обращение представляло собой утомительное, неправильное, плохо проработанное повествование об обидах, которые терпел народ, и о методах, предпринятых в последнее время, чтобы обезопасить себя, и заканчивалось признанием короля и королевы над всем английским владычеством. Вскоре за этим обращением последовало частное письмо Лейслера королю Вильгельму, в котором на очень ломаном английском языке его величество информировался о состоянии гарнизона, проведенных им ремонтных работах и нравах народа, а в заключение решительно заявлял о своей искренности, преданности и рвении.

Прапорщик Йост Штолл, доставив это письмо, имел честь поцеловать руку его величества; но Николсон, вице-губернатор, и некто Эннис, епископальный священник, прибыли в

Англию раньше него, и, ложно представив поздние меры в Нью-Йорке как проистекающие скорее из неприятия англиканской церкви, чем из рвения к принцу Оранскому, Лейслер и его партия были лишены наград и внимания, которых справедливо заслуживала их деятельность на благо революции. Хотя король сделал Столла глашатаем своей благодарности народу за его верность, он так мало внимания уделил жалобам Лейслера на Николсона, что тот вскоре после этого был назначен губернатором Виргинии, а Доуган вернулся в Ирландию и стал графом Лимерика.

Внезапное возвышение Лейслера до верховной власти в провинции, с прекрасными перспективами одобрения королем Вильгельмом его поведения, не могло не вызвать зависти и ревности прежнего совета и магистратов, отказавшихся присоединиться к помощи революции; отсюда и причина их неприязни как к самому человеку, так и к его мерам. Полковник Байярд и Кортланд, мэр города, возглавили оппозицию Лейслеру и, не найдя возможным собрать против него партию в городе, очень рано удалились в Олбани и там попытались разжечь оппозицию. Лейслер, опасаясь их влияния и желая погасить ревность народа, счел благоразумным допустить несколько доверенных лиц к участию в той власти, которую ополчение первого июля передало исключительно ему. Вместе с ними, которые, по примеру бостонцев, были названы комитетом безопасности, он осуществлял управление, присваивая себе лишь честь быть президентом их советов.

Такой образ правления продолжался до декабря, когда прибыл пакет с письмом от лордов Кармартена, Галифакса и других, адресованным "Фрэнсису Николсону, эсквайру, или, в его отсутствие, тем, кто на время позаботится о сохранении мира и исполнении законов в провинции их величества Нью-Йорк, в Америке". Это письмо было датировано 29 июля и сопровождалось другим письмом от лорда Ноттингема, датированным следующим днем, в котором Николсон уполномочивался принять на себя главное командование и назначить себе в помощь столько главных фригольдеров и жителей, сколько он сочтет нужным, а также требовал от него "делать все, что относится к должности лейтенант-губернатора, согласно законам и обычаям Нью-Йорка, до дальнейших распоряжений".

Поскольку Николсон скрылся до того, как письмо достигло Нью-Йорка, Лейслер посчитал, что оно адресовано ему самому, и с этого времени выдавал всевозможные поручения на свое имя, принимая на себя титул и полномочия вице-губернатора. Именно в то время, когда он исполнял обязанности губернатора, его дочь совершила визит в Салем, о чем говорилось в предыдущей главе. 11 декабря он созвал комитет безопасности и, в соответствии с их рекомендациями, привел к присяге следующих лиц для своего совета. "Питер де Ланой, Сэмюэл Стоатс, Хендрик Янсен и Йоханнес Вермили, от Нью-Йорка; Герардус Бикман от графства Кингс; Томас Уильямс от Уэст-Честера и Уильям Лоуренс от графства Оранж".

За исключением восточных жителей Лонг-Айленда, вся южная часть колонии с радостью подчинилась приказу Лейслера. Однако главные фригольдеры в почтительных письмах давали ему надежду на свою покорность и тем самым предотвращали его выступление против них с оружием в руках, в то время как они втайне уговаривали колонию Коннектикут взять их под свою юрисдикцию. Не столько неприятие власти Лейслера, сколько желание объединиться с народом, от которого они изначально произошли, побудило жителей Лонг-Айленда желать союза с Коннектикутом, и когда Коннектикут отклонил их предложение об аннексии, они открыто выступили за дело Лейслера.

В Олбани жители были полны решимости удерживать гарнизон и город для короля Вильгельма, независимо от Лейслера, и 26 октября, еще до прибытия пакета от лорда Ноттингема, они объединились в конвент, чтобы противостоять тому, что они называли

узурпацией Лейслера. Поскольку попытка Лейслера подчинить эту страну своему командованию была первоначальной причиной разногласий в провинции и в конце концов привела к гибели его самого и его зятя, возможно, не будет лишним привести здесь резолюцию конвента в целом, копия которой была направлена узурпировавшему власть губернатору.

"Питер Шуйлер, мэр, Дирк Вессельс, регистратор, Ян Вендаль, Ян Ян Янсен Бликер, Клас Рипсе, Дэвид Шуйлер, Альберт Райкман, олдермены, Киллиан Ван Ренсселаер, судья, капитан Марте Герритсе, судья, капитан Геррит Теунисс, Дирк Теунисс, судьи, лейтенант Роберт Сондерс, Джон Куйлер, Геррит Райерсе, Эверт Банкер, Ренье Барентсе.

"Решено: поскольку нам сообщают люди, прибывшие из Нью-Йорка, что капитан Якоб Лейслер намерен под предлогом оказания нам помощи в этой стране отправить туда роту вооруженных людей, которые намереваются стать хозяевами форта их величеств и этого города и доставить в Нью-Йорк пленных различных лиц и главных офицеров этого города, и таким образом привести в смятение и беспокойство сеньоров их величеств; чтобы было написано письмо олдермену Левинусу Ван Шайку, ныне находящемуся в Нью-Йорке, и лейтенанту Йохиму Стаетсу, чтобы они навели узкие справки об этом деле и сообщили упомянутому Лейслеру, что мы получили такие сведения; и вместе с тем сообщить ему, что, несмотря на то, что мы имеем помощь в девяносто пять человек от наших соседей из Новой Англии, которые сейчас отправились, и сто человек по случаю, для командования, из графства Ольстер, которых, как мы думаем, будет достаточно этой зимой, тем не менее мы охотно примем любую помощь, которую им будет угодно прислать для обороны графства их величеств Олбани; при условии, что они будут послушны и будут выполнять те приказы и распоряжения, которые они будут время от времени получать от конвента; и что ни в коем случае им не будет позволено командовать фортом их величеств или этим городом; который мы намерены, с Божьей помощью, хранить и оберегать в интересах их величеств, Вильгельма и Марии, короля и королевы Англии, как мы делали это до сих пор после их провозглашения; И если вы услышите, что они упорствуют в таких намерениях, так чтобы возмутить жителей этого графства, то вы от имени и по поручению конвента и жителей города и графства Олбани протестуете против упомянутого Лейслера и всех тех лиц, которые предпримут попытку, за все потери, убытки, кровопролитие или какие бы беды ни произошли от этого; что вы должны сообщить со всей быстротой, поскольку вы понимаете их замысел."

Если принять как данность, что Лейслер в Нью-Йорке и конвент в Олбани одинаково пострадали от революции, то ничто не может быть более вопиюще глупым, чем поведение обеих партий, которые своими внутренними разногласиями ввергли провинцию в конвульсии, посеяв семена взаимной ненависти и вражды, которые в течение долгого времени после этого сильно осложняли государственные дела колонии. Когда Олбани объявил о поддержке принца Оранского, Лейслеру больше нечего было требовать; и, вместо того чтобы жертвовать общественным спокойствием провинции ради пустяковой чести противостоять человеку, не имеющему никаких гражданских намерений, Олбани должен был передать гарнизон в его руки до получения приказа короля; Но в то время как Лейслер был опьянен своей новообретенной властью, Байярд, Кортланд и Шуйлер, с другой стороны, не могли смириться с подчинением власти человека, ничтожного по своим способностям и низкого по своему положению. Под влиянием этих чувств обе стороны готовились к военным действиям. Мистер Ливингстон, главный представитель конвента, удалился в Коннектикут, чтобы просить помощи для защиты границы от французов. Лейслер, подозревая, что эти силы будут использованы против него, попытался арестовать Ливингстона как пособника и подстрекателя французов и свергнутого короля Якова.

Зять Лейслера, Джейкоб Милборн, получил задание сдать Олбани. По его прибытии в город множество жителей вооружились и направились в форт, которым в то время командовал мистер Шуйлер, а многие другие последовали за членами конвента на конференцию с ним в ратуше. Чтобы склонить толпу на свою сторону, Милборн произнес много речей против короля Якова, папства и произвола властей; но его ораторское искусство не нашло отклика у слушателей, которые после нескольких встреч все еще оставались сторонниками конвента. Милборн выстроил несколько своих людей в боевую линию и продвинулся на несколько шагов к форту с примкнутыми штыками. Мистеру Шуйлеру с огромным трудом удалось предотвратить обстрел отряда Милборна, состоявшего из незначительного числа людей, как своими людьми, так и ирокезами, которые в то время находились в Олбани и были полностью преданы его службе. В этих обстоятельствах он счел нужным отступить и вскоре после этого покинул Олбани. Вторая экспедиция, предпринятая весной, оказалась более успешной, и он овладел городом и фортом. Не успел он овладеть гарнизоном, как большинство его главных членов скрылось, после чего их имущество было произвольно конфисковано, что так возмутило страдальцев, что их потомки еще долгое время обрушивали на Лейслера и его приверженцев свои самые яростные ругательства.

Именно во время этих кишечных неурядиц и угрожающих индейских войн дочь губернатора Лейслера находилась в Салеме вдали от опасности. Жители Новой Англии вели мелкую войну с оуэнагунгами, оурагами и пенокуками. Между ними и индейцами племени шакук, существовало дружеское общение, и то же самое подозревало в отношении ирокезов, среди которых некоторые из оуэнагунгов нашли убежище. В связи с этим состоялись конференции между комиссарами из Бостона, Плимута, Коннектикута и других мест, поскольку для спокойствия английских колонистов было важно сохранить мир и всеобщую амнистию с могущественными Пятью Нациями и держать их в качестве союзников против враждебных французов в Канаде и индейцев на востоке.

Полковник Генри Слаутер был назначен губернатором Нью-Йорка 4 января 1689 года, но вступил во владение им только в 1691 году, спустя более двух лет после назначения, когда в гавань прибыло судно с новым губернатором "Бобр".

Справедливые историки оправдали вину Лейслера в том, что другие с удовольствием называли его узурпацией. Он был человеком, не лишенным амбиций, но при этом честным и поступал так, как считал нужным. В его характере было много упрямства, а также честности Нидерландов, и, считая себя правым, он был намерен упорствовать в этом. Джейкоб Милборн, его английский зять, был более амбициозным из них двоих и направлял и руководил этим делом. Лейслер сидел в своем доме, когда Милборн сообщил ему, что прибыло судно под названием "Бобр", с полковником Слаутером, который якобы имеет губернаторские полномочия.

"Тогда мы будем приветствовать его как нашего губернатора", - сказал честный Лейслер.

"Подождите, пока вы не убедитесь, что он не самозванец и что это не уловка, чтобы захватить наш форт", - предостерег Милборн. Тогда Лейслер, передумав, решил подождать.

Бобр привел с собой Инголдсби, у которого было поручение капитана. Когда Инголдсби появился, Лейслер предложил ему остановиться в городе:

"Я требую владения фортом его величества", - ответил Инголдсби и издал прокламацию, требующую подчинения. Аристократическая партия, долгое время терзавшаяся под властью республиканского восстания под руководством Лейслера, получила в качестве лидера человека, имевшего поручение от нового государя. Лейслер, следуя первоначальному

соглашению, заключенному с его соратниками-повстанцами, ответил, что Инголдсби не предъявил никакого приказа ни от короля, ни от Слаутера, который, как было известно, получил комиссию на должность губернатора, и, пообещав ему помощь как военному офицеру, отказался сдать форт. Войска, высадившиеся на берег, были приняты со всей учтивостью и радушием; однако страсти разгорелись, и в них был произведен выстрел. Это возмущение было сурово осуждено Лейслером, который 10 марта, в день высадки войск, издал прокламации и контрпрокламации, обещаая повиновение Слаутеру по его прибытии.

Вечером 19 марта этот распутный, нуждающийся и узколобый авантюрист, обладатель королевского поручения, прибыл в Нью-Йорк, и Лейслер сразу же отправил гонцов для получения его приказов. Посланцы Лейслера были задержаны, и на следующее утро он отправил новому губернатору письмо с просьбой сообщить, кому следует сдать форт. Письмо осталось без внимания, и Слаутер, который уже успел возненавидеть республиканца Лейслера, приказал Инголдсби арестовать его и всех, кто входил в его совет.

Пленники, числом восемь человек, были немедленно преданы суду специального суда, учрежденного для этой цели ордонансом, с заядлыми роялистами в качестве судей. Шестеро из низших повстанцев, выступивших в свою защиту, были осуждены за государственную измену и освобождены от наказания. Лейслер и Милборн отказали губернатору в праве создать трибунал для осуждения своего предшественника и обратились к королю. Напрасно они приводили в пример свое рвение к королю Вильгельму, ведь совсем недавно они выступали против его губернатора. Лейслер, в частности, пытался оправдать свое поведение тем, что письмо лорда Ноттингема давало ему право действовать в качестве лейтенант-губернатора; Но по незнанию или подхалимству судьи, вместо того чтобы высказать свое мнение по этой части защиты заключенного, передали его губернатору и совету, запросив их мнение, можно ли понять или истолковать это письмо, "или любые другие письма или бумаги в пакете из Уайтхолла, как содержащие какие-либо полномочия или указания капитану Лейслеру взять на себя управление этой провинцией, или что управление после этого будет считаться правильным по закону."

Разумеется, решение было принято против Лейслера, и они предстали перед судом по обвинению в государственной измене. После отказа признать вину они были осуждены за государственную измену как немые и приговорены к смертной казни. Джозеф Дадли из Новой Англии, но в то время главный судья Нью-Йорка, высказал мнение, что Лейслер не имел никакой юридической силы, а Слаутер написал:

"Конечно, никогда не жили более великие злодеи; но я решил дожждаться королевского благоволения, если каким-либо другим способом, кроме повешения, я смогу сохранить спокойствие в стране".

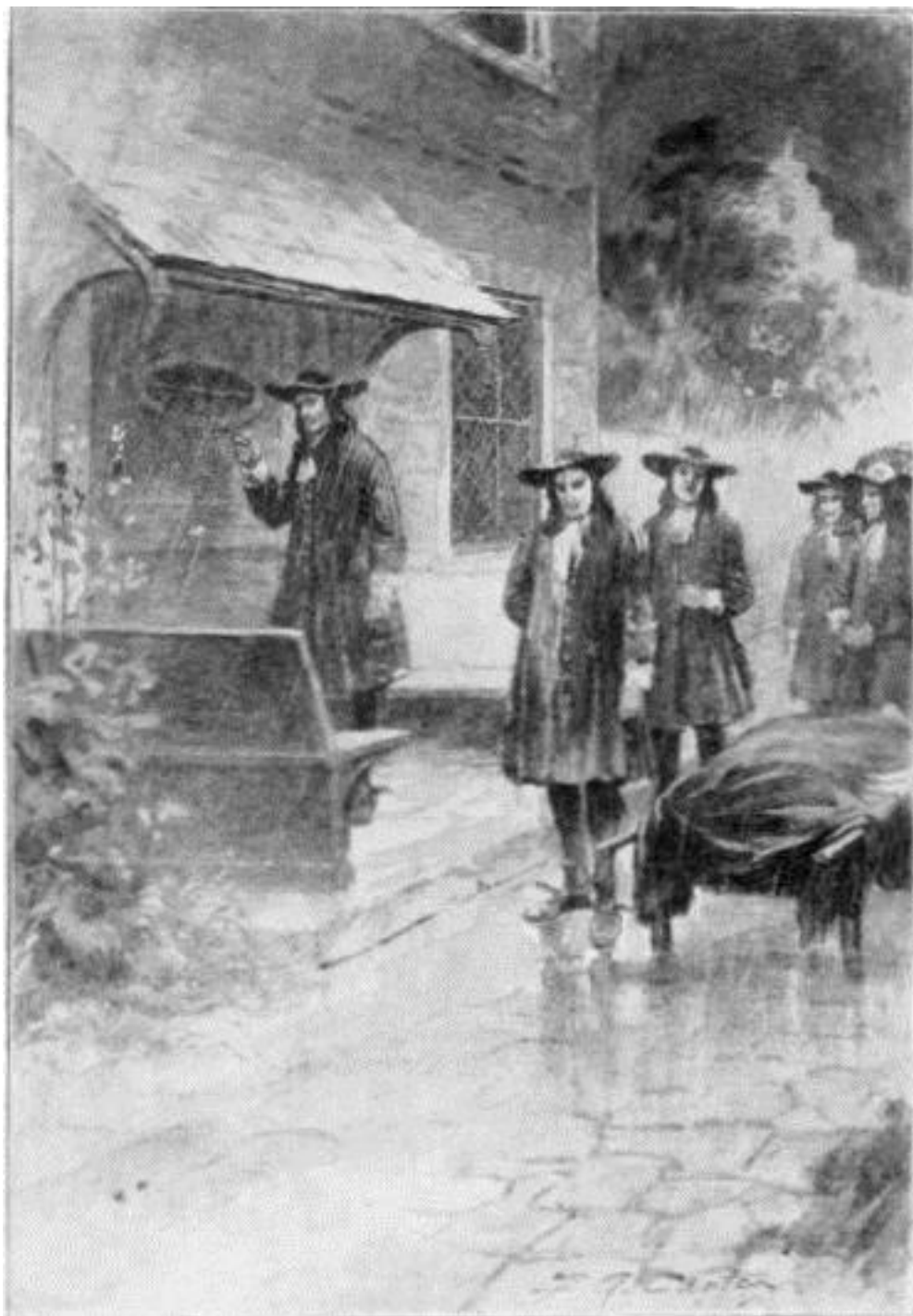
Джейкоб Лейслер предстал перед судом и был осужден в начале мая 1691 года, когда Чарльз Стивенс и Адельфа спешили в Нью-Йорк. Чарльз, который кое-что слышал о преступлениях губернатора Лейслера и который, будучи еще молодым, понял, что королевская власть ничем не уступает республиканским идеям, начал опасаться худшего. Действия Лейслера имели видимость народного правительства, и даже либеральные Уильям и Мэри испытывали страх перед народом. Чарльз знал Слаутера как узколобого и фанатичного негодяя, который не гнушался ничем, что могло бы возвысить его в глазах аристократической партии, приверженцем которой он был. Чарльз не мог найти утешения, и, размышляя о печальном будущем Адельфы, он спрашивал себя:

"Неужели колесо фортуны изменило свои обороты, и солнце, которое всегда ярко светило для Адельфы, должно померкнуть? Не дай Бог!"

Чарльз Стивенс и Адельфа добрались до Нью-Йорка в тот самый день, когда было созвано собрание (14 мая 1691 года) для решения судьбы Лейслера и Милборна.

Был вечер, и когда они въехали в город и в некогда прекрасный дом, ныне опустевший, стало темно и грустно. Плачущая мать встретила дочь у дверей.

Характер собрания был совершенно роялистским. Оно приняло несколько резолюций против Лейслера, в частности, объявив его поведение в форте актом восстания, а 15 мая, на второй день сессии и на следующий после прибытия Адельфы, Слаутер в порыве волнения согласился с решением совета о казни Лейслера и Милборна. "Дом, согласно высказанному мнению, одобрил то, что сделали его превосходительство и совет".

Восемь человек, несущих поклажу, стояли у двери. Со всех них капала вода.

Семьи обреченных были оповещены, что на следующий день, 16 мая 1691 года, Лейслер и Милборн будут повешены. Утро 16 мая выдалось мрачным и темным. Дождь лил не переставая, но миссис Элис Лейслер и ее семья в сопровождении Чарльза отправились попрощаться с обреченными в тюрьму. Затем Чарльз проводил плачущих женщин и детей домой. Огромные громовые раскаты, казалось, разрывали остров Манхэттен. Молнии озаряли небо яркими бликами, дождь лился потоками. Все домашние понимали, что происходит, и, упав на колени, молили Бога о силе. Прошло два часа, и тут раздался стук в дверь.

Чарльз пошел и открыл ее. На пороге стояли восемь человек, несущих подстилки, на которых лежали два безжизненных тела. Со всех них капала вода.

"Входите!" - сказал Чарльз и бросился к Адельфе, которая в конвульсиях упала на пол.

ГЛАВА XIII.

ЛЕГКОВЕРИЕ, ДОВЕДЕННОЕ ДО БЕЗУМИЯ.

Странные сестры, рука об руку,
Афиши моря и суши,
Так и ходят, так и ходят;
Трижды к своей и трижды к моей,
И еще трижды, чтоб было девять.
-Шекспир.

Чарльз Стивенс задержался в Нью-Йорке до начала 1692 года. Сначала он попал в беду из-за своего сочувствия к несчастной семье Лейслеров и был брошен в тюрьму; но через несколько дней его выпустили под залог. Затем он задержался в ожидании суда, но дело было прекращено, и тогда он присоединился к экспедиции против индейцев на границе. Он регулярно писал домой и никогда не забывал упомянуть в письме Кору. Чарльз все это время не мог решить, кто завоевал его любовь - Кора или Адельфа. Огромное несчастье и горе Адельфы, казалось, только укрепили ее в его глазах, ведь самые благородные сердца становятся более нежными от горя.

В начале 1692 года он вернулся в Салем после десятимесячного отсутствия. Вскоре должны были произойти большие перемены. Салем должен был вступить на путь безумия, известный в истории как Салемское колдовство. В древней или современной истории мало найдется мест, в которых можно было бы увидеть более трагические и впечатляющие сцены, чем та, что известна как Салемское колдовство, и мало найдется мест, где подлинная история остается столь глубоко окутанной тайной и по сей день. Это заблуждение так и не получило удовлетворительного объяснения, а время, кажется, скорее затуманивает, чем проливает свет на эту тему.

В этот период вера в колдовство была распространена по всему христианству, о чем свидетельствует существование законов о наказании ведьм и колдунов почти в каждом королевстве, штате, провинции и колонии. Людей, подозреваемых в том, что они ведьмы или колдуны, судили, осуждали и предавали смерти по решению самых просвещенных трибуналов Европы. Всего за несколько лет до событий в Новой Англии сэр Мэтью Хейл,

судья, высоко и справедливо прославившийся силой своего понимания, разнообразием своих знаний и выдающимися христианскими качествами, украшавшими его характер, после долгого и тщательного расследования приговорил несколько мужчин и женщин к смерти за это преступление.

Лишь несколько редких умов, таких как Чарльз Стивенс, живший намного раньше эпохи, скептически относились к теме колдовства. Эти смельчаки подвергали себя огромной опасности быть "окликнутыми" как ведьмы.

Источником этого заблуждения был Салем, но оно ни в коем случае не ограничивалось этим местом. Оно распространилось по всем американским колониям и, как большинство суеверий, витало вдоль границы, где его взращивали в тени невежества и растили в темных залах суеверий. Автор не станет отрицать, что и по сей день есть немало тех, кто приписывает сверхъестественным силам то, чего они не понимают в свете разума. В Вирджинии, в Огайо, Кентукки, Иллинойсе и Миссури в ранние времена существовали странные истории о колдовстве.

Если из молока не получалось масло, значит, в маслобойке сидела какая-то ведьма. Если скот умирал от эпидемии или болезни, неизвестной бедной науке того времени, это был результат колдовства. Если ребенок или взрослый человек страдал от странной болезни, такой как эпилепсия, "подергивания", "танец святого Витта", "рахит" или другие странные нервные заболевания, которые они не могли понять, они сразу же приписывали это колдовству.

Появился целый класс людей, называемых "ведьмами-врачами", которые, как утверждалось, были способны развеять чары и избавить ведьму от горя. Единственный способ для ведьмы облегчить свое состояние и восстановить свою силу - пойти в дом заколдованного человека и одолжить у него что-нибудь. Поскольку в те ранние времена все предметы домашнего обихода были в дефиците, а соседи зависели от займов, многие старые леди были поражены, получив отказ, и совершенно не могли объяснить внезапное охлаждение к людям, которых всегда любили.

Мистер Пэррис, фанатик, мошенник и интриган, возможно, сделал больше для распространения колдовства, чем любой другой человек в колониях. Пэррис был честолобив. Круг молодых девушек, как помнит читатель, впервые провел свои спиритические сеансы в его доме. Их молодые нервные системы были настолько измучены, что в их возрасте они впадали в спазмы, напоминающие эпилептические припадки. Вместо того чтобы лечить их болезнь с научной точки зрения, как это делается в настоящее время, пастор по глупости заявил, что они околдованы. Эти дети не могли быть полностью самозванцами. Проповедники и ревностные, кровожадные фанатики обманули их, заставив поверить в некоторые из произнесенных ими заявлений. Их нервы были расшатаны, их воображение извращено до такой степени, что они принимали практически любую форму, которую диктовала капризная фантазия или злонамеренный Пэррис.

Когда Чарльз Стивенс прибыл в Салем, то вместо того, чтобы счесть страшное суеверие уделом прошлого, о котором можно забыть или вспоминать лишь с чувством содрогающегося стыда, он обнаружил, что пламя разгорелось до пожара. Мистер Пэррис и мистер Нойес ухитрялись читать со своих кафедр проповеди о протеиновых дьяволах и воздушных чудовищах, пока самые доверчивые из их прихожан не дошли почти до безумия. Однажды вечером, когда Пэррис проходил мимо дома Гуди Вэнс, она встретила его у дверей и с лицом, побледневшим от страха и досады, сказала:

"Мистер Пэррис, мне очень досаждают ведьма в моей посуде".

"Что она делает?" - спросил он.

"Она мешает маслу образовываться, и я взбивала до тех пор, пока у меня не отвалились руки".

Лицо пастора стало серьезным, и, подойдя к дереву, он сорвал с него несколько щепок и вошел в дом.

"Возьмите молоко из кастрюли, - сказал он. "Налейте его в сковороду и поставьте сковороду на угли перед огнем".

Это было сделано, и изумленная хозяйка с многочисленными детьми стояла и смотрела на пастора, который с его белым, трупным лицом, тонкими губами и крючковатым носом выглядел так, словно мог иметь власть над духами тьмы. Он придвинул стул к огню и, усевшись, начал взбивать молоко, говоря при этом:

"Я делаю это во имя Господа", что он повторял при каждом ударе.

При каждом ударе он повторял: "Я делаю это во имя Господа".

Добрая сестра, которая была в лучших отношениях с добрым Вэнсом, к несчастью, сломала веретено своего колеса и, зная, что у соседки есть лишнее, пришла одолжить его. Она была

поражена, увидев их пастора, сидящего перед сковородой с молоком и взбивающего его с помощью переключателей. Не успела она рассказать о своем поручении, как Пэррис, вскочив на ноги, закричал:

"Нет! Нет! Не давайте ей ничего, иначе вы разрушите завет! Убирайся, мерзкая ведьма, или я буду бить тебя, пока твои плечи не обнажатся и не залются кровью!"

Сестра, пораженная и напуганная, удалилась, а на следующий день Господень этот случай стал темой для проповеди мистера Пэрриса. Это была первая проповедь, которую Чарльз услышал после своего возвращения.

"Мама, я больше не пойду слушать мистера Пэрриса", - заявил Чарльз, вернувшись домой.

"Ты должен, сын мой. Законы колонии обязывают посещать богослужения".

"Такие законы должны быть отменены как глупые. Принуждать человека ходить в церковь, слушать подобную чепуху!" - и Чарльз в отвращении поспешил прочь.

Кора наблюдала за ним во время его разговора с матерью. С тех пор как он вернулся, ему почти не удавалось поговорить с ней. Чарльз повернулся к ней, когда перестал говорить, и Кора, казалось, боясь встретиться с ним взглядом, уже собиралась скрыться в своей комнате, когда он окликнул ее:

"Кора, не уходи. Я должен поговорить с тобой".

"Что вы скажете?" - спросила она, сердце ее трепетало в груди, как плененная птица.

"Многое. Давай спустимся к ручью и посидим на зеленом берегу, как мы делали раньше".

Она вздрогнула, колебалась мгновение и согласилась. Они медленно пошли по тропинке, не говоря ни слова, пока не дошли до ручья. Когда они уселись на берегу, Чарльз спросил:

"Кора, вас по-прежнему преследует мистер Пэррис? Он продолжает доносить на вас?"

"Да".

"Это свидетельствует о том, что он человек низких качеств. И он все еще нападает на добрую няню?"

"Да, сэр. На Гуди Нерс, Гуди Кори, Бишоп и Касти уже кричат, и неизвестно, когда это прекратится".

"Это безумие приобрело опасные масштабы, Кора".

"Да. Они идут к закону", - ответила она. "Некоторые уже в тюрьме".

"Я слышала об этом, и, учитывая предвзятость судей и присяжных и лжесвидетелей, жизнь будет в большой опасности".

"Я знаю это".

Затем Чарльз на мгновение замолчал, прислушиваясь к песне птицы в своей лиственной беседке. Когда пернатый певец отзвучал и полетел к дальнему дереву, чтобы опробовать свои ноты, Чарльз спросил:

"Вы недавно видели своего отца?"

"Он был здесь два месяца назад".

"Он хотел забрать вас с собой?"

"Хотел, но я не могла поехать. Я обещала остаться до вашего возвращения".

"Кора, может быть, это не опасно так далеко на границе?"

"Опасность есть, но он устроил меня в семью мистера Дастина, где, по его мнению, я буду в безопасности".

"А брат твоего отца с ним?"

"Да".

"Они приехали сюда вместе?"

"Да; они неразлучны".

"Кора, тебе не кажется, что в этих братьях есть какая-то тайна, которую ты не понимаешь?"

"Я знаю, что есть".

"Они оба были игроками?"

"Думаю, когда-то были".

"Вы рассказывали отцу о преследованиях мистера Пэрриса?"

"Не все".

"Почему?"

"Это не принесло бы пользы и вызвало бы у него ненужное раздражение", - кротко ответила она.

"Совсем как ты, Кора, всегда боишься доставить кому-нибудь неприятности".

Она смотрела на ручей и заливалась слезами, вспоминая, как счастлива была Адельфа Лейслер в Салеме и как тяжело на нее легла рука несчастья.

"Чарльз, вы были с ней, когда это случилось?" - спросила она.

"Был".

"Вы утешали ее?"

"Я дал ей те скудные слова утешения, которые только можно дать в таких случаях", - ответил он.

"Это было так печально, а она такая хорошая, такая добрая и благородная. Хорошо ли она переносила свои страдания?"

"Так хорошо, как только можно".

"Увы, огонь несчастий должен испытывать верных. Бог дал ей силы выстоять в испытаниях и страданиях".

"Ее беды уже позади, Кора, а наши только начинаются".

"Что вы имеете в виду?"

"Это облако суеверий, которое оседает на нас, может погубить нас".

Она ничего не ответила. Кора была очень красива, когда сидела на набережной и смотрела на хрустальный поток, скользящий по воде, как резвящийся ребенок, и он не мог не признать ее самым прекрасным существом, которое когда-либо видел. Чарльз Стивенс не был кокеткой. Он не мелочился, чтобы сердце или счастье Кору или Адельфы, и еще ни разу не произнес ни одного слова любви. Обе завоевали его симпатию, уважение и восхищение, но, пока он не убедится, кто из них на самом деле завоевал его сердце, он не станет признаваться ни одной из них. Видя, что его слова должны навести на нее тень уныния, он сменил тему, сказав:

"Давайте не будем предвидеть зло, Кора. Подождем, пока оно не настигнет нас".

"Вы говорите как философ, - ответила она, - но, Чарльз, если вы видите зло в будущем, почему бы всем не уехать?"

"И куда же нам идти?"

"Далеко на север и восток. Мой отец нашел дом в сердце огромного, густого леса. Там человек свободен, как птицы, и ничто не сковывает его мысли и волю. Ни один фанатичный пастор не может сказать: "Вы должны поклоняться Богу так-то"; всем позволено поклоняться Богу по своему усмотрению. Есть только дружелюбное небо, великий старый лес и Бог, чтобы судить человеческие поступки, а не узколобые люди с ложными представлениями о религии".

"Я не могу поехать, Кора".

"Почему?"

"Это мой дом. Я не знаю другого. Вон там, в церковном дворе, спит мой святой отец. Он отвоевал этот приятный дом у суровой, непреклонной пустыни, и я не буду изгнана из него набором лживых фанатиков, которые обвиняют или могут обвинить нас в невозможных преступлениях".

"Чарльз, если мой отец построит нам дом в великой пустыне, разве ты и твоя мама не будете приходить к нам в гости, пока не рассеется эта грозовая туча? Я не прошу тебя отказаться от своего дома. Я не прошу вас уклоняться от его защиты; но нельзя считать, что короткое пребывание за границей означает отказ от него. Вы должны принять наше гостеприимство, чтобы дать нам возможность отплатить долг благодарности, а также избавить вашу мать от раздражения, которое становится все более болезненным".

Ее доводы были очень весомыми и имели свой вес для Чарльза.

"Когда вы ждете отца?" - спросил он.

"В любое время или никогда. Он сам не знает, когда может приехать. Бедный отец; он много трудился, чтобы покорить лес и построить нам дом. У нас ничего не было - мы были рабами".

"Но больше не рабы, Кора".

"Почему? Наш срок еще не истек".

"Король Вильгельм помиловал всех участников восстания Монмута".

На мгновение ее охватила радость, и она, хлопая в ладоши, устремила взгляд к небу, пробормотав:

"Боже мой, благодарю тебя!", но вскоре последовала реакция. Помилование за участие в восстании Монмута было даровано, но последующее преступление - бегство от хозяина и убийство надсмотрщика - не могло быть искуплено помилованием, которое король дал мятежникам Монмута. Задыхаясь от рыданий, она сказала:

"Но что же еще... что за ужасная вещь?"

"Что, Кора?"

"Бегство, погоня и смерть надсмотрщика. О, Чарльз, мы никогда не сможем быть в безопасности, пока это висит над нами".

Чарльз Стивенс смотрел на залитое слезами милое лицо, видел агонию, которая, казалось, переполняла ее, и его душа болела за бедную служанку. У него было мало утешений, но его плодородный мозг был не совсем бесплоден.

"Кора, не поддавайся отчаянию, - сказал он. "То, что сделал твой отец, было правильным и оправданным, хотя с технической точки зрения закон может придерживаться иного мнения. У меня есть родственник, живущий в Виргинии, богатый и влиятельный. Я напишу ему, чтобы он добился помилования для вашего отца".

"Я знаю его. Это добрый человек, Роберт Стивенс, который так любезно предоставил нам дом и помог бежать. Он сделает для нас все возможное".

"Он богат и влиятелен, и я верю, что в конце концов он сможет добиться помилования для мистера Уотерса".

Утешив ее, они поднялись и вернулись в дом.

Вечером того же дня Чарльз Стивенс встретил Джона Блая возле дома его матери.

"Как поживаешь, Джон?" спросил Чарльз. "Я впервые вижу тебя после своего возвращения".

"Я в таком состоянии, в каком только может быть человек, проехавший двадцать лиг", - ответил Блай.

"Проехал двадцать лиг?" - изумленно воскликнул Чарльз Стивенс. "Что вы имеете в виду?"

"Вчера вечером меня превратили в лошадь и проскакали на ней двадцать лиг в темноте, и теперь я болен и почти изможден".

Чарльз рассмеялся и продолжил.

"Я действительно считаю, что все сходят с ума", - подумал он. Уходя, он услышал, как Блай сказал:

"Воистину, если вы сомневаетесь, что эта Мартина - ведьма, попадите хоть раз в ее власть, и вы прислушаетесь к тому, что я о ней сказал".

На следующий день он встретил Джона Кембала, дровосека. Кембал держал топор на плече, и лицо его было очень бледным.

"Чарльз, почему ты не остался на западе?" - спросил он. "Почему ты вернулся в этот проклятый дьяволом край?"

"Джон Кембал, ты тоже сошел с ума из-за этого колдовского бреда?" - спросил Чарльз.

"Чарльз, верно, ты забыл, что в Писании сказано: имеющий глаза да видит, а имеющий уши да слышит. Слава Богу, у меня есть и глаза, и уши, и я видел и слышал, хотя хотел бы этого не делать".

"Что ты видел, Джон Кембал?" спросил Чарльз.

"Я расскажу тебе без промедления; но мне остается только благодарить Бога при каждом вздохе, что она больше не может причинить мне зла, раз она в тюрьме и в цепях".

"Кого вы обвиняете?"

"Сюзанну Мартин".

"Какой вред она вам причинила?"

"Слушайте, и я расскажу вам все, что знаю сама. Обвиняемая Сюзанна Мартин, испытывая беспричинное отвращение, угрожала мне по поводу одной моей коровы, что она никогда больше не принесет мне пользы, что и произошло; вскоре после этого корова была найдена мертвой на сухой земле, причем на ней не было заметно никакой болезни; после этого последовала странная смерть еще нескольких моих животных, которых я потерял на сумму в тридцать фунтов".

"Возможно, среди них вспыхнула какая-то болезнь", - предположил Чарльз.

"Нет, нет; не придумывайте оправданий для этого создания тьмы. Мне есть что рассказать. Желая обзавестись собакой, я вознамерился купить одну из них у этой Мартины, у которой в доме была самка с приплодом; но она не позволила мне сделать выбор, и я сказал, что куплю ее у одного Блезделя, после чего заметил, что она была очень недовольна. Присмотрев щенка у Блезделя, я встретил Джорджа Мартина, мужа Сюзанны Мартин, который спросил меня:

"Не хотите ли вы взять одного из щенков моей жены?" Я ответил:

"Нет; я взял одного у Блезделя, который мне больше нравится".

"В тот же день некий Эдмонд Элиот, будучи в доме Мартина, услышал, как Джордж Мартин рассказывал своей жене, что я был у Блезделя и купил щенка. После этого Сюзанна Мартин пришла в ярость и ответила:

"Если я буду жива, я ему еще щенков наделаю!".

"Через несколько дней после этого я выходил из леса, когда на северо-западе появилось небольшое черное облако, и я сразу же почувствовал на себе силу, из-за которой я не мог избежать наезда на пни деревьев, которые были передо мной, хотя передо мной была широкая, ровная тележная дорога; но хотя я держал свой топор на плече, чтобы подстраховаться при падении, я не мог удержаться, чтобы не перепрыгнуть через пни, где деревья были срублены. Когда я спустился под дом собраний, передо мной появилось маленькое существо, похожее на щенка, темноватого цвета, и оно металось вперед-назад между моих ног. Я отважился приложить все возможные усилия, чтобы разрубить его своим топором, но не смог попасть в него. Щенок отпрыгнул от меня и полетел, как мне показалось, в землю. [C]

"Его движения были быстрее, чем движения моего топора".

"Пройдя немного дальше, мне явился черный щенок, несколько больше первого, но черный, как уголь. Движения его были быстрее, чем у моего топора; он летел на мой живот и прочь, потом на горло; так, через плечо в одну сторону, потом через плечо в другую. Сердце мое стало отказывать, и я подумал, что собака разорвет мне горло; но я оправился и воззвал к Богу в моем бедствии; и, назвав имя Иисуса Христа, она сразу же исчезла".

Чарльз Стивенс пытался доказать Блау, что у него был приступ слепого ошеломления и что собака - всего лишь оптический обман, но никак не мог убедить его, что это не реальность и что он не околдован.

По мнению мистера Бэнкрофта, Новая Англия, как и Ханаан, была заселена беглецами. Как и евреи, они бежали в пустыню. Как и евреи, они взывали к небесам в поисках света, который вел бы их дальше. Как и у евреев, у них были язычники в качестве врагов, а свое высшее

законодательство они черпали из иудейского кодекса. Коттон Мазер говорил: "Новая Англия - страна, чьи интересы в значительной степени опутаны церковными обстоятельствами, и священнослужителям следует заниматься политикой". Коттон Мазер и мистер Пэррис действительно занимались политикой, и последний, будучи беспринципным и амбициозным, а также фанатичным, стал причиной скорби сотен несчастных людей.

Кружок детей, который собирался в доме мистера Пэрриса, начал творить чудеса. В скучной жизни страны оживление, вызванное деятельностью "кружка", несомненно, было желанным, и оно постоянно возрастало. Человеческий разум требует развлечений, как человеческое тело требует пищи, упражнений и отдыха, и когда отказываются от здоровых и невинных развлечений, приходится прибегать к низким и порочным. Мистер Пэррис, который читал проповеди о вреде театра и отлучил от церкви ребенка актера, в своем собственном доме поддерживал такое дьявольское и опасное развлечение, какое только было известно. Результаты этого кружка были удивительны. Каким бы ни был обман - а его, несомненно, было предостаточно; каким бы ни было возбуждение до истерии; каким бы ни было фактическое обострение обычных способностей, очевидно, что было нечто большее; и тем, кто уделял должное и беспристрастное внимание процессу месмеризма и его эффектам, не составит труда понять переданные отчеты о том, что делали, говорили и видели эти юные создания в особых условиях нервной системы. Когда окружные врачи не могли найти объяснения болезням страдающих детей, "кроме злой руки", они единодушно пришли к выводу, что их недуги вызваны действиями сатаны.

Судороги и эпилепсия - одни из многих загадок, которыми медицинская наука не овладела и по сей день, и не приходится удивляться, что врачи два века назад объявили страдающих заколдованными. Затем возник вопрос о том, кто порастил детей, и самым действенным способом было задать его самим детям. Поначалу они отказывались раскрывать имена, но вскоре такой деликатности был положен конец. Первые заметные симптомы появились в ноябре 1691 года, а первый публичный допрос ведьм состоялся 1 марта 1692 года, как раз перед возвращением Чарльза Стивенса из Нью-Йорка.

Одной из первых была арестована Сара Гуд, слабая, невежественная, бедная, презируемая женщина, чей столь же слабый и невежественный муж бросил ее, оставив на милость злых языков. Эту невежественную женщину отвели в тюрьму, а вскоре после этого ее ребенка, маленькую Доркас, которой было всего четыре года, также арестовали и заключили в кандалы по обвинению в колдовстве. Все это было одобрено мистером Пэррисом, чье бледное, худое лицо светилось триумфом, когда он заявлял:

"Настало пришествие Господне и изгнание адского огня".

Неудивительно, что Чарльз Стивенс был настроен серьезно. Более двадцати человек оказались в тюрьме по обвинению в колдовстве, среди них ирландка, римская католичка, которую ненавидели больше из-за ее вероисповедания, чем из-за подозрений в злодеяниях против нее. Ее повесили одной из первых.

Пэррис, дикоглазый фанатик, размахивая руками, ходил по деревне, взывая к злым духам воздуха и желая вцепиться в мерзкого актера, осмелившегося войти в освященную деревню Салем.

Однажды вечером мистер Уотерс вернулся так же таинственно, как и исчез. Его дочь была очень рада его видеть и, когда радость от первого приветствия прошла, рассказала обо всем, что произошло, и об угрозах мистера Пэрриса.

"Ты должна уехать", - сказал он.

"Когда?" - спросила она.

"На следующий день".

Чарльз коротко переговорил с мистером Уотерсом, и было принято решение об отъезде Кори на следующий день. Поздно вечером мистер Уотерс удалился в свою комнату. Когда он раздевался, ему почудилось, что к окну прижалось чье-то лицо. Он стоял в темном углу, где его почти не было видно. Он держал в руке пистолет, пока лицо не исчезло из окна, и, подкравшись к нему, выглянул наружу. В широких лунных лучах стоял человек. Достаточно было взглянуть на его высокую фигуру и грубые черты лица, чтобы узнать в нем брата надсмотрщика, которого он застрелил в Виргинии. В течение десяти минут мистер Уотерс не двигался с места, но не сводил глаз с этого человека, который, как подсказывали ему инстинкт и разум, был врагом. Наконец человек удалился по тропинке под холм. Мистер Уотерс торопливо написал несколько строк на клочке бумаги, используя для свечи только луну, сложил письмо, адресовал его дочери и положил на подушку. Затем он открыл окно и выпрыгнул на землю.

Он последовал за мужчиной под холм, где застал его беседующим с тремя другими мужчинами - мистером Паррисом, Джоном Блаем и Лаудером. Он был достаточно близко, чтобы слышать, что они говорят, и улавливать их планы, но не стал ждать, чтобы послушать. Когда он крался среди кустов, перед ним внезапно возник человек. Смуглая кожа, покрывало и черты лица указывали на то, что это абориген. Он видел белых людей под холмом и сказал мистеру Уотерсу, что у него под рукой десять храбрецов.

"Скажи им, чтобы они никому не причиняли вреда, Оракус, - сказал мистер Уотерс. "Я никогда не причинял вреда людям, кроме как для защиты, и, даст Бог, никогда не причиню. Я ухожу".

Индеец молча поклонился и скрылся в лесу. Мистер Уотерс остановился под большим дубом и посмотрел на дом, где так мирно спала его дочь; затем он ушел в великий северный лес.

ГЛАВА XIV.

СУДЬБА ДОБРОЙ НЯНИ.

О! Живет, Небо, под грозными просторами твоими,
Один безнадежный, мрачный идолопоклонник случая,
Довольный тем, что питает неизысканными удовольствиями
Теплые страсти низменного ума?
-Кэмпбелл.

Чарльз Стивенс крепко спал, мечтая о Коре и покое, когда раздался стук в наружную дверь. Он поднялся и, полуодетый, пошел открывать. За дверью стояли четверо высоких смуглых мужчин. При свете луны он узнал мистера Пэрриса, Блая и Лаудера.

"Мистер Уотерс здесь?" - спросил мистер Пэррис.

"Он спит в своей комнате", - ответил Чарльз.

"Разбудите его. Этот добрый человек из Вирджинии хочет его видеть".

Чарльз отвернулся и пошел в комнату мистера Уотерса. Дверь была приоткрыта, и, войдя, он обнаружил, что квартира пуста. Открытое окно показывало, каким способом мистеру Уотерсу удалось сбежать. Чарльз поспешил сообщить об этом ночным посетителям, после чего произошла сцена, которую можно не только представить, но и описать на сайте. Чарльза упрекали в том, что он помог преступнику скрыться. Мистер Джоэл Мартин, брат надсмотрщика, застреленного в Виргинии, был разгневан тем, что убийца его брата после долгих лет поисков был обнаружен только для того, чтобы вырваться из лап, а мистер Пэррис с притворным благочестием заявлял:

"Так всегда бывает, когда человек заключает договор с дьяволом". Актер в театре проникает в дома и семьи тех, кто называет себя христианами. Истинно, я не удивлен, что он еще и убийца. Когда человек теряет связь с Господом, не может быть такого преступления, до которого он не опустился бы".

В доме поднялся переполох, и Коре сообщили о том, что ее отцу удалось спастись. Мистер Мартин из Вирджинии получил запрос из этой колонии на его арест. Она плакала, но не произнесла ни слова. Когда разочарованные офицеры ушли, Чарльз попытался утешить ее, но она ответила:

"Жестокая судьба, похоже, обрекла меня на страдания, Чарльз. Отец не может вернуться, я не могу убежать, и мне кажется, что мистер Пэррис затягивает вокруг меня сеть, которая опутает мои ноги".

"Верьте в Бога, и все будет хорошо!" ответил Чарльз. Ее благочестивый отец часто давал ей такой же совет в самые трудные часы, ибо твердо верил в божественное вмешательство в человеческие дела.

На следующий день в дом пришла дочь Доброй Сестры, плача так, словно у нее разрывалось сердце.

"В чем дело, Сара?" - спросила миссис Стивенс.

"Мать арестована!" - всхлипывала девушка.

"Арестована!"

"Да".

"По какому обвинению?" спросил Чарльз.

"За то, что она ведьма. На нее выписан ордер, и ее увезли сегодня утром". Тут несчастная молодая женщина сломалась и тихо зарыдала.

"Куда ее увезли?" - спросила миссис Стивенс.

"В тюрьму и в кандалы, потому что ведьма должна быть в кандалах. Ее обвиняют в том, что она околдовала Абигайль Уильямс и других детей из окружения мистера Пэрриса".

Если бы мистер Пэррис был творением вымысла, а не реальным историческим персонажем, критик, несомненно, сказал бы, что он перегружен; но Сэмюэл Пэррис был живым, дышащим человеком или извергом в человеческом обличье. У него было много

приверженцев, и о нем говорили как о нашем любимом пасторе. Мистер Джордж Бэнкрофт, величайший историк Америки, говорит: [D]

[D] Bancroft's "History of the United States", vol. ii., p. 256.

"Заблуждение, если бы не Пэррис, так бы и зачало. От собственной племянницы, девочки одиннадцати лет, он потребовал назвать имена дьявольских инструментов, которые околдовывали группу "страждущих", а затем стал одновременно доносчиком и свидетелем. В те времена не было прокурора, и Пэррис допрашивал своих слуг-индейцев и других людей, сам подсказывая им ответы и выступая в роли протоколиста для магистратов. Воспоминания о старых спорах в приходе не могли быть забыты; и Пэррис, движимый как личной злобой, так и слепым рвением, "подавлял обвинения одних", как свидетельствуют жители его собственной деревни, и в то же время, "энергично поддерживая обвинения других", был "началом и зачинщиком бедствий деревни и страны Салем". Марта Кори, которая на допросе в доме собраний перед толпой с твердым духом, одна, против всех, отрицала наличие колдовства, была заключена в тюрьму. Ребекка Нерс, также женщина чистейшей жизни, объект особой ненависти Пэрриса, оказала сопротивление компании обвинителей и была предана суду. А Пэррис, наполнив свои молитвы этой темой, заставил кафедру звенеть ею. "Разве не избрал я вас двенадцать, - таков был его текст, - и один из вас - дьявол? В этот момент Сара Клойс, сестра Ребекки Нерс, встала и вышла из дома собраний, и ее тоже окликнули и отправили в тюрьму".

Миссис Стивенс, ее сын и Кора Уотерс пытались успокоить страхи бедной юной служанки, которая в час своего несчастья, как ребенок, прилетела к друзьям со своим рассказом о горе.

"Я немедленно пойду и донесу на мистера Пэрриса за ту роль, которую он в этом сыграл!" - вскричал Чарльз, выбегая из дома. У калитки его догнала Кора, которая, положив руку на его плечо, сказала:

"Не уходи, Чарльз. Не выходите из дома в таком порыве страсти".

"Кора, я не могу больше терпеть этого лицемера. Он дьявол, а не человек, чтобы так далеко заводить свою злобу".

"Но подумайте, Чарльз. То, что вы можете сказать в порыве гнева, не принесет бедной медсестре ничего хорошего".

"Это будет для меня облегчением".

"Нет; это может повлечь за собой будущие неприятности. Сейчас трудный час; опасность велика; давайте возьмем время на размышление".

Кора убедила его ничего не говорить в это время и вернулась в дом. Убитая горем дочь получила утешение, какое только могли дать верные, любящие друзья, и отправилась домой, надеясь, что ее несчастной матери еще удастся избежать гнева мистера Пэрриса.

"Это все дело рук Сэмюэля Пэрриса", - заявила миссис Стивенс. "Из-за того, что добрая сестра противилась его служению, он жаждет мести".

"Пэррис - недостойный человек", - заявил Чарльз.

Но прежде чем он успел сказать что-то еще, Кора Уотерс, поставившая часового у двери, сказала:

"А вот и Энн Патнэм".

При упоминании имени этой женщины и Чарльз, и его мать замолчали. Она была матерью одного из больных детей, а сама отличалась нервным темпераментом, недисциплинированным умом и абсолютной преданностью своему пастору. На тот момент ей было около тридцати лет, у нее были голубые глаза, каштановые волосы и круглое лицо. Когда она вошла в дверь, то, почти запыхавшись, воскликнула:

"Я пришла, милая Стивенс, чтобы сообщить вам радостную весть. Сестричку арестовали и отправили в тюрьму за то, что она сильно изводила семью мистера Пэрриса и меня".

"Можете ли вы предположить, что такие новости будут желанными в этом доме?" - воскликнула миссис Стивенс. "Энн Патнэм, вы, должно быть, считаете, что я недостойна называться женщиной, если думаете, что я могу радоваться гибели этой доброй женщины".

"Хорошая женщина!" - вскричала Энн Патнэм, стуча ногой по полу с такой силой, что дом задрожал. "Добрая женщина! Она ведьма! Она отказала нашему любимому пастору в его жалованье; она хотела сместить его, а поскольку ей это не удалось, теперь она нападает на его домочадцев своим колдовством. О, мерзкая тварь, лучше бы я никогда ее не видела!"

"Энн Патнэм, вы заблуждаетесь".

"Заблуждаюсь!" - вскричала Энн Патнэм, ее глаза вспыхнули огнем. "Если бы вы только видели меня в моих тяжких страданиях, если бы вы только знали, какие приступы я испытываю, и были свидетелями страданий ее жертв, вы бы не назвали это заблуждением".

"Энн Патнэм, мистер Пэррис так поразил ваше воображение, что вы сошли с ума".

При попытке приписать что-либо дурное ее любимому пастору ярость Энн Патнэм не знала границ, и, задыхаясь от гнева, она заявила, что мистер Пэррис - самый святой человек на свете.

"Его рвение к делу Христа обрушило на него гнев мирских людей. Он святой, прославленный святой, а за то, что он осудил Кору Уотерс за то, что она была ребенком игрока, вы его порочите".

"Энн Патнэм, - прервал ее Чарльз Стивенс, - вы не имеете права оспаривать мотивы моей матери и нападать на нашего гостя. Рвение мистера Пэрриса сделало из него чудовище. Он злой, жестокий, мстительный человек, а не последователь кроткого и смиренного Агнца Божьего".

"Я не останусь там, где о моем благословенном пасторе говорят так плохо!" - заявила Энн Патнэм и, отряхнув пыль с туфель, вышла за дверь. У ворот она остановилась, подняла кулак вверх и на высоте своего мужского голоса закричала:

"Я обличаю тебя! Я кричу против тебя, Хэтти Стивенс! Я больше не буду иметь с тобой никаких дел!" И, совершив этот удивительный поступок - отбросив бывшего друга, она повернулась и поспешила за холм.

"Чарльз, мне жаль, что вы с матерью разозлили ее", - сказала Кора.

"Почему, Кора?" - спросил он.

"Она может причинить нам зло".

"Энн Патнэм - злая женщина и подходящая последовательница такого человека, как Пэррис", - заявил Чарльз. "Моя мать совершила благородный поступок, осудив его".

"Пора, Чарльз, - перебила Кора. "Я чувствую, я знаю, что если тебя постигнет несчастье, то его причиной буду я. Я должна уехать. Я не могу оставаться здесь, чтобы погубить тех, кто со мной дружил. Я должна уехать".

"И куда же вы уедете?"

"Я не знаю, куда; но я пойду куда угодно, лишь бы не стать причиной гибели моих друзей. Дикие язычники в лесу не могут быть более жестокими, чем эти люди".

"Кора, ты не пойдешь!" - вскричал Чарльз. "Нет, , не пойдешь. Я защищу тебя и маму. У меня есть друзья, верные и сильные друзья, друзья, о которых они и не мечтают. Они живут в лесу и сотнями придут мне на помощь, чтобы сражаться в моих битвах".

"Ты имеешь в виду индейцев?"

"Да. Два года назад я спас жизнь Оракусу, молодому вождю, и сделал его своим другом. Индеец, однажды ставший другом, - самый верный из друзей. Оракус и его воины готовы умереть за меня".

"Не обращай к индейцам, если можешь этого избежать", - умоляла девушка. Чарльз заверил ее, что если она уедет, это не избавит их от гнева священника, и она решила остаться.

Мистер Пэррис ненавидел Ребекку Сестру больше, чем всех остальных людей в Салеме. Теперь он собирался осуществить свои планы.

До дня суда Ребекка Нерс просидела в тюрьме, на ней были огромные, тяжелые оковы, которые она едва могла нести. Ее муж, родственники и друзья сделали все возможное, чтобы добиться ее освобождения под залог, но колдовство не входило в число преступлений, подлежащих освобождению под залог.

Они пытались добиться милосердия для старухи от мистера Пэрриса, но тот был неумолим. Когда за несколько месяцев до этого мистер Пэррис публично жаловался на пренебрежение в вопросе о дровах для пастората и на вялость со стороны слушателей его услуг, "Сестра-землевладелица" была членом комитета, который должен был иметь с ним дело, и он и его родственники были в числе большинства, которое с тоской ожидало неизбежного ухода мистера Пэрриса. Поэтому, когда благодаря махинациям пастора добрая женщина была арестована, они тщетно зывали к нему о пощаде.

Дом собраний, в котором проходил суд, был переполнен зрителями. Соседи толкали друг друга, и по толпе проносились ужасные, внушающие благоговейный страх шепотки. Прозвучала молитва, суд открылся, и Ребекку Нерс, слабую и больную, старую и немощную, заставили предстать перед судом, чтобы признать себя виновной в колдовстве. Когда ее сын хотел поддержать свою престарелую мать, его прогнали.

Первым свидетелем был вызван мистер Пэррис. Закон о доказательствах, или, по крайней мере, практика в Салеме того времени, сильно отличалась от нынешней. В деле о Гуди Нерс свидетельство со слуха свободно принималось. Мистер Пэррис заявил, что его вызвали к больному человеку. За ним послали Мерси Льюис. Войдя в палату, она оцепенела. Ее попросили поднять руку, если она увидит кого-нибудь из ведьм, поражающих больного. Она подняла руку, а затем впала в транс. Придя в себя, она заявила, что видела призраки Доброй

Сестры и Доброго Перевозчика, которые держали голову больного. Показания мистера Пэрриса были даны в спокойной и взвешенной манере, чтобы произвести на присяжных впечатление правдивости. Никогда убийца не орудовал кинжалом с большим хладнокровием и не всаживал его в сердце своей жертвы с большей злобой, чем этот ханжеский негодяй, сплетавший сеть гибели вокруг своих жертв.

Томас Патнэм, муж Энн Патнэм, заявил, что и его жена, и ребенок были околдованы и страдали от сильнейших припадков, во всех из которых они обвиняли Добрую Сестру. Он описал, что его жена подвергалась сильным приступам и неистово билась руками и ногами, а затем начала разговаривать с доброй медсестрой, говоря при этом:

"Добрая сестра, уймитесь! Уймитесь! Уймитесь! Как вам не стыдно, женщине вашей профессии, так мучить бедное создание? Что плохого я вам сделала в своей жизни? Тебе осталось жить всего два года, а потом дьявол будет мучить твою душу, и за это твое имя вычеркнуто из Божьей книги и никогда больше не будет вписано в Божью книгу. Сгинь! За позор! Вы не боитесь того, что вас ждет? Я знаю, что заставит вас бояться: гнев разгневанного Бога. Я уверен, что это заставит вас бояться. Сгинь! Не мучайте меня. Я знаю, что вы хотели бы иметь, но это недоступно для вас; вы облечены в белые одежды праведности Христа".

После этого она, казалось, спорила с явлением о каком-то тексте Писания, при этом все время держала глаза закрытыми. Явление, казалось, отрицало это, и она сказала, что уверена, что такой текст есть, и она расскажет его, а затем форма исчезнет. Она сказала:

"Я уверена, что ты не сможешь устоять перед этим текстом".

Тогда она сильно охнула, ее рот перекосялся на одну сторону, а тело напряглось примерно на минуту, а затем она сказала:

"Я расскажу. Я скажу, что это, - это, - это третья глава Откровений".

Подобные вещи в наши дни не могли бы быть приняты ни одним разумным судом.

Следующей свидетельствовала против Гуди Нерс Энн Патнэм, жена Томаса Патнэма. Она сказала:

"18 марта 1692 года, утомившись ухаживать за моим бедным больным ребенком и служанкой, примерно в середине дня я прилегла на кровать, чтобы немного отдохнуть; и тут же меня чуть не придавили и не задушили, так что, если бы не милость милостивого Бога и помощь тех, кто был со мной, я не смогла бы прожить и нескольких мгновений; и вскоре я увидела явление Марты Кори, которая так мучила меня, что я не могу выразить, готовая разорвать меня на куски, а затем ненадолго отошла от меня; Но не успела я восстановить силы или отдышаться, как явление Ребекки Сестры снова обрушилось на меня с ужасными пытками и адскими искушениями пойти с ней, и она принесла мне в руке маленькую красную книжку и черное перо, настойчиво убеждая меня писать в ее книге; и несколько раз в тот день она подвергала меня жесточайшим пыткам, почти готовая убить меня. И в тот же день Марта Кори и Ребекка Нерс, жена Фрэнсиса Нерса-старшего, обе пытали меня такими муками, которые не может выразить ни один язык".

"Вы снова страдали от Ребекки Нерс?" - спросили свидетеля.

"Да".

"Когда?"

"В разные дни. 20-го числа, когда был день субботний. После этого она пришла, села мне на грудь и сильно мучила меня, угрожая вырвать душу из моего тела, богохульно отрицая благословенного Бога и силу Господа Иисуса Христа спасти мою душу, а также отрицая несколько мест Писания, о которых я ей говорила, чтобы отвратить ее адские искушения".

При этом присутствовали страдающие дети, и когда несчастная узница, усталая и больная, склонила голову, они закричали и тоже склонили головы. Когда она взглянула на Эбигейл Уильямс, девочка забилась в конвульсиях, как и остальные, так что процесс пришлось прервать на несколько минут, пока не восстановилась тишина.

Присутствовавший при этом Чарльз Стивенс заметил, достаточно громко, чтобы его услышали:

"Если бы у них была палка, хорошо приложенная к спине, думаю, она излечила бы их от таких дьявольских выходов".

"Будь осторожен, Чарльз. Осторожнее с поспешными речами", - сказал кто-то из прохожих.

Миссис Патнэм, опасаясь, что ее первые показания не смогут уличить женщину, осмелившуюся дерзко выступить против ее любимого пастора, снова взяла слово и дала показания:

"Однажды, когда мне явилась Ребекка Нерс, она заявила, что убила Бенджамина Хоултона, Джона Фриллера и Ребекку Шепард, а также что она, ее сестра Клойс и жена Эдварда Бишопа убили ребенка Джона Путнама. Тут же ко мне явились шестеро детей в накидках, которые называли меня тетей, чем очень меня напугали; они сказали мне, что это дети моей сестры Бейкер из Бостона и что их убили добрая сестра, госпожа Кори из Чарльзтауна и старая глухая женщина из Бостона, и поручили мне пойти и рассказать все это магистратам, иначе они разорвут меня на куски, ибо их кровь вызывает к отмщению. Также ко мне явилась моя родная сестра Бейли и трое ее детей в накидках, и сказала мне, что их убила Добрая Сестра".

За этими показаниями последовали свидетельства пострадавших детей о том, что они подвергались жестоким мучениям со стороны обвиняемого, который иногда появлялся в виде черной кошки, собаки или свиньи, а иногда его сопровождал черный человек. Далее Лаудер рассказал о том, как его переодели в лошадь и повезли на бал ведьм, а также о том, как Ребекка Нерс каталась по воздуху на метле. Следующим на свидетельское место был вызван вест-индский негр Джон, муж Титубы и слуга мистера Пэрриса. Судья спросил его:

"Джон, кто тебя обидел?"

"Сначала добрая сестра, а потом добрая Кори".

"Что она с тобой сделала?"

"Она принесла мне книгу".

"Джон, скажи правду. Кто тебя обидел? Тебя обижали?"

"Первым был джентльмен, которого я видел".

"Но кто обидел тебя потом?"

"Добрая сестра. Она душила меня и принесла мне книгу".

"За что она вас схватила?"

"За горло, чтобы остановить дыхание".

"Что сделала эта добрая медсестра?"

"Она щипала меня, пока не пошла кровь".

В этот момент у Энн Путнэм случился приступ, и ее вынесли. Эбигейл Уильямс вызвали для дачи показаний и спросили:

"Эбигейл Уильямс, вы видели, как компания в доме мистера Пэрриса ела и пила?"

"Да, сэр; это было их таинство".

"Сколько их было?"

"Около сорока. Гуди Клойс и Гуди Гуд были их дьяконами".

"Что это было?"

"Они сказали, что это наша кровь, и они пили ее дважды в тот день".

"Вы видели белого человека?"

"Да, сэр, очень много раз".

"Каким он был?"

"Хороший, серьезный человек, и когда он приходил, то заставлял всех ведьм трепетать".

"Вы видели партию ведьм у дьякона Ингерсола?"

"Видал".

"Кто там был?"

"Гуди Клойс, Гуди Кори, Гуди Нестер и Гуди Гуд".

Затем судья повернулся к старому, немощному и несчастному заключенному и спросил:

"Что ты скажешь, добрая сестра, на все это?"

Старая, больная женщина, собрав все свои силы, ответила:

"Я беру Бога в свидетели, что ничего не знаю об этом, не больше, чем нерожденный ребенок".

Присяжные не сочли улики достаточно вескими для того, чтобы повесить старуху, которая была украшением их церкви и славой их деревни и общества, и вынесли вердикт "невиновна".

Мгновенное ликование торжествующих обвиняемых было заглушено воплями страдальцев и упреками мистера Пэрриса. Один судья заявил о своем недовольстве, другой пообещал, что дело будет рассмотрено заново, а главный судья указал на фразу, использованную заключенной, которая могла бы означать, что она является одной из обвиняемых банды, как в вине, так и в опасности. При виде изобретательности и настойчивости, с которой они

обсуждали три слова "из нашей компании", употребленные обвиняемой, могло показаться, что власти все вместе затеяли интригу.

Бедная старушка предложила объяснение, которое должно было быть удовлетворительным.

"Я имела в виду не что иное, как то, что они были заключенными вместе с нами, и поэтому считала и считаю их не законным доказательством против их товарищей по заключению. И я, будучи плохо слышащим и полным горя, никто не сообщил мне, как суд воспринял мои слова, поэтому не имел возможности заявить, что я имел в виду, когда сказал, что они были из нашей компании".

Старшина присяжных отнесся бы к этому вопросу благосклонно и позволил бы всесторонне рассмотреть, в то время как другие присяжные стремились напомнить об ошибочности вердикта; но молчание заключенной, которая не слышала, когда от нее требовали объяснений, настроило старшину против нее и заставило его заявить:

"После этого эти слова стали для меня главным доказательством против нее".

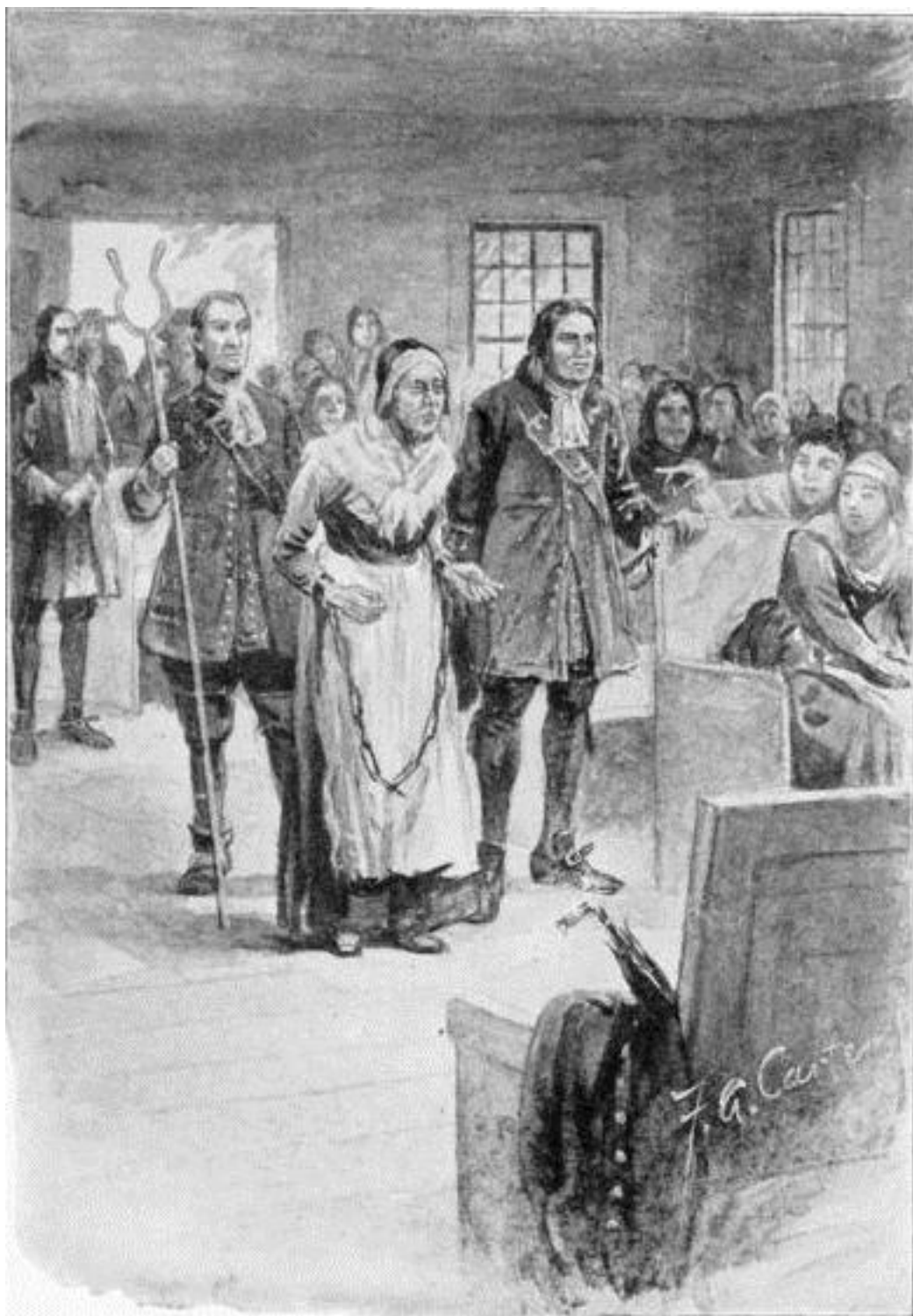
И все же это было слишком чудовищно, чтобы повесить бедную старушку. После вынесения приговора губернатор освободил ее от наказания, вероятно, сославшись на незаконность отмены первого вердикта присяжных в отсутствие каких-либо новых доказательств; но мистер Пэррис, сила, стоящая за народом, вызвала такой взрыв негодования, что губернатор отменил свое освобождение.

В следующее воскресенье после вынесения приговора в церкви произошла сцена, запись которой впоследствии была аннотирована членами церкви в знак скорби и унижения. После причастия, путем голосования, было единогласно решено, что сестра Нерс, будучи осуждена судом как ведьма, должна быть отлучена от церкви во второй половине того же дня.

Чарльз Стивенс, движимый болезненным любопытством, отправился в церковь во второй половине дня. Там было много народу. Пэррис, с торжествующим блеском дьявола на лицемерных чертах лица, стоял на кафедре вместе со старейшинами. Внизу председательствовали дьяконы. Шериф и его офицеры привели ведьму и повели ее по широкому проходу: цепи звенели, когда она ступала, а ее бедные старые конечности едва выдерживали их вес. Когда она стояла посреди нефа, преподобный мистер Нойес огласил ей приговор: изгнать из церкви на земле и лишиться всякой надежды на спасение в будущем. Добровольно отдав свою душу сатане семилетним служением дьявольским силам, она была предана ему навеки. В заключение преподобный мистер Нойес сказал:

"А теперь, мерзкая женщина, продавшая себя дьяволу, отправляйся к своему господину в самое жаркое пламя ада!"

Она понимала, что все взгляды смотрят на нее с ужасом и ненавистью, неприступными ни при каких обстоятельствах; но она смогла выдержать это. В тот день и в течение двух недель ожидания она оставалась спокойной и умиротворенной. Когда настал роковой день казни, она прошла по улицам Салема, между домами, в которых была почетной гостьей, в окружении хорошо знакомых лиц, а затем ей предстоял тяжелый для ее старческих конечностей подъем по каменистой и крутой тропе на Ведьмином холме к месту, где в ряд стояли уключины, и палач ждал ее. Сара Гуд и еще шесть человек, от которых Салем решил избавиться в тот день, пошли с ней.

Шериф повел ведьму по широкому проходу, и цепи звенели, когда она ступала.

Было 19 июля 1692 года, когда по сигналу все восемь качнулись в вечность, и преподобный мистер Нойес в своем рвении, указывая на раскачивающиеся тела, сказал:

"Там висят восемь огненных клейм ада!".

Мистер Пэррис, не в силах скрыть своего триумфа, объявил эти слова самыми святыми из всех, когда-либо произнесенных не божественными устами.

Тела были убраны на холм, как множество дохлых собак; но в тихие часы ночи Чарльз Стивенс, сыновья и внуки Ребекки Сестры откопали ее и принесли останки домой, где уже

был приготовлен гроб. Миссис Стивенс и Кора Уотерс облачили тело в самые подходящие одежды. Все целовали холодное мертвое лицо любимой, пока она лежала в задней комнате, окна которой были зашторены, а снаружи стоял охранник. Затем тело поспешно похоронили в могиле, приготовленной в поле, где вскоре рядом с ней спал ее страдающий муж.

Учитывая столь ужасные события, можно лишь сделать вывод, что суеверие было в полном ходу.

ГЛАВА XV.

"ТВОЯ МАТЬ - ВЕДЬМА".

Это мрачная дикая местность, но зеленая и яркая.

В летнем тепле и свете полудня,
Здесь гудят пчелы и щебечут крапивники,
И журчание ручейка из старой долины.
И звон колокольчика из рассеянной стаи,
И тень от берега лежит прохладой на скале,
И свежее дыхание вольного ветра с запада.
Здесь ничто не говорит о смерти".
-Брайант.

Вскоре после ареста и заключения в тюрьму доброй жены Сестры в деревню Салем приехал преподобный Деодат Лоусон, видный бостонский священник. В то время все передвижения по земле осуществлялись на лошадях. Он поселился в доме Натаниэля Ингерсола рядом с домом священника мистера Пэрриса. Появление иностранца в деревне сразу же становилось сигналом для обращения новообращенного, и страждущие выставляли себя, чтобы убедить его в присутствии злых духов. Он пробыл в доме Ингерсола совсем недолго, когда дочь капитана Уолката Мэри пришла к нему и заговорила с ним. Она встретила его с улыбкой и выразила надежду, что путешествие было приятным.

Было уже поздно, и она стояла в дверях и желала всем доброго вечера, собираясь отправиться домой. Вдруг девушка издала дикий вопль и вскочила в дом, держась за запястье левой руки.

"В чем дело?" - спросил мистер Лоусон.

"Меня укусили за запястье", - закричала она.

"Конечно, вы не можете быть укушены, ведь я не видел ничего, что могло бы вас укусить".

"Тем не менее я укушена. Это ведьма укусила меня".

Все это время в квартире горела свеча, и мистер Лоусон знал, что никто не мог находиться в комнате без его ведома.

"Кто-то сильно укусил меня!" - всхлипнула девушка.

Мистер Лоусон взял свечу и, поднеся ее к запястью, увидел следы зубов, как верхних, так и нижних, на каждой стороне запястья. Он потерял дар речи от удивления и, поставив свечу на камин, заметил:

"Это загадка".

"Да, это так, - ответил лейтенант Ингерсол, - но вы еще не видели начала чудес колдовства в этой деревне. Сатана, несомненно, был отпущен на свободу на некоторое время".

"Я много слышал о тяжелых страданиях детей в доме мистера Пэрриса", - заметил мистер Лоусон.

"И они очень страдают, как я могу свидетельствовать. После чая мы пройдем к нему домой".

Мистер Лоусон согласился, и Мэри Уолкот была отправлена домой. После раннего чая мистер Лоусон отправился в пасторский дом, до которого было совсем недалеко. Мистер Пэррис встретил их у дверей. Его белое, трупное лицо, выдающиеся скулы, аквилинный нос, пронзительные глаза и дикие, взъерошенные волосы придавали ему странный, чудаковатый вид. Он тепло поприветствовал преподобного мистера Лоусона и поблагодарил его за то, что тот приехал из Бостона, чтобы проповедовать для него в следующий День Господень.

"Я так измучен своими многочисленными недугами, что не могу собраться с мыслями для проповеди".

"Я немного слышал о бедствиях и несчастьях, которые вас одолевают", - ответил преподобный Деодат Лоусон.

"Воистину, вы не могли услышать больше, чем произошло. Меня злословят, не понимают и повсюду преследуют враги Божьи".

"Встречайте это с молитвой и унижением", - ответил мистер Лоусон.

"Я так и делаю, и, воистину, Господь делает моих врагов подножием ног моих. Многие уже в тюрьме, а многие еще пойдут на виселицу". Пастор скрежетал зубами в безмолвной ярости, а его глаза сверкали ненавистью.

"Как поживают пострадавшие дети?" - спросил мистер Лоусон.

"Не лучше. Абигайль, иди сюда".

Абигайль Уильямс, племянница пастора, вышла из соседней комнаты. Это была девочка лет двенадцати, с красивым лицом, но хитрыми глазами, которые лишали ее невинности детства. Мистер Лоусон сразу же вступил с ней в разговор, но не успел он далеко зайти, как она издала пронзительный вопль и, обратив лицо к потолку, закружилась по кругу, а ее глаза, закатившись назад, сверкнули, как вспышки света. Рот ее перекосился на левую сторону лица, и вся ее фигура конвульсивно дергалась, пока она не упала на пол, где корчилась и билась, а изо рта у нее текла кровавая пена, пока мистер Лоусон в ужасе смотрел на нее. Затем она вскочила на ноги и, несмотря на все попытки ее удержать, яростно забежала по комнате. Иногда она делала движения, как будто хотела взлететь, поднимая руки вверх, как только могла, и опуская их вниз, крича:

"Уиш! Уиш! Уиш!".

Вскоре она начала говорить странным, истеричным и полубезумным тоном.

"Вот и добрая сестра!" - кричала она. "Разве вы не видите ее? Вон она стоит!" - и девушка указала на свободный угол комнаты. Ее взгляд, казалось, был прикован к какому-то предмету, который постоянно двигался. После недолгого молчания Эбигейл Уильямс сказала:

"Вот, она предлагает мне подписать книгу, но я не возьму ее, добрая сестра! Не возьму! Не возьму! Не возьму! Я не знаю, что это за книга. Я уверен, что это не Божья книга. Это книга дьявола, насколько я знаю".

Затем она на мгновение замерла с закрытыми глазами и сложенными на груди руками, после чего побежала к камину, стала разбрасывать по дому огненные метелки и забегать в камин, прижимаясь спиной к стене, как будто собиралась залезть в дымоход. Они схватили ее и вытащили наружу.

"В этом нет ничего необычного, - объяснил мистер Паррис. "В других случаях дети пытались броситься в огонь".

Мистер Лоусон не стал долго задерживаться в доме пастора, а вернулся в дом лейтенанта Ингерсола.

Когда наступило воскресенье, мистер Лоусон отправился в церковь проповедовать. Несколько страдальцев были "на собрании", так как считалось, что страдальцы должны находиться в доме Божьем. Поэтому, пока человек мог ходить в церковь, его брали, независимо от того, какие душевные болезни у него были. Миссис Поуп, добрая жена Биббер, Абилай Уильямс, Мэри Уолкут, Мэри Льюс и служанка доктора Григга, все из которых были заколдованными людьми, по сообщениям достоверных историков, присутствовали на этой службе "Дня Господня". Там же присутствовала и добрая жена Кори, которая впоследствии была арестована как ведьма.

Во время молитвы мистер Лоусон был прерван криками и борьбой страждущих, а голос рядом произнес:

"Подходит!".

Он продолжал молиться о том, чтобы Господь избавил их от мучений, а Чарльз Стивенс, находившийся в доме, заявил, что их избавит кнут. После молитвы, как обычно, пропели псалом, а затем Эбигейл Уильямс, повернувшись к проповеднику, громким, грубым голосом сказала:

"Теперь встаньте и назовите свой текст!".

После того как он назвал свой текст, она сказала:

"Это длинный текст".

Едва он начал свою проповедь, как миссис Поуп, одна из страждущих женщин, воскликнула:

"Ну, хватит об этом".

"Этих сумасшедших нужно держать подальше от дома молитвы", - заявил Чарльз Стивенс своему соседу.

Преподобный мистер Лоусон, не привыкший к таким перерывам, был очень раздражен и вынужден был часто делать паузы в своей проповеди. Гудвиф Кори присутствовал в это время, и Эбигейл Уильямс в разгар проповеди воскликнула:

"Смотрите! Смотрите, где добрая жена Кори сидит на балке и сосет свою желтую птичку между пальцами!"

На это Энн Патнэм, дочь Томаса Патнэма, сказала:

"Желтая птичка сидит на шляпе мистера Лоусона, где она висит на булавке на кафедре".

Те, кто сидел ближе всех к девушкам, пытались удержать их от громких разговоров, но все было напрасно, так как, несмотря на все предосторожности, они время от времени выбалтывали какую-нибудь нелепую чушь, которую люди относили к результатам колдовства.

"Чарльз Стивенс, что вы скажете теперь, когда ваши глаза стали свидетелями этих мерзостей?" - спросил Джон Блай.

"Я скажу, что, будь моя воля, я бы их вылечил", - ответил юноша.

"Как бы вы это сделали?" спросил Блай.

"Хорошим кнутом по плечам".

"Остерегайся, Чарльз Стивенс, так легкомысленно отзываться об этих недугах, чтобы не навлечь на себя осуждение тех, кто живет на Ведьмином холме".

Есть духи настолько смелые, что они одолевают и запугивают даже разъяренное население. Смелость Мартина Лютера не раз спасала его, и нечто подобное позволило Чарльзу Стивенсу одолеть или победить заблуждающихся жителей Салема.

Через несколько дней после казни Гуди Нерс он проходил мимо дома собраний, когда к нему обратился вест-индский негр Джон.

"Ты не веришь в ведьм?" - спросил Джон.

"Нет".

"Добрая сестра принесла мне книгу".

"Джон, я считаю, что ты солгал. Я считаю, что ты лжесвидетельствовал и отправил свою душу на бесконечные муки", - ответил Чарльз Стивенс. Джон был хитрым плутом и решил дать ему доказательство силы колдовства. Он упал в припадке, и Чарльз прикладывал к нему свою трость, пока тот не убежал с воплями и не исцелился, а Чарльз, испытывая отвращение к чернокожему африканцу, оставил его и поспешил прочь из деревни.

Чарльз Стивенс больше всего любил гулять по берегу ручья и среди огромных старых дубов. Его ум был сильно встревожен, и, как все великие умы, когда они были озадачены, он искал уединения. Он заходил все дальше и дальше в лес и садился на большой камень. Недавний суд над Гуди Нерс, ее осуждение и казнь взволновали его душу. Он не мог понять, как люди, цивилизованные и просвещенные, могут быть так обмануты тем, что для него было так очевидно.

Чарльз знал, что все они не были бесчестны в своих убеждениях. Он даже верил, что некоторые участники этой трагедии были искренни, но их слишком убедил мистер Пэррис, которого он считал главным виновником всего этого.

Он долго сидел, гораздо дольше, чем предполагал, размышляя о прошлом и строя планы на будущее, как вдруг услышал шаги, приближающиеся к нему. Подняв голову, он увидел

молодого индейского храбреца с одеялом, обернутым вокруг плеч, и с луком в руке. Его голова была украшена пучком перьев, а лицо разрисовано всеми великолепными оттенками дикарского варварского искусства. Он узнал Чарльза Стивенса и, подойдя к нему с улыбкой, протянул руку, сказав:

"Мой белый брат несчастлив. Что заставило его грустить?"

Индеец хорошо разбирался в людских характерах, и на лице молодого белого человека он прочел выражение печали.

"Белые люди Салема очень злые, Оракус, - сказал Чарльз. "Они жестоки не только к своим краснокожим братьям, но и к белым. Они забирают старых и беспомощных, слабых и бесприютных и предадут их смерти".

Молодой дикарь сложил руки на массивной груди и долго стоял в молчании. Его глаза были устремлены в землю, а черты лица не выражали никаких эмоций. Его народ терпел обиды от рук белых людей, но в этом человеке он нашел искреннего, верного друга.

Между Чарльзом и храбрецом существовали братские узы, прочные как жизнь. Молодой вождь поинтересовался, что было сделано в деревне, и Чарльз принялся рассказывать ему, как можно короче, об аресте, суде и казни Гуди Нестер и других. Когда он закончил эту страшную историю, молодой вождь накинул на плечи свое одеяло и сказал:

"Я твой друг, и если твои белые братья окажутся лживыми, помни, что твой красный брат будет правдивым".

"Я верю тебе, Оракус".

"Я провел одного белого брата по тропинкам, подальше от его врагов, а Оракуса ты всегда найдешь в его лесном доме, готового подружиться с тобой".

"Возможно, придет время, когда мне понадобится твоя помощь", - сказал Чарльз Стивенс.

После долгой беседы он поднялся и отправился домой. Он уже подошел к большому мосту, перекинутому через ручей, как вдруг наткнулся на высокого, мощного мужчину, по бледному лицу и кавалерийским манерам которого было видно, что он житель южных колоний. Чарльз сразу же узнал в нем мистера Джоэла Мартина, человека, которого он видел в ту ночь вместе с мистером Пэррисом, Блаем и Лаудером, пришедшими арестовывать отца Кору.

"Вы Чарльз Стивенс?" - спросил виргинец, остановившись перед юношей.

"Я не хочу отрекаться от своего имени, ибо оно принадлежит честному человеку; я - Чарльз Стивенс", - ответил он.

"Вы знаете, кто я?"

"Я подозреваю, что вы тот, кого я видел у себя дома, хотя вашего имени я не знаю".

"Я Джоэл Мартин, по профессии надсмотрщик на плантации в Виргинии. Нас было двое, мой брат и я. Он был надсмотрщиком на соседней плантации, когда однажды сбежал раб. Он погнался за ним и был убит".

"Я слышал эту историю", - перебил Чарльз.

"Слышали? И из его собственных уст?"

"Слышал; и я не виню человека, который искал свободы. Он был белым человеком, как и вы сами. Он не совершил никакого преступления, кроме того, что был арестован как один из повстанцев Монмута и попал в плен, находясь в рядах мятежников".

Глаза Мартина вспыхнули яростью, и хриплым голосом он прошептал:

"Вы помогли ему бежать, но это не поможет. Я много лет шел по его следу и не отпущу своей хватки, пока не приведу его на эшафот. Нет, кровь моего брата вызывает к отмщению, и я буду день и ночь преследовать его по бескрайним лесам, пока не призову отступника к ответу. Он не сможет спрятаться так глубоко в лесу, не сможет скрыться среди диких племен, не сможет зарыться так глубоко в землю, но я найду его".

Чарльз Стивенс отвернулся и пошел к дому, когда высокий виргинец несколькими быстрыми шагами догнал его и, положив руку ему на плечо, сказал:

"Вам не хочется слушать эти угрозы, но я еще не закончил с вами. Послушай, я хочу сказать еще. Если ты попытаешься помешать мне, я убью тебя. Ты слышишь?"

"Я вас не боюсь, мистер Мартин", - вскричал Чарльз Стивенс, бросив на высокого смуглого южанина взгляд, заставивший его вздрогнуть. "Ваша профессия - жестокость. Вам чуждо милосердие, но я брошу вам вызов. Я вас не боюсь, и, если вам нужна моя жизнь, лучше позаботьтесь о своей собственной".

Чарльз смело ушел, оставив потрясенного виргинца пылать и бушевать в одиночестве. Когда Чарльз спешил домой, над деревней Салем быстро сгущались сумерки, и, подойдя к дому, он с изумлением увидел огромную толпу людей, выходящих из дверей. Юноша ускорил шаг, с трудом понимая, спит он или бодрствует. Навстречу ему бежал раб-негр, крича:

"Масса! Масса! Масса!"

"Что случилось?" - спросил Чарльз.

"Um tuk um away! Dey tuk um off!"

"Кто?"

"Yo mudder."

"Моя мама! О, Боже!" Чарльз Стивенс быстро, как косуля, побежал к толпе, которая уже почти достигла тюрьмы.

"Что это значит?" - спросил он у Джона Блая, которого встретил возле тюрьмы.

"Твоя мать - ведьма", - ответил Блай.

"Ты лжешь!" - вскричал Чарльз и одним быстрым, уверенным ударом свалил клеветника без чувств к своим ногам.

"Держись, Чарльз Стивенс! Стойте! Не спешите, иначе ей может стать хуже", - прошептал добрый голос рядом с ним, и, повернувшись, он увидел печальное лицо Джона Нерса. Он испил горькую чашу до дна и мог что-то посоветовать. Мир, казалось, плыл глазах Чарльза Стивенса. Он попытался броситься к толпе, которая, как он видел, тащила в тюрьму его мать и Кору Уотерс, но тщетно. Ноги отказывались нести его. Он попытался крикнуть, но голос его не выдержал, и все погрузилось во мрак.

ГЛАВА XVI.

ПОБЕГ И БЕГСТВО.

Приди, отдохни на этом лоне, мой страдающий олень,
Хотя стадо бежит от тебя, твой дом все еще здесь:
Здесь улыбка, которую не омрачат никакие тучи,
И сердце, и рука - все твои до последнего.
-Мур.

Когда Чарльз Стивенс пришел в себя, он лежал на кровати, и над ним склонились добрые лица. С самого начала он ощущал гнетущий груз проблем, но не мог понять, что произошло. Как человек, пробуждающийся от тревожного сна, он пытался собрать свои разрозненные способности и вспомнить, что произошло. Как удар судьбы, ужасная истина обрушилась на него, и он вскочил на ноги. Он находился в доме лендлорда Нерса, а вокруг него стояли бледные, печальные, полные ужаса лица старого джентльмена, его сыновей и дочерей. Они настигли Чарльза прежде, чем он успел дойти до двери.

"Моя мать!" - вскричал молодой человек.

"Нет; ты не можешь сделать ей ничего хорошего, совершив опрометчивый поступок!" Джон Нерс ответил.

"Расскажите мне обо всем. Я буду сидеть здесь и слушать", - сказал Чарльз, обнаружив, что не может оторваться от своих друзей.

"Твою мать и Кору Уотерс объявили ведьмами, выдали ордера и арестовали. А теперь соберитесь с силами и действуйте по здравому размышлению. Подумайте, что вы будете делать".

Чарльз Стивенс склонил голову на руки и долго и серьезно размышлял над тем, как поступить. Он вспомнил слова Оракуса, храброго молодого вождя, который мог собрать сотню воинов. Он был хитер и мог придумать какой-нибудь план побега, и Чарльз долго не решался, что делать. Он не собирался действовать поспешно. Он будет в отчаянии, но в этом отчаянии будет хладнокровие и обдуманность.

Он пообещал друзьям сохранять спокойствие, заверив их, что будет осторожен в выражениях, а затем стал добиваться беседы с матерью и Корой. Прошло три дня, прежде чем беседа состоялась. Он нашел их в отвратительных камерах, каждая из которых была прикована к стене. Допрос был долгим, и именно таким, каким он и мог быть, - полным горя и отчаяния. Чарльз пытался надеяться. Он пытался разглядеть хоть лучик солнца, но перед ним представляли лишь колышущиеся формы тех, кто был повешен на Ведьмином холме.

Даже если он призовет Оракуса и всех его храбрецов, хватит ли у них сил, чтобы выломать железную дверь или разорвать цепи! В отчаянии Чарльз решил спасти любимых или умереть в этой попытке. Он ушел, рыдая.

Он не вернулся домой. Этот дом был пустынным, одиноким и так напоминал могилу, что он не смел к нему приблизиться. В доме своего доброго друга он написал родственникам из Нью-

Плимута, Бостона, Нью-Йорка, Вирджинии и Каролинии. Ко всем он обращался за помощью, ибо Чарльз был полон решимости перевернуть небо и землю, чтобы спасти мать и Кору; но он полагался не столько на этих далеких родственников и друзей, сколько на сумрачных друзей в лесу. Он знал, что, прежде чем ответы придут на его письма, он будет мертв, или же его усилия увенчаются успехом. Однако даже если его убьют в результате неудачной попытки, он надеялся, что его родственники возобновят борьбу за пленников.

"Где отец Кору?" - спрашивал он себя. "Если бы я только нашел братьев Уотерс, у меня было бы два друга и союзника, чтобы помочь мне. О, Небеса, дайте мне свет! Дай мне свет!"

Чарльз Стивенс, как и все истинные христиане, в этот темный час обратился за помощью к Богу. Стоя на коленях, он молился так, как не молился никогда прежде. Казалось, он ухватился за престол благодати и с верой, укрепленной и обновленной, черпал вдохновение для своей отчаянной решимости из единственного живого источника. Вооружившись винтовкой и пистолетами, он покинул деревню и отправился в лес. Лес внушает человеку благоговение и любовь к Богу. Гигантские деревья, глубокие прогалины, мох, папоротники и прохладные тени, кажется, дышат вечностью. Чарльз Стивенс всегда любил темные старые леса, но никогда они не казались ему такими дружелюбными, как в этот раз, когда они укрыли его от людских взглядов.

Одиночество предлагало ему свои прелести. Зефиры пытались успокоить его печали своим нежным шепотом, птицы пели для умиротворения его беспокойного духа, а журчащие ручейки стремились сделать его веселым; но кто может быть веселым, когда близким угрожает страшная опасность? Чарльз Стивенс почти не видел красоты природы. Его глаза искали в лесах сумрачные формы, которые он надеялся встретить. Сумрачные сыны леса нечасто становились желанными гостями, но Чарльзу так хотелось увидеть перья и раскрашенные лица этих язычников, как будто они были братьями.

Весь день он провел в блужданиях по лесу, забыв подкрепиться, поскольку не взял с собой никакой еды, да и вообще не думал есть с момента ареста матери и Кору.

Он был слаб и вял, а руки его дрожали. Он не был голоден, но силы его покидали, и он понял, что поступил глупо, не обеспечив себя едой.

Наступил вечер, и он опустился на мшистый берег ручья и выпил несколько глотков воды, чтобы восстановить силы. Звезды выходили одна за другой.

По счастливой случайности он поднял глаза от отчаяния и, вглядываясь в лес за ручьем, увидел свет. Чарльз с трудом поднялся на ноги и огляделся, как человек, к которому внезапно вернулась жизнь.

"Возможно, это индейцы!"

Он бросился в ручей, перешел его вброд и стал пробираться через лес к свету. Он оказался гораздо дальше, чем он предполагал вначале, и до костра он добирался несколько минут.

Десять сумрачных сынов леса сидели у костра, а двое мужчин в одежде цивилизации бродили вокруг. Обнаружив в лагере людей своего цвета, Чарльз поначалу почувствовал некоторое недоверие. Он переползал от дерева к дереву, от бревна к кусту, пока не оказался достаточно близко, чтобы разглядеть их черты. Когда он впервые оказался в поле зрения, они стояли к нему спиной, и он не мог разглядеть их лиц; но наконец один из них повернулся так, что блики костра упали ему на лицо, и с радостным криком Чарльз Стивенс вскочил на ноги, воскликнув:

"Мистер Уотерс! Мистер Уотерс!" и бросился к лагерю.

Пара сильных рук обхватила его за талию, и юноша услышал голос, сказавший:

"Белый человек слишком рано ушел!"

Его схватил часовой, но мистер Уотерс и Оракус поспешили к нему, и его отпустили. Другой белый был братом мистера Уотерса, и Чарльза, растерянного, обрадованного, но слабого и немощного, наполовину вели, а наполовину несли в лагерь. Он начал торопливо объяснять, пока дикарь жарил для него на костре стейки из оленины.

"Мы все знаем", - сказал мистер Джордж Уотерс.

"Что! Вы знаете, что их окликнули?" - спросил Чарльз.

"Знаем".

"А вы знаете, что они в тюрьме?"

"Мы все слышали", - спокойно ответил мистер Уотерс.

"Как вы могли это услышать?" - спросил Чарльз.

"У нас есть верные друзья, которые сообщают нам обо всем".

"Вы собирались принять меры по их спасению?" - спросил Чарльз.

"Мы согласовывали планы, когда вы пришли; но вам нужно поесть".

Чарльз Стивенс смотрел на спокойное лицо человека, стоявшего перед ним, и не мог не удивляться его хладнокровию.

"Мистер Уотерс, знаете ли вы, что ваша собственная дочь - одна из обвиняемых?"

"Я все знаю".

"Как вы можете быть таким спокойным, зная все, что знаете?"

"Я спокоен ради моей дочери. Единственная надежда на ее освобождение, на спасение ее жизни - это хладнокровные, обдуманные и хорошо продуманные планы".

"Ваши планы сформированы?"

"Да".

"Когда вы начнете действовать?"

"Завтра вечером. К этому времени Оракус соберет всех своих воинов, и нам понадобятся ломы, молотки и топоры, чтобы взломать дверь тюрьмы. А пока, если вы рассчитываете нам помочь, вам нужно подкрепиться, поесть и попить и немного поспать. Вы выглядите так, словно не спали несколько недель".

"Я почти не спал".

"Ваше поведение глупо. Если ты любишь свою мать, ты должен отдать все силы тела и разума на ее спасение".

Чарльз съел немного жареной оленины и лег спать.

Он был так измучен, что проснулся только тогда, когда его разбудил шум разбиваемого лагеря.

В лагере находился еще один белый человек. Его руки были связаны за спиной, а сам он был привязан к дереву. Его бледный цвет лица и угловатые черты были знакомы Чарльзу Стивенсу. Пленника звали Джоэл Мартин.

"Двое индейцев схватили его прошлой ночью, - объяснил Джордж Уотерс. "Он бродил по лесу, и они схватили его".

"Что вы собираетесь с ним делать?" - спросил Чарльз. спросил Чарльз.

"Мы не причиним ему вреда, если нас не заставят", - ответил мистер Уотерс.

"Надеюсь, вас не заставят", - сказал Чарльз Стивенс.

"Я молюсь об этом; но мы должны защитить себя и тех, кого хотим спасти".

"Я вижу, что в лагере гораздо больше индейцев, чем было здесь вчера".

"Да."

"Это друзья?"

"Они храбрецы Оракуса и пойдут туда, куда он поведет".

Чарльз Стивенс провел тревожный день. Часть времени он находился достаточно близко к Джоэлу Мартину, чтобы слышать, как тот бормочет:

"Я не боюсь Джорджа Уотерса, раба с галеры . Вы можете отдать меня своим языческим головорезам, но я брошу вам вызов. Если я останусь жив, я еще привлеку вас к суду за убийство моего брата".

"Мистер Мартин, вы забыли, что слово Божье гласит: "Мечь Моя, и Я воздам, говорит Господь", - вставил Чарльз.

"Я стану орудием возмездия".

"Вы находитесь во власти мистера Уотерса".

"На данный момент да".

"Не кажется ли вам, что вам следует быть осторожнее, угрожая ему, ведь вы в его власти".

Чарльзу не удалось запугать дерзкого виргинца. Он был в ярости, и никакие угрозы наказания не могли сдвинуть его с места.

В течение дня к ним присоединилась еще дюжина индейцев. Теперь краснокожих насчитывалось восемьдесят человек, и к полудню вся партия двинулась в сторону Салема.

В сумерках они были всего в пяти милях от деревни. Здесь был объявлен привал, и после короткого совещания Оракус выделил пятерых своих храбрецов для охраны мистера Мартина, а сам с остальными двинулся через холмы и лес в сторону Салема.

"Что они с ним сделают?" - спросил Чарльз. спросил Чарльз.

"Отпустят его, когда мы покинем деревню".

"Мистер Уотерс, а вы не будете оправданы, если убьете его?"

"Нет".

"Почему нет? Он убьет вас, если сможет".

"Никто не вправе убивать пленника, и я никогда этого не сделаю. На моих руках больше не будет крови, если только я не буду защищать ее. Ради нее я убил другого, и только ради нее моя рука когда-нибудь поднимется на моего товарища".

"Даже в целях самозащиты?"

"Нет, Бог мне судья, моя рука никогда не поднимется даже для защиты этой жалкой жизни. Я живу только ради своего ребенка, а когда ее не станет, мне будет все равно, как скоро меня призовут. Я знаю только горе с тех пор, как..."

Он не закончил фразу, а отвернулся.

Когда они въехали в Салем, была уже глубокая ночь. Дома были темны и безмолвны. Ни из одного окна не было видно света, и город казался заброшенной деревней. Вокруг царила серьезность без волнения. Все было сделано в идеальном порядке. Первым делом мужчины направились в кузницу, где несколько человек обзавелись топорами, тяжелыми ломами и санями.

"Объясните своим воинам, что ни при каких обстоятельствах они не должны проливать кровь", - сказал мистер Джордж Уотерс.

Пока Оракус отдавал этот приказ своим храбрецам, мистер Уотерс с помощью зажженного соснового сучка нашел пару холодных долот, которые и присвоил.

Затем отряд в полном порядке двинулся к тюрьме. Не было ни излишней спешки, ни нервного возбуждения. Все выглядели так спокойно, словно шли на банкет в качестве приглашенных гостей.

Ноги индейцев, обутые в мокасины, почти не шумели по земле, когда они шли вперед. Мистер Генри Уотерс нес в руке прочный железный прут, а двадцать индейцев несли на плечах тяжелое полено дерева.

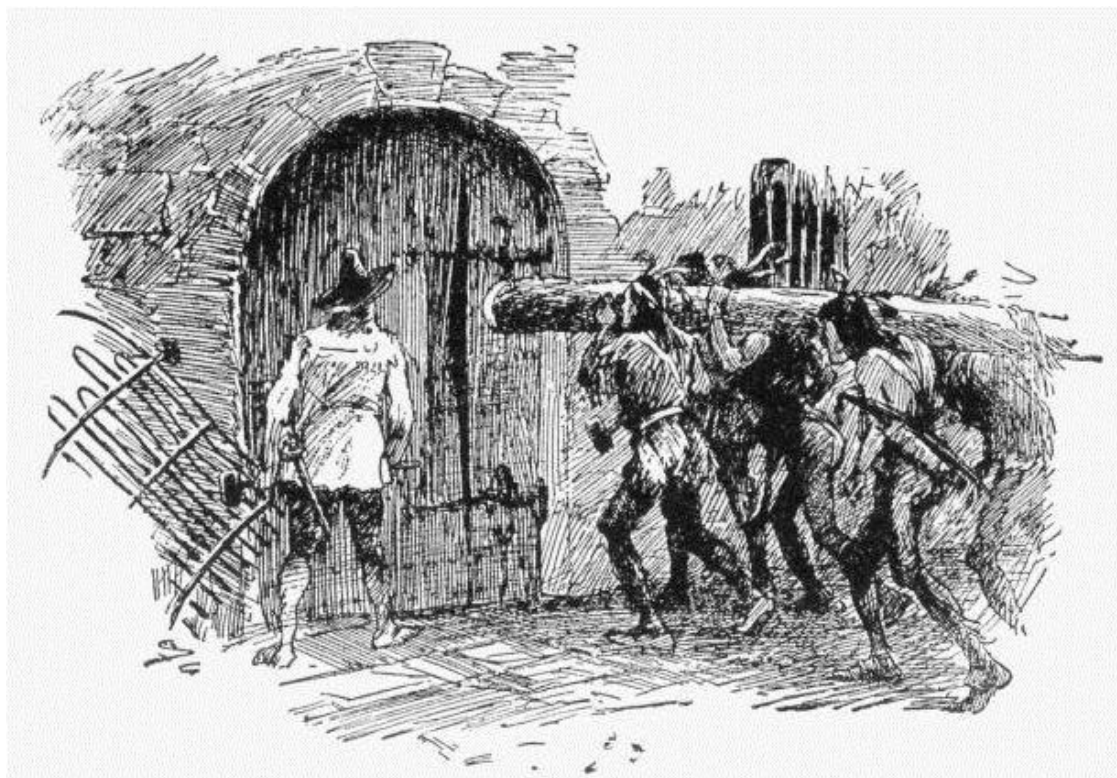
По команде Оракуса остальные выдвинулись во фланг и в качестве охранников. Они получили строгий приказ никому не причинять вреда, но, если кто-то попытается приблизиться к ним, они должны были схватить и задержать таких людей.

До тюрьмы добрались. Длинная низкая каменная стена с железными воротами возвышалась перед решительно настроенными людьми, словно угрюмое чудовище. Мистер Генри Уотерс просунул под железные ворота тяжелый железный прут, который он нес, и сорвал их с петель.

Затем Джордж Уотерс и Чарльз подняли свои сани, а дикари с тяжелым деревянным поленом, как тараном, ударили по двери. В тот же миг они ударили по ней своими санями.

Раздался оглушительный треск, и тюрьма содрогнулась до самого основания. И снова, и снова, и снова эти громовые болты обрушивались на железную дверь. Несчастные заключенные, не зная цели этой ужасной атаки, подняли вой, который был слышен выше громовых раскатов. Дверь, как ни была она крепка, не смогла долго выдержать такого натиска. Она с треском распахнулась и упала в коридор.

Испуганный тюремщик вскочил с кровати, но тут его схватила и удержала пара раскрашенных сынов леса. Других, кто пытался вмешаться, схватили и держали в железных лапах.

Тюрьма содрогнулась до самого основания.

Не успела дверь тюрьмы сорваться с петель, как Джордж Уотерс и Чарльз Стивенс, у каждого из которых было по зубилу и молотку, бросились рубить цепи заключенных.

"Мама! Мама! Где ты?" - кричал Чарльз.

Ему пришлось позвать несколько раз, прежде чем испуганная женщина смогла ответить. Затем из темноты послышался слабый отклик. Он стал пробираться в темноте. Он нашел дверь камеры, открыл ее и подошел к женщине.

В этот момент кто-то зажег факел внутри тюрьмы. Перед ними открылась дикая, странная и ужасная сцена. Заключенные были почти доведены до безумия внезапным появлением дикарей и цивилизованных освободителей.

Чарльз Стивенс, орудуя зубилом и молотком, быстро разрубил цепи своей матери и поспешил освободить Кору. Ее отец держал свет, пока перерезал железную цепь.

"Свобода! Свобода!" - кричал взволнованный Чарльз. "Отпустите нас, пока не поднялся весь город!"

"Нет", - ответил мистер Джордж Уотерс, - "пока не останется пленница, которая будет страдать от гнева предрассудков".

Затем, орудуя зубилом и молотком, он переходил от одного к другому и разрезал железные ленты, сковывавшие их.

Оракус и Генри Уотерс присоединились к нему в деле освобождения, пока все не были освобождены.

Это заняло несколько мгновений, а беспорядок и шум, который им пришлось устроить, будоражил город.

Мистер Пэррис, полуодетый, бегал босиком по городу, размахивая длинными руками и крича, что воздушные козни сговорились освободить заключенных. Его слова и дикая, фанатичная манера поведения скорее усиливали страх жителей Салема, чем уменьшали его. Затем по деревне разнеслась весть о том, что индейцы напали на город, и люди, пробудившись от полуночной дремоты, увеличили число нападавших в десять раз к одному.

"Кора! Мама!" - прошептал Чарльз, - "Сюда!".

Он взял каждого за руку и побежал от тюрьмы по улице.

За ним последовали остальные.

"Летите! Все вы! Спасайте свои жизни!" - кричал Генри Уотерс, который теперь, когда его работа была закончена, отбросил в сторону свой железный засов и сани.

По команде Оракуса его воины образовали вокруг беглецов полый квадрат и устремились прочь так быстро, как только могли.

Все были в недоумении. Все, выбегая на улицу, спрашивали:

"Что случилось? Что случилось?"

"Они спасают заключенных", - дико кричал мистер Пэррис. "Вы не видите, как они спешат с ними".

Он бросился к шерифу и закричал:

"Будьте здоровы! Разве вы не видите, что они уводят ваших пленников?"

"У меня нет помощников", - ответил шериф. "Их сотни, и с ними индейцы".

"Глупости! Они только переодетые, и их не дюжина. Идемте! Я пойду с вами".

Четверо или пятеро прохожих, ободрившись, предложили пойти самим и помочь вернуть пленников.

"Идемте! Я поведу вас!" - вскричал нетерпеливый проповедник, позволив своему рвению победить благоразумие.

Они бросились за беглецами, и мистер Пэррис, то ли более ревностный, чем остальные, то ли более быстрый, обогнал их и, ускользнув от нескольких индейцев, пытавшихся его перехватить, прибежал туда, где Чарльз Стивенс наполовину вел, а наполовину тащил свою мать и Кору из деревни.

"Огненное пекло! Вам от меня не уйти", - крикнул мистер Пэррис, схватив Кору за плечо с такой силой, что она вскрикнула.

Чарльз отпустил мать и Кору и, схватив мистера Пэрриса за горло, повалил его на землю и поднял молоток, чтобы ударить его; но в этот момент сильная рука схватила его за руку, и спокойный, добрый голос мистера Уотерса сказал:

"Не дергайся, Чарльз. Не причиняйте ему вреда".

В следующий момент пара сумрачных рук схватила мистера Пэрриса, и его поспешно увели в тыл. Мистер Генри Уотерс выстрелил в воздух из нескольких пистолетов, чтобы запугать преследователей. Это возымело желаемый эффект, и упоминания об индейцах было достаточно, чтобы все бросились защищать свои дома.

Беглецы добрались до леса прежде, чем шериф и мистер Пэррис смогли пустить в погоню вооруженный отряд.

Они преследовали их до ручья и дали по ним залп, но безрезультатно. Число обвиняемых, сбежавших в ту ночь, оценивается от двадцати до ста человек.

ГЛАВА XVII.

СО СКОВОРОДЫ В ОГОНЬ.

Как высоко бежал теплый, красный поток,
между пламенем, освещавшим небо;
Но за каждую каплю вооруженный человек
Поднимется, чтобы освободить землю, или умрет.
-Брайант.

Освобожденные пленники отправлялись куда им заблагорассудится. Одни отправились в Бостон, другие - в Плимут, многие - в Нью-Йорк, Нью-Джерси и Мэриленд, а некоторые вернулись в Англию. Они были утомлены своим опытом в Новом Свете и были довольны тем, что провели свои дни в Англии.

Чарльз Стивенс крепко держался за свою мать и Кору, пока не стало ясно, что их преследователи, по крайней мере, на данный момент, отказались от погони. Они шли по лесу, пока к ним не присоединились пятеро дикарей, оставленных охранять Джоэла Мартина. Мартина с ними больше не было. Чарльз не стал спрашивать, что с ним стало, поскольку был полностью поглощен безопасностью Кору и матери.

КАРТА СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Индейцы и братья Уотерс совещались. Чарльз не принимал в них никакого участия, поскольку не знал, что посоветовать. Затем индейцы провели их несколько миль по лесу. Лес был темным и мрачным, и лишь безмолвные звезды освещали им путь, пока запоздавшая луна, взошедшая в поздний час, не залила пейзаж серебристым светом.

Рассвело, и они оказались в диком, живописном лесу, со всех сторон которого возвышались холмы и стояли огромные дубы. Здесь они снова остановились, чтобы посоветоваться. Оракус, раздав им всю провизию, которая у него была с собой, взял своих воинов и скрылся в лесу.

Джордж Уотерс и его брат посоветовали беглым пленникам съесть немного сушеной оленины и пересохшей кукурузы и поспать. Они так и сделали. Индейские одеяла на земле служили им постелью, а единственным прикрытием было небо.

Чарльз спал до самого полудня, а потом его разбудил топот лошадиных ног. Поднявшись, он обнаружил трех индейцев с пятью лошадьми, оседланными и взнузданными. Индейцы принадлежали к храбрецам Оракуса, и, не говоря ни слова, они разобрали лошадей, передали их англичанам и скрылись в лесу.

Через несколько мгновений белые люди уже сидели на лошадях и уезжали по одной из узких тропинок, известных только братьям Уотерс.

Душа Чарльза Стивенса была слишком полна, чтобы он мог обращать внимание на то, какой путь они выбрали. Его мать и Кора были свободны, хотя ему и не снилось, что они бегут от одной опасности к другой. Однажды ночью они прибыли в дом мистера Дастина, расположенный неподалеку от Хаверхилла в штате Массачусетс. Выслушав их историю, пограничник сказал:

"Добро пожаловать, мои гонимые друзья, под мой кров, пока он может дать вам хоть какую-то защиту; но военные тучи, похоже, с каждым мгновением становятся все мрачнее и мрачнее, и я не знаю, как долго мой кров будет давать кому-то защиту".

Чарльз Стивенс был так занят своими заботами и горестями, что забыл о том, что на границе бушует страшная индейская война. Эта война была известна как война короля Вильгельма, в которой французы вместе с индейцами обрушили огонь и меч на жителей Новой Англии и Нью-Йорка. Французы и англичане давно завидовали друг другу, и нет нужды описывать все катастрофические события, которые привели к ужасному нападению на Хаверхилл, где остановились беглецы из Салема.

В качестве первого из основных нападений во время войны короля Вильгельма мы упомянем атаку на Скенектади. Это было сделано во исполнение плана, принятого графом Фронтенаком, тогдашним губернатором Канады, как средство отомстить английским колониям за обращение с королем Яковом, свергнутым Вильгельмом и Марией, которое вызвало негодование хозяина Фронтенака, Людовика XIV. Пока Нью-Йорк раздирали внутренние распри из-за Лейслера, губернатор Канады снарядил три экспедиции против колоний, а в середине зимы одна была отправлена против Нью-Йорка. Нападение на Скенектади стало плодом этой экспедиции. Оно было совершено партией, состоящей из двухсот французов и пятидесяти индейцев каунивага, под командованием Моле и Сент-Элена в 1689 и 1690 годах.

Скенектади был построен в форме продолговатого квадрата с воротами по обеим сторонам. Враг обнаружил, что одни из ворот не только открыты, но и не охраняются. Несмотря на то, что город был обнесен забором и мог быть защищен, об опасности думали так мало, что никто не счел нужным закрыть ворота. Погода была очень холодной, и англичане не предполагали, что будет предпринято нападение.

Было одиннадцать часов тридцать минут субботнего вечера, 8 февраля 1690 года, когда враги вошли в город, разделились на отряды, перебили все порталы и начали атаку с ужасным военным криком. Мауле напал на гарнизон, где было оказано единственное сопротивление. Вскоре он взломал ворота, перебил солдат и сжег гарнизон. Один из французских офицеров был ранен при форсировании дома; но на помощь ему пришла Святая Елена, дом был взят, а все, кто в нем находился, преданы мечу.

Теперь не было видно ничего, кроме резни и грабежей со всех сторон, а над несчастными жителями творились самые ужасающие варварства.

"Шестьдесят три дома и церковь были немедленно охвачены пламенем", - пишет один из современников. Слабые женщины в предсмертных муках видели, как их младенцев бросали в пламя или на их глазах разрывали на части. Шестьдесят три человека были убиты, а двадцать семь уведены в плен.

Нескольким людям удалось спастись, но, не имея достаточной одежды, некоторые погибли от холода, не дойдя до Олбани.

Около полудня следующего дня враги покинули опустевшее место, забрав с собой ту добычу, которую смогли унести, и уничтожив все остальное. Маулет намеревался пощадить министра, так как хотел взять его в плен; но его нашли среди растерзанных мертвецов, а его бумаги сожгли. Два или три дома удалось спасти, а остальные были преданы огню.

Не было видно ничего, кроме резни и грабежей со всех сторон.

Из-за ужасного состояния дорог и глубокого снега весть о резне не доходила до великого ирокезского замка, расположенного всего в семнадцати милях, в течение двух дней. Получив страшную весть, вооруженный отряд сразу же отправился в погоню за врагом. После долгого утомительного марша по снегу и лесу они настигли их с тыла, и завязалась яростная схватка, в которой около двадцати пяти человек были убиты и ранены.

Второй отряд французов и индейцев был направлен против восхитительного поселения Салмон Фоллс на реке Пискатакуа. В Трех реках Фронтенак снарядил экспедицию из пятидесяти двух человек и двадцати пяти индейцев, во главе которой стоял сьер Эртель. В

этой небольшой группе у него было три сына и два племянника. После долгого и трудного марша Эртель достиг этого места 27 марта 1690 года. Его шпионы разведали обстановку, и он разделил своих людей на три роты, возглавив самую большую. Как раз на рассвете была предпринята атака. Англичане упорно сопротивлялись, но не смогли выдержать меткого огня нападавших. Тридцать самых храбрых защитников пали. Остальные, в количестве пятидесяти четырех человек, были взяты в плен. Двадцать семь домов англичан превратились в пепел, а в сожженных амбарах погибло две тысячи домашних животных.

Третий отряд, снаряженный в Квебеке по указанию Фронтенака, совершил нападение на Каско в штате Мэн. Командовал экспедицией М. де Портноф. Гертель, возвращаясь в Канаду, встретился с этой экспедицией и, соединив ее с войсками под своим командованием, вернулся на место военных действий, в которых он имел столь несчастливый успех. Когда враждебная армия проходила через страну абенакисов, многие из них присоединялись к ней. Портноф, пополнив таким образом свои силы, прибыл в окрестности Каско около 25 мая 1690 года. На следующую ночь англичанин, вошедший в хорошо подготовленную засаду, был схвачен и убит. Это так взволновало индейцев, что они подняли боевой клич. Пятьдесят английских солдат были посланы из форта, чтобы выяснить причину крика, и были втянуты в засаду. Залп из леса с обеих сторон сбил их с ног, и прежде чем оставшиеся смогли оправиться от паники, в которую их поверг залп, на них напали с мечами, штыками и томагавками, и только четверо из отряда спаслись, да и те с тяжелыми ранами.

"Англичане, видя, что им придется выдержать осаду, оставили четыре гарнизона и отошли в один, снабженный пушками. Прежде чем они были оставлены, на один из них было совершено нападение, в ходе которого французы были отбиты с одним убитым индейцем и одним раненым французом. Теперь Портноф начал сомневаться в своей способности взять Каско, опасаясь за исход дела; ведь его комиссия предписывала ему только опустошить английские поселения, а не пытаться взять укрепленные места; но в этот момент прибыли Хертель и Хоупхуд (знаменитый вождь племени кеннебеков). Теперь было решено продолжать осаду. В заброшенных фортах они нашли все необходимые инструменты для работы, и заложили шахту в пятидесяти футах от форта, под крутым берегом, который полностью защищал их от пушек. Англичане приуныли и 28 мая сдались в плен. Их было семьдесят мужчин и, вероятно, большее число женщин и детей; все они, кроме капитана Дэвиса, командовавшего гарнизоном, и еще трех или четырех человек, были отданы индейцам, которые убили большинство из них самым жестоким образом; и, если верить рассказам, Хоупхуд превзошел всех остальных дикарей в жестокости".

Эти варварские действия вызвали ужас и возмущение в Нью-Йорке и Новой Англии, и была предпринята попытка грозной демонстрации против врага. Генеральный суд Массачусетса направил письма с просьбой нескольким руководителям провинций, в соответствии с которыми они собрались в Нью-Йорке 1 мая 1661 года. Как сообщает , в результате обсуждений были приняты две важные меры. Коннектикут отправил генерала Уинтропа с войсками в поход через Олбани, где он должен был получить припасы и присоединиться к группе людей из Нью-Йорка. Экспедиция должна была двинуться вверх по озеру Шамплейн, чтобы разрушить Монреаль. Однако с припасами произошел сбой, и этот проект потерпел поражение. Массачусетс отправил флот из тридцати четырех кораблей под командованием Уильяма Фиппса. Он направился к Порт-Ройалу, взял его, освободил Акадию, а затем отплыл вверх по течению Святого Лаврентия с целью захватить Квебек. Войска высадились на берег с некоторыми трудностями, и в городе прозвучал дерзкий призыв сдаться. Фронтенак ответил гордым отказом, поскольку его позиции в это время были усилены подкреплением из Монреаля. Фиппс, узнав об этом, а также о том, что партия Уинтропа, которую он ожидал в

Монреале, потерпела неудачу, отказался от попытки и вернулся в Бостон, потеряв несколько судов и значительное количество войск, так как часть его флота была разбита штормом.

Именно в разгар таких испытаний и разрушений со стороны французов и дикарей суеверие и фанатизм вырвались на свободу в Салеме и вызвали террор, гораздо больший, чем тот, что был вызван дикарями на границе. Именно от таких сцен и бежали Чарльз Стивенс, его мать и друзья. Мистер Дастин жил неподалеку от Хаверхилла, в Массачусетсе, и когда они обратились к нему за кровом и защитой, он сказал:

"К таким, как у меня, вы можете обращаться, но, уверяю вас, они бедны. Нож дикаря-скальпера может быть опаснее петли фанатика в Салеме".

Они пробыли в Хаверхилле всего несколько недель, когда однажды, возвращаясь с охоты, Чарльз и мистер Генри Уотерс обнаружили, что за ними по пятам идет человек.

"Это белый человек", - заметил Чарльз.

"Я так и понял, а почему он должен нас преследовать?" - спросил Генри Уотерс. спросил Генри Уотерс.

"Не знаю, но давайте выясним".

Они остановились у ручья неподалеку от Хаверхилла и сидели на берегу ручья, когда со скал сверху раздался голос, потребовавший сдаться.

Подняв голову, они обнаружили, что на них наставлены три винтовки. Трое белых мужчин, в одном из которых они узнали мистера Джозела Мартина, виргинца, вышли из-за скал и направились к ним, уверяя, что любая попытка бежать или оказать сопротивление приведет к мгновенной смерти.

"Наконец-то ты у меня, убийца!" - крикнул Мартин, схватив Генри Уотерса.

"Нет, вы ошибаетесь..." - начал Чарльз, но Генри Уотерс приказал ему молчать. Братья Уотерсы, как известно читателю, были близнецами и так похожи друг на друга, что трудно было отличить одного от другого.

Чарльз не замедлил ухватиться за идею Генри Уотерса. Он согласился бы, чтобы его отвезли в Вирджинию вместо брата, где бы он смог раскрыть свою личность и создать алиби; но существовала опасность, что мстительный Мартин убьет своего пленника до того, как тот достигнет Вирджинии, и Чарльз сказал:

"Обещаете ли вы, под честное слово виргинца, не причинять вреда пленнику, пока он не попадет в руки правосудия?"

Виргинец дал свое обещание, и тогда все трое поспешно увели мистера Уотерса, сели на лошадей, поспешили в Бостон и сели на судно, идущее в Виргинию.

Чарльз Стивенс отправился к мистеру Джорджу Уотерсу и рассказал ему о случившемся. Лицо мистера Уотерса стало озабоченным, но он ничего не сказал.

В ту ночь в окрестностях подняли тревогу дикари, и Чарльз Стивенс с мистером Уотерсом отправились с отрядом навстречу врагу. В перестрелке мистер Уотерс был ранен, и было решено, что ему лучше отправиться в Бостон на лечение.

"У меня там друзья и родственники, - сказал Чарльз, - и мы можем быть в безопасности".

На следующий день четверо тайно отправились в Бостон, где на некоторое время поселились у родственников Чарльза и его матери, которые держали их присутствие в секрете.

Прежде чем завершить эту главу, автор считает своим долгом, хотя и отступая от повествования, рассказать о том, что случилось с их храбрыми друзьями, Дастинами, во время войны короля Вильгельма. Зверства, совершенные французами и индейцами над колонистами, не уступали ни одному из тех, что зафиксированы в анналах варварских эпох. С ними были связаны случаи героической доблести со стороны героических страдальцев, которые не превзойдены. 15 марта 1697 года, в последний год войны короля Уильяма, на Хаверхилл внезапно напала группа из примерно двадцати индейцев. Это было стремительное, но смертельное нападение, ставшее достойным *финалом* столь ужасной десятилетней войны. Восемь домов были разрушены, двадцать семь человек убиты, а тринадцать уведены в плен. В одном из этих домов, стоявшем на окраине деревни и, по сути, за холмом, так что его почти не было видно жителям города, жил мистер Дастин - дом, в котором нашли приют беглецы от преследования за колдовство в Салеме.

В то роковое утро мистер Дастин отправился поле, чтобы приступить к весенним работам. Сезон был ранний, и плуг и лопата уже начали переворачивать богатую черную землю. Трудолюбивый фермер только успел запрячь лошадь, как животное начало принохиваться к воздуху, и, переведя взгляд на кусты, мистер Дастин обнаружил два нарисованных лица с головами, украшенными перьями.

В тот же миг грохот огнестрельного оружия и ужасный военный клич возвестили о нападении на Хаверхилл. Он отвязал лошадь, схватил ружье, которое всегда держал под рукой, и галопом, как ветер, помчался к дому, преследуемый стрелами индейцев.

Добравшись до дома раньше индейцев, он крикнул своим родным, чтобы они бежали, а он прикроет их отступление.

"Миссис Нефф, возьмите миссис Дастин и бегите, спасая свои жизни", - крикнул он.

У миссис Дастин был грудной ребенок, которому было всего несколько дней от роду, и она была прикована к постели. Миссис Нефф была ее сиделкой. Муж попытался увести жену, но было уже поздно. Индейцы, как хищные волки, набросились на дом. Миссис Дастин повернулась к мужу и сказала:

"Уходи, Томас, ты не можешь спасти меня, иди и спаси детей".

Под влиянием ее настоятельной просьбы он вскочил на свою лошадь и с ружьем в руке галопом помчался за детьми, которых было семеро и которые уже бежали по дороге. Первой мыслью отца было схватить одного из них, посадить на лошадь перед собой и убежать; но он не смог выбрать одного из них. Все они были ему одинаково дороги, и он решил защищать всех или погибнуть в этой попытке. Они добрались до места под городом, где дорога проходила между двумя холмами в узком проходе. Группа индейцев, числом одиннадцать человек, увидела детей и бросилась за ними в погоню. Мистер Дастин прищипорил коня и встал между детьми и дикарями, крикнул своим любимцам, чтобы они летели, и велел старшему нести младшего, притормозил у прохода и вскинул ружье. Томас Дастин был метким стрелком, а его винтовка была лучшей из тех, что делали в то время.

Столкнувшись с дикарями, он выстрелил и сбил вождя с ног. Его последователи были потрясены судьбой своего мускулистого вождя и на мгновение замешкались. Мистер Дастин не колебался ни мгновения, а без промедления принялся перезаряжать ружье. Пятеро

индейцев выстрелили в решительного отца, когда он ускакал вслед за своими летящими детьми.

"Бегите! Бегите! Бегите, спасаясь!" - кричал он.

Индейцы с воплем мести устремились за отцом. У него было четыре шара в ружье, и, развернув лошадь, он выпустил в них этот страшный заряд. Хотя никто из них не был убит мгновенно, трое были ранены, причем двое так тяжело, что умерли на следующий день. Индейцы отказались от преследования решительного отца, который продолжал сражаться, пока он отступал, и обратили свое внимание на менее опасные победы, так что мистеру Дастину удалось спастись вместе с детьми.

Миссис Нефф, сиделка, ухаживавшая за миссис Дастин, героически решила разделить судьбу своей пациентки, даже если она могла сбежать. Индейцы вошли в дом и, заставив больную женщину подняться и спокойно сидеть в углу у очага, разграбили жилище и подожгли его, уведя из него всех обитателей. С наступлением ночи миссис Дастин была вынуждена уйти в пустыню и искать покоя на твердой холодной земле. Миссис Нефф попыталась бежать с ребенком, но была перехвачена. Младенцу выбили мозги о дерево, а тело бросили в кусты. Пленники из Хаверхилла, когда их собрали, оказались тринадцатью жалкими, несчастными людьми. В тот же день они прошли двенадцать миль до лагеря, хотя уже почти наступила ночь, прежде чем они отправились в путь. После этого в течение нескольких дней они были вынуждены идти в ногу с дикарями-похитителями, преодолевая расстояние не менее ста сорока или пятидесяти миль. Как ни слаба была миссис Дастин, кажется удивительным, что она выдержала все испытания и усталость путешествия; но она выдержала.

Решительный отец продолжал стрелять, пока отступал.

После этого индейцы, согласно своему обычаю, разделили пленников. Миссис Дастин, миссис Нефф и пленный парень из Вустера достались индейской семье, состоявшей из двенадцати человек. Теперь они взяли на себя ответственность за пленников и обращались с ними без особой жестокости, за исключением того, что заставляли их продлевать свой путь к индейскому поселению. Однажды они сказали пленникам, что после прибытия в пункт назначения они должны будут пройти одну церемонию, которая заключается в прохождении между двумя шеренгами индейцев. Это сообщение вселило в миссис Дастин и ее спутников такой ужас, что они решили предпринять отчаянную попытку побега.

Миссис Ханна Дастин, няня миссис Мэри Нефф и мальчик Сэмюэль Леонардсон, которому было всего одиннадцать лет, конечно, не были людьми, способными вызвать страх у дюжины крепких воинов. Индейцы считали мальчика верным им и даже не мечтали о том, что у женщин хватит смелости попытаться сбежать, и строгого надзора за ними не вели.

Чтобы сбить диких похитителей с толку, миссис Дастин, похоже, хорошо к ним относилась, и за день до осуществления плана побега она выяснила у парня, как мгновенно убить человека и как снять с него скальп.

"Ударь его здесь, - объяснил индеец, приложив палец к виску, - и сними скальп вот так", - показав парню, как это делается. С этой информацией заговор был готов. Перед самым рассветом, когда индейцы спят самым крепким сном, миссис Дастин тихонько поднялась со своего земляного ложа и коснулась плеча Мэри Нефф. Одного прикосновения было достаточно, чтобы разбудить ее, и она поднялась. Затем пришлось разбудить мальчика. Он был молод и утомлен, и сон его был глубоким. Рядом лежал индеец. Миссис Дастин схватила его томагавк, а миссис Нефф - оружие другого индейца. Сестра встряхнула Сэмюэля. Парень поднялся, протер глаза и подошел к тому месту, где лежал человек, обучавший его искусству убивать. Он схватил свой топор и держал его в руке наготове. По сигналу миссис Дастин три удара обрушились на три виска, и с трепетом три спящих в жизни перешли в сон смерти. Еще раз подняли топоры, и шестеро из двенадцати были мертвы. Небольшой шум, который они были вынуждены издавать, потревожил сон остальных, и три секиры, теперь уже красные от крови, обрушились еще на троих. Миссис Нефф, все более нервничая и возбуждаясь, слишком далеко голову своего мужчины, и он с криком вскочил на ноги. Однако кровь ослепила его, и она ударила его ножом.

Крик разбудил остальных, и скво с ребенком убежала в лес, а на десятого, молодого воина, набросились миссис Дастин и парень и зарубили его еще до того, как он полностью проснулся. Десять из двенадцати были мертвы, и беглые пленники, разбив все лодки, кроме одной, чтобы предотвратить преследование, отправились вниз по реке, прихватив с собой провизию, которую смогли отнять у индейцев. Они не успели далеко уйти, как миссис Дастин сказала:

"Мы не сняли скальп с индейцев".

"А зачем?" - спросила миссис Нефф.

"Когда мы вернемся домой и расскажем друзьям, что мы втроем убили десять индейцев, они потребуют доказательств этого утверждения, и десять скальпов станут доказательством".

Сэмюэлю Леонардсону, как мальчишке, очень хотелось заполучить скальпы своих врагов, поэтому они отступили перед миссис Нефф и, развернувшись, пошли обратно к лагерю, который теперь был безлюден, лишь призрачные мертвецы с остекленевшими глазами смотрели в небо.

"Вот так он велел мне делать", - сказал Сэмюэль, схватив пучок волос на голове человека, который учил его снимать скальпы. Он провел острым концом ножа по черепу и быстрым рывком снял скальп.

Будучи новичками в этом искусстве, им потребовалось некоторое время, чтобы снять скальпы со всех голов; но в конце концов кровавая задача была решена, и, положив скальпы в мешок, они снова сели в индейское каноэ и отправились вниз по течению.

"Скрепя сердце, трое путешественников отправились вниз по Мерримаку к своим домам, ежеминутно подвергаясь опасности от дикарей или стихий, и были приняты как воскресшие из мертвых. Миссис Дастин нашла своего мужа и детей спасенными. Вскоре после этого она отправилась в Бостон, захватив с собой ружье и томагавк, которые принесла из вигвама, и десять трофеев, и генеральный суд Массачусетса выдал этим отважным страдальцам пятьдесят фунтов в качестве награды за их героизм. Бывший губернатор Николсон из Мэриленда в знак своего восхищения послал миссис Дастин и миссис Нефф металлический танкер. Сейчас (1875 год) этот танкер находится у мистера Эмри Коффина из Ньюберипорта, штат Массачусетс. Летом 1874 года, через сто семьдесят семь лет после этого события, граждане Массачусетса и Нью-Гэмпшира воздвигли на самой высокой точке острова Дастин изящный памятник в память о героическом поступке. На нем изображена фигура миссис Дастин, держащей в правой руке, поднятой в поражающей позе, томагавк, а в другой - связку скальпов. На ней начертаны имена Ханны Дастин, Мэри Нефф и Сэмюэля Леонардсона, английского юноши." [E]

[E] Lossing's "Our Country", vol. iii., p. 418.

Хаверхилл был во второй раз атакован и опустошен во время войны короля Вильгельма, пострадали и другие места. Договор в Райсвике, деревне близ Гааги, в Голландии, вскоре после этого положил конец беспорядочной резне в Европе и Америке. В этой незначительной деревушке был заключен мир между Людовиком XIV, Францией и Англией, Испанией и Голландией, а также Германской империей, который положил конец войне, длившейся более семи лет. Людовик был вынужден признать Вильгельма Оранского правителем Англии. Эта война обошлась Великобритании в сто пятьдесят миллионов долларов наличными и сто миллионов взаймы. Последнее положило начало огромному государственному долгу Англии, который на сегодняшний день составляет пять тысяч миллионов долларов.

До заключения договора в Райсвике в Англии был создан Совет по торговле и плантациям, в обязанности которого входил общий надзор за делами американских колоний. Это была постоянная комиссия, члены которой назывались "лордами торговли и плантаций". Она состояла из семи членов с президентом и всегда была готовым инструментом угнетения в руках государя, а также стала мощным проводником тех недовольств в колониях, которые вылились в открытое восстание в 1775 году.

Мир в Райсвике был недолгим. Претенденты на власть снова терзали народ злом войны. Король Яков II умер во Франции в сентябре 1701 года. После бегства с трона во Францию он был защищен Людовиком, и теперь французский монарх признал сына Якова, Якова Франциска Эдуарда (известного в истории как претендент), законным королем Англии. Этот поступок сильно обидел англичан, ведь корона была отдана Анне, второй дочери Якова-протестанта. Кроме того, Людовик обидел англичан, посадив своего внука, Филиппа Анжуйского, на трон Испании, что усилило влияние Франции среди европейских династий. Король Вильгельм был в ярости и готовился к войне, когда падение с лошади во время охоты привело к его смерти. Его сменила Анна, и началась война, которая длилась почти дюжину лет и известна в истории как война королевы Анны. Однако мы слишком долго останавливались на общей истории страны. Для нашего повествования будет важно вернуться в деревню Салем, где царил суеверие, в то время как главные герои нашего рассказа отдыхали в безопасности в Бостоне, не осмеливаясь выезжать за границу днем.

ГЛАВА XVIII.

СУЕВЕРИЕ ЦАРИТ.

Ужасная трагедия завершилась,
И друзья, и враги удалились.
Одни бьют себя в грудь и с трепетом говорят,
"В этот день были совершены незаконные деяния".
-Пакстон.

После побега миссис Стивенс и Кору Уотерс волна суеверий захлестнула деревню Салем с такой неодолимой яростью, что казалось, ей угрожает большая опасность, чем пограничным поселениям от французов и индейцев. Семье Нерс и всем их родственникам досталось больше, чем кому-либо другому. Миссис Клойс стала второй из семьи, обвиненной Пэррисом и его приспешниками. Миссис Клойс с самого начала навлекла на себя дурную славу тем, что поступила так же, как ее брат и сестра Нерс. Все они не посещали экзамены в церкви, а когда перерывы в службах стали слишком вопиющими, то и субботние богослужения. Они заявили, что так поступили, потому что не одобряют разрешение на осквернение места и службы. Наконец миссис Клойс, или Гуди Клойс, как ее называли в записях того времени, была арестована. Также были арестованы Мэри Исти и Элизабет Проктор. Мэри Исти, сестра миссис Нерс, была предана суду и осуждена. После осуждения и вынесения приговора она, находясь под страхом смертной казни и полностью осознавая безнадежность своего дела, обратилась к судьям, магистратам и преподобным служителям, умоляя их задуматься над тем, что они делают, и насколько их действия в отношении обвиняемых противоречат принципам и правилам правосудия.

"Я ничего не прошу для себя", - сказала она. "Я удовлетворена своей невиновностью и уверена в своей участи на земле и надежде на небесах. Я хочу лишь побудить власти не торопиться, проявлять осторожность при получении и строгость при проверке показаний; и тогда они установят истину и отпустят невиновных, и благословение Божье будет на ваших добросовестных усилиях".

Ее предупреждения и уговоры не возымели никакого действия. Перед тем как отправиться из тюрьмы на Ведьмин холм в день своей смерти, она безмятежно попрощалась с мужем и детьми, а также со многими своими друзьями, некоторые из которых впоследствии рассказывали, что "ее слова были настолько серьезными, религиозными, ясными и ласковыми, насколько это вообще возможно выразить, что у всех присутствующих на глазах выступили слезы".

После казни Мэри Исти тема колдовства стала еще более интересной, и, чтобы допросить Элизабет Проктор и Сару Клойс, или Клойс, как пишет это имя мистер Бэнкрофт, заместитель губернатора и пять магистратов отправились в Салем. Это был великий день. Присутствовало несколько священников. Председательствовал Пэррис, и, судя по его собственным записям, очевидно, что он сам выдвинул все обвинения. Его первый свидетель Джон, слуга-негр из Вест-Индии, муж Титубы, был обличен Сарой Клойс как отъявленный лжец. Абигейл Уильямс, племянница Пэрриса, также была под рукой со своими удивительными историями о колдовстве. Она поклялась, что видела узника во время таинства ведьм.

Пораженная ужасом от такого дерзкого лжесвидетельства, Сара Клойс попросила воды и упала в обморок прежде, чем ее успели принести. В этот момент Абигайль Уильямс, жена ее брата, Сара Уильямс, дочь Пэрриса, и Энн Патнэм закричали:

"Ее дух отправился в тюрьму к сестре!".

Против Элизабет Проктор Абигайль Уильямс рассказывала настолько глупые истории, что остается только удивляться, как в них мог поверить хоть один здравомыслящий человек. Среди прочего она рассказала, как обвиняемая предложила ей подписать книгу дьявола.

"Дорогое дитя!" - воскликнула обвиняемая в агонии, - "Это не так. Есть и другой приговор, милое дитя", и ее обвинители, повернувшись к ее мужу, заявили, что он тоже был колдуном. Все трое были преданы суду. Обвинения и приговоры множились. Джайлс Кори, упрямый старик более четырех десятков лет, не смог избежать злобы своего служителя и разгневанных соседей, с которыми он поссорился. У Пэрриса появился соперник в лице Джорджа Берроуза, выпускника Гарвардского колледжа, который, ранее проповедовавший в деревне Салем, имел там друзей, желающих его возвращения. Он был скептиком в вопросах колдовства, и Пэррис решил отомстить ему и через своих многочисленных агентов и орудий добился его обвинения и заключения под стражу. До сих пор не удалось добиться признания, хотя его очень настойчиво просили. Ему настойчиво намекали, что признание - это путь к безопасности. Наконец "Деливеранс Хоббс признала все, что от нее требовали", и ушла невредимой. Виселица должна была быть установлена не для тех, кто исповедовал себя ведьмой, а для тех, кто обличал заблуждение.

Лейтенант-губернатор Стоутон

14 мая новая хартия и королевский губернатор прибыли в Бостон. В следующий понедельник хартия была опубликована, и прихожанин Коттон Мэзер вместе с королевским советом был введен в должность. Триумф Коттона Мэзера был полным. Немедленно был учрежден ордонанс о суде, и губернатор и совет назначили главным судьей положительного, властного Стоутона, а его помощниками - Сьюолла и Уэйта Уинтропа, двух более слабых людей. Ко второму июня суд заседал в Салеме, проводя эксперимент над Бриджет Бишоп, бедной и бездомной старухой. Факт колдовства был принят за "общеизвестный". Чтобы закрепить его за осужденной, Сэмюэл Пэррис, который осматривал ее перед заключением, стал главным свидетелем того, что она способна применять пытки. Он видел, как она применяла их. Затем последовали показания околдованных, и это была ужасная путаница. Читая их, можно подумать, что все обитатели Бедлама были вызваны в суд, чтобы рассказать о своем личном опыте пребывания в стране безумия.

Многие свидетели утверждали, что "фигура" заключенного часто мучила их, щипала, душила, кусала и причиняла другие страдания, побуждая все время записывать свои имена в книгу, которую "призрак" называл: "Наша книга".

Сара Уильямс, которая была преданна мистеру Пэррису и его делу, поклялась, что именно облик этой заключенной вместе с Корой Уотерс однажды выхватил ее из колеса и, неся к берегу реки, угрожал утопить, если она не подпишет упомянутую книгу, что она, однако, отказалась сделать.

Другие рассказывали, что ведьма "в своем облике", то есть появляясь перед ними в духовном теле, невидимом ни для кого, кроме тех, перед кем она появлялась, хвасталась, что оседлала Джона Блая, предварительно превратив его в лошадь. Один из свидетелей видел призраки умерших людей, которые заявили, что Бриджет Бишоп их убила.

Пока шел допрос обвиняемых, околдованные выглядели крайне измученными. Если она обращала на них свой взгляд, они падали. Когда они лежали в обмороке или конвульсиях, бедную старушку заставляли дотронуться до них, и они тут же поднимались на ноги. Сэмюэл Пэррис хорошо обучил своих приспешников. При любом особенном движении ее тела, покачивании головы или повороте глаз они имитировали ее позу и, казалось, находились под действием какого-то странного заклинания.

Было приведено свидетельство, что один из околдованных уговорил человека ударить по тому месту, где "стояла фигура этого епископа", и околдованный закричал:

"Ты разорвал ее пальто", и оказалось, что платье женщины было разорвано именно в том месте.

Деливеранс Хоббс, которая призналась в том, что была ведьмой, теперь свидетельствовала, что ее мучили призраки за ее признание. И теперь она свидетельствовала, что этот епископ искушал ее снова подписать книгу и отрицать то, в чем она призналась.

"Это был облик этой заключенной, - заявила она, - которая била меня железными прутьями, чтобы вынудить меня к этому, и, кроме того, я видела Бриджет Бишоп на общем собрании ведьм в поле у деревни Салем, где они принимали дьявольское таинство в хлебе и вине, которое тогда совершалось".

Джон Кук свидетельствовал: "Около пяти или шести лет назад, однажды утром, на рассвете, на меня в моей комнате напала фигура этого заключенного, которая смотрела на меня, ухмылялась и очень сильно ранила меня ударом по голове, и в тот же день, около полудня, та же фигура вошла в комнату, где я был, и яблоко странным образом вылетело из моей руки".

Сэмюэл Грей свидетельствовал: "Около четырнадцати лет назад я проснулся ночью и увидел, что комната, в которой я лежал, полна света. Затем я отчетливо увидел женщину между колыбелью и кроватью, которая смотрела на меня. Я поднялся, и она исчезла, хотя все двери были закрыты. Выглянув через входную дверь, я снова увидел ту же женщину в том же одеянии и сказал: "Во имя Бога, зачем ты пришла? Я лег в постель, и та же женщина снова напала на меня. Ребенок в колыбели издал сильный крик, и женщина исчезла. Ребенка долго не могли успокоить, и, хотя он был вполне благополучным, процветающим ребенком, с этого времени он стал чахнуть и через несколько месяцев умер в печальном состоянии. Тогда я не знал ни епископа, ни ее имени; но когда я увидел ее после этого, я понял по ее лицу, одежде и всем обстоятельствам, что это было явление этого епископа, которое так беспокоило меня".

Джон Блай свидетельствовал:

"Я купил свиноматку у Эдмунда Бишопа, мужа заключенной, и должен был заплатить оговоренную цену другому человеку. Эта заключенная, рассердившись, что ей мешают получить деньги, поссорилась со мной; вскоре после этого со свиноматкой начались странные припадки: она прыгала, скакала и билась головой о забор. Она казалась слепой и глухой и не могла есть, после чего мой сосед Джон Лаудер сказал, что, по его мнению, это существо было ослеплено, и с ним совпало множество других обстоятельств, которые заставили меня поверить, что Бишоп заколдовал ее".

Судьи, проводившие допрос, спросили Блая:

"Вы когда-нибудь перевоплощались в заключенного?"

"Да", - ответил Блай.

"Когда это было?"

"Прошлым летом. Однажды вечером, когда я поздно возвращался домой, на меня налетела фигура заключенной. Она потрясла уздечкой над моей головой, и я превратился в лошадь. Затем она села на меня, проскакала несколько лиг, сняла уздечку, и я легла в свою постель".

Следующим был вызван Джон Лаудер, еще один знакомый Чарльза Стивенса. У Джона был свой опыт общения с ведьмами. Он был горячим поклонником мистера Пэрриса и одним из его эмиссаров. Лаудер, Блай и, собственно, все подручные Пэрриса были невежественны, фанатичны и суеверны. Их можно было заставить поверить во все, что скажет им пастор. Лаудер свидетельствовал:

"У меня был небольшой спор с Бишоп о ее птицах. Ложась спать, я проснулся ночью при свете луны и ясно увидел подобие этой женщины, сильно угнетавшей меня; в таком жалком состоянии она держала меня, не в силах помочь себе до следующего дня. Я рассказал об этом епископу, но она отрицала это и сильно угрожала мне. Вскоре после этого, находясь дома в Господень день и закрыв за собой двери, я увидел, как ко мне подошла черная свинья, которую я хотел пнуть, но она исчезла прочь. Сразу же после того, как я сел, я увидел, как черная тварь вскочила в окно, подошла и встала передо мной. Тело было как у обезьяны, ноги - как у петуха, но лицо очень напоминало человеческое. Я был так напуган, что не мог говорить. Это чудовище заговорило со мной и сказало:

"Я посланник, посланный к тебе, ибо я понимаю, что ты в некотором затруднении, и если ты будешь управляем мной, то ничего не будешь иметь в этом мире".

"После этого я попытался схватить его за руки, но ничего не почувствовал, и он снова выпрыгнул из окна, но тут же вошел через крыльцо, хотя двери были закрыты, и сказал:

"Тебе лучше прислушаться к моему совету".

"Тогда я ударил по нему своей палкой, но попал только в землю, а палка сломалась. Рука, которой я наносил удары, вскоре ослабла, и она исчезла. Выйдя на крыльцо, я увидел в саду епископа, который шел к ее дому, но у меня не было сил ступить к нему ни шагу. Тогда, вернувшись в дом, я сразу же был атакован тем чудовищем, которое я видел раньше, и этот гоблин теперь собирался налететь на меня; тогда я воскликнул:

"Все доспехи Божьи да будут между мной и тобой!"

"Тогда он отпрыгнул назад и перелетел через яблоню, стряхнув с нее много яблок. Во время прыжка оно швырнуло грязь своими ногами мне в живот, отчего я онемел, и так продолжалось три дня подряд".

Из материалов дела, рассматриваемого в суде, следует, что Уильям Стейси свидетельствовал:

"Я получил деньги от этой Бишоп за выполненную мною работу и находился в трех шагах от нее, когда, разыскав свои деньги, обнаружил, что они непонятным образом пропали у меня. Через некоторое время после этого епископ спросил меня, не будет ли мой отец молоть для нее зерно? Я спросила, почему бы и нет?

"Потому что люди считают меня ведьмой".

"Я ответила:

"Нет вопросов, но он будет молоть для вас".

"Когда я находился примерно в шести верстах от нее с небольшим грузом в телеге, внезапно колесо заело и провалилось в яму на ровном месте, так что я был вынужден позвать на помощь, чтобы восстановить колесо; но, отойдя назад, чтобы поискать отверстие, из-за которого произошло это несчастье, я его не обнаружил. Через некоторое время после этого меня разбудили ночью, но было светло как днем, и я прекрасно видел в комнате фигуру этой Бишоп, которая беспокоила меня; но когда она вышла, все снова стало темно. Когда я после этого обвинил епископа в этом, она не стала отрицать, но очень рассердилась. Вскоре после этого, получив угрозу от епископа, когда я снова темной ночью шла в сарай, меня очень неожиданно схватили или подняли с земли и бросили о каменную стену. После этого меня подняли и бросили вниз на берег, в конце моего дома. После этого, снова проезжая мимо этого епископа, моя лошадь с небольшим грузом, пытаясь тянуть, разлетелась на куски, и телега упала, а я, собираясь поднять мешок кукурузы, примерно в два бушеля, не смог сдвинуть его с места".

Все вышесказанное - лишь пример свидетельств, на которых были повешены люди. Мы привели их для того, чтобы читатель увидел, насколько прочно мистер Пэррис и суеверие владели людьми. Мы могли бы привести страницу за страницей этих показаний; но вышеизложенного достаточно. Если читатель захочет получить более полный отчет о судебных процессах над Бишопом, Мартином или кем-либо из несчастных, принявших смерть в Салеме во времена господства суеверий, мы отсылаем его к сборникам Коттона Мазера в его "Невидимом мире". Из этой книги мы приводим следующую информацию, полученную в ходе допроса по делу Сюзанны Мартин в Салеме 29 июня 1692 года:

Магистрат: "Молитва, что с этими людьми?"

Мартин: "Я не знаю".

Магистрат: "Но что вы о них думаете?"

Мартин: "Я не хочу тратить на это свое мнение".

Магистрат: "А вы не думаете, что они околдованы?"

Мартин: "Нет, я так не думаю".

Магистрат: "Скажите нам, что вы думаете о них".

Мартин: "Нет; мои мысли - мои собственные, когда они внутри; но когда они вне, они принадлежат другому. Их хозяин..."

Магистрат: "Их хозяин? Кто, по-вашему, их хозяин?"

Мартин: "Если они занимаются черным ремеслом, то вам это известно не хуже, чем мне".

Магистрат: "Ну, и что вы сделали для этого?"

Мартин: "Ничего".

Магистрат: "А что, дело в вас или в вашей внешности?"

Мартин: "Я ничего не могу с этим поделать".

Магистрат: "Если это не ваш хозяин, то как же ваш вид может причинить им вред?"

Мартин: "Откуда мне знать? Тот, кто явился в облике Самуила, прославленного святого, может явиться в любом облике".

Неудивительно, что писатель, которому довелось несколько лет назад изучить эти свидетельства и прокомментировать их, воскликнул:

"Великий Боже! И это тот путь, который пришлось пройти нашим предкам в их паломничестве в поисках свободы и христианства? Неужели это неправильно понятые доктрины о полной испорченности?"

Преподобный мистер Нойес, казалось, соперничал с мистером Пэррисом в преследовании ведьм.

"Вы ведьма. Вы знаете, что вы ведьма", - сказал он Саре Гуд, призывая ее к исповеди.

"Ты лгунья, - ответила бедная женщина, - и, если ты лишишь меня жизни, Бог даст тебе выпить крови".

Исповедь стала важным моментом в судебном преследовании. Некоторые, не страдавшие до исповеди, становились таковыми после нее. Тюрьмы были переполнены, ведь для подтверждения признаний требовались новые обвинения. Мистер Хейл сказал:

"Некоторые, обвиняя других, надеялись выиграть время и получить благосклонность правителей. Некоторые из людей низшего сорта оказывали недобрые услуги, обещая за это больше, чем имели оснований. Некоторые, поддавшись этим искушениям, не считались с тем, что должно быть с другими, чтобы таким образом послужить своим интересам. Впоследствии некоторые признали это. Если признания противоречили друг другу, если свидетели говорили явную неправду, "дьявол, - говорили судьи, - отнимал у них память и навязывал им мозг".

Кто в таких обстоятельствах осмелится проявить скептицизм или отказаться верить исповедникам? Уже двадцать человек были преданы смерти за колдовство. Пятьдесят пять человек были подвергнуты пыткам или запуганы, чтобы получить покаянные признания. С обвинениями росли признания, с признаниями - новые обвинения. Даже "поколение детей Божьих" было в опасности "попасть под это осуждение". Тюрьмы были переполнены. Сто пятьдесят заключенных ожидали суда, еще двести были обвиняемыми или подозреваемыми. Также было замечено, что ни один из осужденных, признавших в колдовстве, не был повешен. Никто из тех, кто признался и отказался от признания, не избежал ни повешения,

ни заключения в тюрьму до суда. Никто из осужденных, утверждавших свою невиновность, даже если один из свидетелей признавался в лжесвидетельстве или старшина присяжных признавал ошибочность вердикта, не избежал виселицы. При выслушивании обвинений, которые отвергались от друзей или приверженцев, проявлялся фаворитизм. Если человек начинал карьеру охотника на ведьм, но, убедившись в самозванстве, отказывался от службы, его обвиняли и вешали.

Сэмюэл Пэррис сыграл на руку и оказался более чем успешен. Его жатве мести, казалось, не будет конца. Ведьмин холм превратился в Тайберн, и за один раз было повешено до восьми человек.

Наконец дело зашло слишком далеко. Заблуждение достигло своего апогея в середине лета 1692 года, а во вторую среду октября, примерно через две недели после последнего повешения в Салеме, собрались представители колонии, и жители Андовера, к которым присоединился их священник, выступили со своим протестом против деятельности трибуналов для ведьм.

"Мы не знаем, - говорили они, - кто может считать себя в безопасности, если обвинения в том, что дети и другие находятся под дьявольским влиянием, будут выдвинуты против людей с хорошей репутацией". Последовавшие за этим дискуссии были жаркими, поскольку у мистера Пэрриса нашлись защитники даже в законодательном собрании, которые осудили Чарльза и Хэтти Стивенс "как убийц и исполнителей черного искусства". Общий суд не стал напрямую противостоять сторонникам судебных процессов. Он издал билль о созыве священнослужителей, чтобы наставить народ на путь истинный в отношении колдовства. Причина и порядок действий были таковы, что судьи суда, как писал один из них, "считают себя тем самым уволенными". Что касается законодательной власти, то она приняла то, что отверг король Вильгельм, - английский закон, слово в слово, в том виде, в каком он был принят палатой общин, в которой Коук и Бэкон были руководящими умами; но они отменили специальный суд и учредили трибунал на основании статута. Фиппс сразу же по прибытии использовал свой незаконный суд для повешения ведьм. Представители народа отложили первое заседание законного суда до января следующего года. Таким образом, более чем трехмесячный перерыв между последними казнями обеспечил общественному мнению безопасность и свободу. Хотя Фиппс передал место главного судьи Стоутону, присяжные, представлявшие общественное мнение, действовали независимо. Когда суд собрался в Салеме, шесть женщин из Андовера, сразу же отказавшись от своих признаний, отнеслись к колдовству лишь как к чему-то "так называемому", а к недоумению - как к "кажущемуся страданию". Подобные воспоминания поступают от жителей Андовера.

Более половины рассмотренных дел были отклонены; и хотя обвинения были предъявлены двадцати шести лицам, судебные процессы показали слабость показаний, на основании которых были осуждены другие. Умы присяжных просветлели даже раньше, чем у предвзятых судей. Те же самые показания были представлены и в Салеме, где на скамье подсудимых находился Стоутон, и там последовали оправдательные приговоры.

Один из оправданных по этому делу был старым знакомым. Мистер Генри Уотерс, арестованный за своего брата и увезенный в Виргинию, неожиданно появился в Салеме. Джон Лаудер сразу же выступил против него и заставил его арестовать. Когда ему предъявили обвинение, он не признал себя виновным и предстал перед судом. Джон Лаудер был главным свидетелем. Он заявил, что однажды они с Блаем были на охоте и что подсудимый преследовал их и заколдовал их ружья. Затем он показал, что выстрелил серебряной пулей и ранил подсудимого. Он также рассказал, что обвиняемый явился к нему

вечером, когда он отправился на охоту за оленями, и предложил ему подписать книгу. Было известно, что обвиняемый получил ранение.

Затем мистер Уотерс приступил к объяснениям:

"Меня зовут Генри Уотерс, и в ранней жизни мы с братом были игроками. Мы были членами Англиканской церкви и ненавидели католическую религию. Приближался конец Карла II, и мы предполагали, что наследником престола станет Джеймс II, его брат. Наша единственная надежда заключалась в том, чтобы организовать сильную партию и захватить трон для герцога Монмута. Меня отправили в американские колонии, чтобы заручиться обещаниями поддержки и записать в мою книгу имена всех, кто будет сопротивляться папскому монарху. Я приехал, оставив в Англии брата и его ребенка. По дороге сюда я был внезапно обстрелян индейцами из засады и ранен в бок. Когда эти люди преследовали оленя, я проходил мимо и испугал животное, так что оно убежало, и за это меня обвинили в том, что я волшебник".

Затем судья спросил его, предлагал ли он книгу мистеру Джону Лаудеру для подписи.

"Да", - быстро ответил он.

"Когда это было?"

"В то время и в том месте, которые он указал".

"Что это была за книга?"

"Она у меня здесь", - и он протянул небольшую чистую книгу в красном переплете. "Это доставило столько хлопот. Изучите ее, и вы увидите, что в ней должны были быть записаны только имена тех, кто противится восшествию герцога Йоркского на престол".

Книгу передали судье и присяжным, и на лице каждого из них появилась улыбка, которая была опасна для друзей обвинения. За эту книгу Генри Уотерса повесили бы во времена правления Якова II, но теперь она стала его спасением. Он был оправдан одним из первых. Заблуждение пошло на убыль. "Ошибка умерла среди своих поклонников".

ГЛАВА XIX.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ.

Величайшая из твоих глупостей прощена,
Даже за малейшие слезы, что блестят
На бледном лице твоём.
Ты преклонила колени перед тем, кто пришел с небес,
Злой и невежественный, и ты поднимешься,
Святой, чистый и мудрый.
-Брайант.

Чарльз Стивенс, его мать, Кора и ее раненый отец нашли убежище и кров в доме Ричарда Стивенса в Бостоне. Ричард Стивенс был дядей Чарльза, человеком, вышедшим из среднего возраста, но отличавшимся практическим здравым смыслом. Как и все остальные члены этой известной семьи, он никогда не поднимался высоко ни в социальных, ни в

политических кругах. Они были простыми фермерами или мелкими торговцами, с интеллектом выше среднего, патриотичными и честными, как и их великий предок, приплывший вместе с Колумбом.

Ричард Стивенс знал, что заблуждение о колдовстве не продержится долго. В его доме, который был одним из лучших в Бостоне, кроме тех, что занимали губернаторы и офицеры, беглецы, кроме мистера Уотерса, оставались всю вторую половину 1692 года. Как только его рана зажила, Джордж Уотерс таинственным образом исчез. Он добрался до Уильямсбурга, штат Вирджиния, сразу после того, как его брат был оправдан. Он не встретился с Генри, поскольку тот уже отплыл на корабле в Бостон.

Джордж Уотерс отправился к Роберту Стивенсу, где дал о себе знать и узнал об оправдании брата.

"Ошибка вскоре обнаружилась, - сказал Роберт Стивенс, - еще до того, как дело было передано в суд. Услышав, что вас арестовали, я отправился к вам и выяснил, что они ошиблись; затем я добился его освобождения".

Джордж Уотерс поблагодарил мистера Стивенса за его поступок.

"Что вы собираетесь делать дальше?" - спросил Роберт.

"Я вернусь в Бостон".

"Он никогда не перестанет преследовать вас".

"Нет".

Затем мистер Уотерс снова стал задумчивым, и Роберт спросил:

"Вы собираетесь его убить?"

"Нет. Чарльз Стивенс писал вам?"

"Да".

"По поводу помилования?"

"Да".

"И вы все сделали?"

"Все, что можно было сделать".

"Вы даете мне надежду?"

"Да".

В ту ночь Джордж Уотерс отправился по суше, чтобы вернуться в Новую Англию. В те дни это было непростое путешествие, которое заняло много недель. Предстояло пересечь большие реки, и прежде чем переплыть их, нужно было добраться до верховьев. Много дней и ночей провел одинокий путник в лесу.

Однажды днем он вдруг заметил, что его преследует человек. Инстинктивно он понял, что это его враг Джоэл Мартин. Он был один, и Джордж Уотерс, который был искусным стрелком, мог настигнуть его и застрелить. Мартин пришел в поисках своей жизни, и в обычной ситуации можно было бы сказать, что его убийство полностью оправдано. Джордж

остановился на гребне высокого холма и в лучах заходящего солнца наблюдал за решительным преследователем.

"Джоэл Мартин - храбрый человек, - подумал мистер Уотерс. "Он настолько же храбр, насколько и мстителен".

Мартин находился почти в миле от них, но он ясно видел фигуру всадника и полагал, что тот остановился, чтобы вызвать его на бой. Мартин отстегнул винтовку и пустил своего измученного коня в галоп, размахивая оружием в воздухе.

"Джордж Уотерс подумал, что у меня может возникнуть искушение сделать это, и, сняв со спины ружье, бросил его на землю и поскакал прочь.

Джоэл Мартин, ставший свидетелем этого странного действия, недоумевал, что бы это значило. Он подошел к ружью своего врага и увидел, как тот стремительно скачет по холмам и скалам.

"Теперь он в моей власти, - воскликнул Мартин. "Этот дурак бросил свое ружье, чтобы увеличить скорость".

Джордж Уотерс был уже в миле впереди Джоэла Мартина, когда услышал резкий выстрел из ружья, за которым последовал треск двух или трех мушкетов, сопровождаемый криками индейцев. Уотерс почувствовал, что его сердце почти замерло. Он попытался укрыться в густых зарослях на берегу ручья, чтобы дождаться ночных теней. Он гадал, что стало с Мартином, и, услышав крики дикарей, как это часто бывало, спрашивал себя, не пытаются ли они несчастного пленника до смерти.

Когда наступила ночь, он увидел яркий костер, горевший дальше по ручью, и, оставив лошадь привязанной к кусту, храбрый англичанин пополз через лес, проделывая большую часть пути ползком. Наконец он оказался достаточно близко, чтобы увидеть десяток дикарей, сидящих у костра. Рядом, привязанный к дереву, лежал несчастный виргинец. Мистер Уотерс увидел, что у него две раны, и, без сомнения, он очень страдал.

Его лошадь была убита и представляла собой пиршество для дикарей, которые, очевидно, еще не решили судьбу всадника. Наевшись до отвала, индейцы улеглись на землю и уснули. Их пленник был тяжело ранен и связан крепкими ремнями из оленьей шкуры, так что сбегать ему было совершенно невозможно, и в самом сердце этой огромной дикой местности сумрачные сыновья спали в полной безопасности.

Джордж Уотерс подкрадывался все ближе и ближе к пленнику, и ему пришлось проползти между двумя спящими дикарями, чтобы добраться до него; затем он медленно поднялся у ног Мартина, который, не в силах заснуть от боли, был единственным бодрствующим человеком в лагере. Пленник видел, как он приближается, видел, как он достает нож, и ожидал, что его убьет враг; но он не издал ни единого крика. Лучше быть заколотым в сердце Джорджем Уотерсом, чем подвергнуться пыткам со стороны своих злобных похитителей.

Джордж Уотерс разрезал путы из оленьей шкуры, которыми он был привязан к дереву, и шепотом спросил:

"Ты можешь ходить?"

"Нет".

"Я понесу тебя".

Он взвалил раненого на свои широкие плечи и осторожно понес его из лагеря. Не было произнесено ни слова. Язык Джоэла Мартина словно внезапно парализовало. Джордж Уотерс шел медленно, осторожно и молча. Индейцы спали. Когда они удалились от лагеря на некоторое расстояние, Мартин, у которого была лишь одна мысль о плане Уотерса, сказал:

"Ты уже достаточно далеко зашел со мной. Остановитесь прямо здесь и покончите с этим. Я не стану возмущаться".

"Джоэл Мартин, вы храбрый человек, я знаю..." - начал мистер Уотерс, но Мартин снова прервал его, сказав:

"Я не буду возмущаться. У вас на поясе нож. Уколите меня, и покончим с этим".

"Не буду".

"Куда вы собираетесь меня отвести?"

"К моей лошади".

Мартин поворчал на бесполезную задержку, но согласился, и его понесли к лошади.

"Вы умеете ездить верхом?" спросил Уотерс.

"Да".

"Я помогу вам сесть в седло и, если вы считаете, что есть опасность падения, могу привязать вас".

Он помог раненому взобраться в седло и взял в руку поводья, сказав: "Держи, а я поведу".

"Джордж Уотерс, куда вы едете со мной?"

"В Виргинию".

"Может быть, вы намерены пощадить мою жизнь?"

"У меня нет повода ее отнимать".

Удрученный виргинец больше ничего не сказал. Всю ночь они ехали через леса и равнины. На рассвете они оказались среди гор. Они отдохнули, и Джордж Уотерс присматривал за раненым, пока тот спал.

К середине дня они снова двинулись в путь. Раны мистера Мартина воспалились и болели, его лихорадило. На следующий день они добрались до деревни дружелюбных индейцев и оставались там две недели, пока раненый не смог идти дальше. Джордж Уотерс шел с ним до тех пор, пока они не оказались в виду деревни в верховьях реки Джеймс.

"Я не могу идти дальше, мистер Мартин", - сказал Джордж Уотерс.

"Я понимаю", - ответил тот, спрыгивая с седла.

"Вы можете проехать к тем домам?"

"Да".

"Если нужно, я отвезу вас ближе".

"Нет".

Джордж Уотерс вырезал две крепкие палки с вилами, чтобы подложить их под руки в качестве костылей. Мартин наблюдал за его добрыми действиями, а на его лице появилось более мягкое выражение. Он уже собирался уйти, но обернулся и, схватив Уотерса за руку, воскликнул:

"Да благословит вас Бог! Вы - мужчина!"

Не желая больше рисковать собой, он отвернулся, и Джордж Уотерс снова скрылся в лесу. Он добрался до Бостона в начале 1692 года, сразу после того, как его брата и других людей оправдали по обвинению в колдовстве.

Осознав, что безумие прошло, Чарльз Стивенс и его мать вернулись в свой дом в Салеме, уверенные, что им больше не стоит опасаться преследований со стороны Пэрриса, власть которого ушла.

Уильям Пенн.

На следующий день после приезда, проходя по одинокой тропинке неподалеку от деревни, Чарльз неожиданно наткнулся на Сару Уильямс.

Ее глаза пылали огнем надежды, фанатизма и разочарованной гордости.

"Чарльз! Чарльз!" - вскричала она. "Нет, не отворачивайтесь от меня, ибо, как свидетельствуют небеса, я не заставлял вашу мать кричать на меня!"

"Сара Уильямс, я, как никто другой, готов забыть прошлое, а если и вспоминать его, то только как ужасный кошмар, из которого, благодаря Провидению, мы вырвались навсегда".

"Чарльз, давай останемся друзьями".

"Я не хочу быть вашим врагом, Сара Уильямс".

"А вы не можете быть врагом, Чарльз?" - сказала красавица вдова, опустив темные глаза в пол, а ее щеки залил румянец.

"Что вы имеете в виду, Сара Уильямс?"

"Ты любил меня".

Молодой человек вздрогнул и сказал:

"Вы заблуждаетесь".

"Нет. Вы признались мне в этом в присутствии Эбигейл Уильямс. В то же время вы признались, что убили Сэмюэля Уильямса, чтобы жениться на мне".

Чарльз Стивенс был поражен и мог только изумленно смотреть на дерзкую, беспринципную женщину, которая обучалась у Пэрриса, пока не стала способна практически на любой обман, чтобы доказать свою правоту.

"Сара Уильямс, то, что вы говорите, - ложь!" - заявил он голосом, охрипшим от изумления и возмущения.

"Мы увидим! Увидим!" - ответила она хриплым, пронзительным голосом. "Я докажу это. Вот увидите, я докажу это и повешу вас. Осторожно! Я обвиняю вас не в колдовстве, а в убийстве. Или займите место, которое освободилось после смерти Сэмюэля Уильямса, или будьте повешены!"

Как наименьшее из двух зол, Чарльз Стивенс дал понять, что предпочитает повеситься, и, резко развернувшись, покинул ее. На следующий день в деревне его встретили Блай и Лаудер, которые допросили его о недавней ссоре с Сарой Уильямс по поводу умершего мужа. Зная, что оба они отъявленные лжецы и беспринципны, как и дерзки, он старался избегать их; но они следовали за ним повсюду и допрашивали его, пока он не почувствовал крайнее отвращение и, наконец, не вырвался и не ушел домой.

Чарльз Стивенс не стал рассказывать матери об угрозе Сары Уильямс, посчитав ее слишком абсурдной, чтобы обращать на нее внимание. Через три или четыре дня, когда он уже почти перестал думать об этом, они с матерью оторвались от ужина, услышав громкий стук во входную дверь.

"Сиди спокойно, Чарльз, а я пойду посмотрю, кто этот поздний посетитель".

Она встала, подошла к двери и открыла ее.

За дверью стояли три или четыре темных фигуры.

"Чарльз Стивенс дома?" - спросил один из них.

"Да, сэр".

"Я хочу его видеть".

"Кто вы?"

"Разве ты не знаешь меня, Хэтти Стивенс? Я шериф", - смело ответил тот, кто без приглашения вошел в дом.

"You the sheriff! Что вам здесь нужно?"

Повернувшись к вошедшим, он негромко сказал:

"Охраняйте двери".

Ошеломленная мать повторила:

"Вы шериф! Что вам здесь нужно?"

"Я хочу видеть вашего драгоценного сына, вдова Стивенс, и, думаю, он догадается о цели моего визита".

"Мой сын! Конечно, он не сделал ничего плохого. Он не нарушил ни одного закона".

"Где он?"

Голос шерифа звучал значительно выше обычного, и Чарльз Стивенс, услышав его на кухне, встревожился и поспешил в переднюю квартиру, сказав:

"Я здесь. Это меня вы хотите видеть?"

"Да, Чарльз Стивенс, я арестовываю вас именем короля".

"Арестовать меня? Поженитесь! Какое преступление я совершил, чтобы меня арестовывали королевские офицеры?"

"Это убийство!" - ответил он.

"Убийство!" - вскричали мать и сын.

"Да, это так", - ответил шериф. Затем он предъявил ордер, выданный по жалобе Сары Уильямс и обвиняющий Чарльза Стивенса в убийстве некоего Сэмюэля Уильямса.

Чарльз едва поверил своим ушам, когда услышал, как зачитывают ордер. Он давно знал, что Сара Уильямс - смелая и коварная женщина, но чтобы она пошла на такие смелые и отчаянные меры, как эта, казалось невозможным.

"Я невиновен!" - заявил он, в то время как его мать опустилась в кресло и уткнулась лицом в руки.

"Так всегда бывает. Самый виновный негодяй на земле невиновен, судя по его словам", - ответил шериф.

Чарльз Стивенс просил не заключать его в тюрьму, но ему ответили, что ничего не поделаешь, и он поспешил в тюрьму, оставив мать, убитую горем, в кресле.

Прошло несколько дней, прежде чем весть об аресте Чарльза Стивенса достигла Бостона. Обвинение было заинтересовано в том, чтобы скрыть это от друзей обвиняемого, поскольку у

семьи Стивенсов было много друзей в высших кругах колонии, и они могли вмешаться в предстоящий процесс.

Кора Уотерс несколько недель жила в неведении об опасности, грозящей любимому мужчине. Ее отец вернулся домой, дядя снова был с ними, и она была почти счастлива. Бедное дитя несчастья, она никогда не знала настоящего счастья.

Мрачная зима уходила, и улыбающаяся весна обещала стать гостьей Новой Англии. С весной всегда приходят надежда, мир и новизна жизни. Весна радует сердце и омолаживает возраст.

Однажды утром, когда в воздухе еще витало морозное дыхание зимы, Кора Уотерс, рано вставшая, увидела большой корабль, входящий в гавань. Ветер был попутным, но судно умело управлялось, швартовалось то в одну, то в другую сторону и постепенно входило в гавань. Из одного из его портов вырвался дым, а затем раздался тяжелый выстрел из пушки, на который с берега ответили салютом.

"Скоро корабль будет здесь", - объявила девушка. "Я пойду и посмотрю на него".

В небольших портовых городах, каким в то время был Бостон, появление корабля вызывало такой же ажиотаж, как в наши дни прибытие поезда по новой железной дороге в западную деревню. Многие люди спешили на берег, где лодка должна была доставить пассажиров. Некоторые ожидали друзей. У других были письма от близких из-за моря, но у Кору не было такого повода. Простое девичье любопытство побудило ее отправиться вместе с толпой на пляж.

С судна, которое, не имея палубы, не могло пристать к берегу и было вынуждено бросить якорь на некотором расстоянии от него, спустили шлюпки. Лодки, наполненные пассажирами, гребли к берегу.

Кора стояла и с беспечным, праздным видом разглядывала джентльменов и леди, высаживающихся на берег. Ни один из них не вызвал у нее особого интереса. Многие приветствовали родственников и друзей, но у нее не было ни друзей, ни родственников, да и к чему ей все эти люди?

Она уже собиралась отвернуться, как вдруг ее внимание привлекло лицо и пара темно-голубых глаз. Она невольно вздрогнула и нагло уставилась на незнакомца, сердце ее колотилось, а дыхание сбивалось на короткие быстрые вздохи.

"Это лицо, это лицо! Я видела его во сне!" - подумала она.

Это было бледное лицо женщины, все еще красивой, хотя черты ее лица выражали страдание и тревогу. Она была одета в черное с головы до ног, а вокруг головы была накинута вуаль черного цвета. Несколько мгновений она стояла, оглядываясь по сторонам, а затем подошла прямо к Коре и спросила:

"Молодая девушка, вы живете в этом городе?"

"Пока живу", - ответила Кора, но инстинктивно вздрогнула, ибо и этот голос прозвучал как давно забытый сон. Что за странные чары овладели ею? Женщина спросила:

"Не могли бы вы направить меня в дом общественных развлечений?"

"Пойдемте со мной".

Кора знала, что женщина страдала от морской болезни и очень хотела попасть на сушу. Она поспешила с ней в публичный дом, который содержала вдова Стивенс, чей муж был дальним родственником Чарльза. Пока они шли по холму к дому, женщина продолжала засыпать Кору вопросами:

"Вы уроженка Америки?" - спросила она.

"Нет".

"Вы родились в Англии?"

"Да".

"Вы давно здесь?"

"Я была совсем ребенком, когда приехала", - ответила она.

"Вы давно живете в этом городе?"

"Всего несколько месяцев", - ответила она.

Они уже почти добрались до места назначения, когда Кора увидела, что навстречу им идет отец. При виде спутницы дочери лицо отца стало белым как смерть, и, выскочив вперед, он оттащил ее в сторону, сказав:

"Нет, нет! Кора, ты больше ни шагу с ней не ступишь!"

При звуке его голоса женщина в черном схватила его за руку и закричала:

"Джордж! Джордж! Джордж!"

"Прочь! Прочь!"

"Нет, нет! Теперь, когда я нашел тебя, я не отпущу тебя. Ты можешь убить меня, отрубить мне руки, и все равно пальцы будут цепляться за тебя. О, Боже! Я благодарю тебя, что спустя столько лет ты ответил на мои молитвы!"

"Женщина, отпусти меня!"

"Джордж! Джордж!"

Кора потерялась в лабиринте недоумения. Она видела, как странная женщина в черном сжимает руку ее отца и зовет его Джорджем, а он пытается ее прогнать.

Вокруг них собралась огромная толпа людей. Мистер Уотерс стал грубить, пытаясь вырваться. Наконец он оттолкнул ее, и она упала, ударившись лбом об острый угол камня, отчего кровь прилила к ее белому лбу. Женщина упала в обморок. Вид крови тронул сердце Джорджа Уотерса, и, опустившись, он поднял неживую фигуру на руки, так нежно, словно она была младенцем, и отнес ее в публичный дом и в отдельную комнату.

Когда женщина в черном пришла в себя, они с Джорджем Уотерсом были одни, и он нежно перевязывал нанесенную им рану.

"Джордж, - сказала она с улыбкой, - вы позволите мне поговорить с вами?"

"Да".

"Джордж, ты считал меня виновной, когда бросил в Эдинбурге?"

"Да".

"И сейчас веришь?"

"Верю".

"Джордж, Джозеф Шварц сказал тебе неправду".

"Нет, нет, женщина, не надо..."

"Подожди, Джордж, позволь мне показать тебе его предсмертное признание. Позвольте мне показать вам свидетельство священника".

Она взяла небольшую сумку из красной кожи, какими в те времена пользовались дамы, расстегнула завязки и, открыв ее, достала несколько бумаг, которые протянула ему.

"Вам знаком этот почерк?" - спросила она.

"Это Джозеф Шварц, мой лучший и верный друг".

"Нет, нет; прочтите его признание на смертном одре, и вы поймете, что он был вашим злейшим врагом".

Он прочел бумагу до конца, и руки его дрожали от волнения, изумления и ярости. Он уже собирался что-то сказать, но она прервала его, сказав:

"Нет, нет; не надо, не надо, Джордж. Он мертв - давайте простим. Если вам нужны еще доказательства, они у меня есть. Посмотрите показания отца Хили. Он взял признание Джозефа Шварца".

Взглянув на бумагу, он отбросил ее в сторону и воскликнул:

"Оноре! Оноре! Простите меня! Я должен был поверить вам, а не ему. Я украл вашего ребенка и, как глупец, сбежал, не расспросив вас".

"Я шестнадцать лет искал эти доказательства. Без них я бы не пришел. Вы прощены, ведь теперь, когда у вас есть доказательства, вы верите".

Когда Джордж Уотерс вышел из комнаты, его встретила дочь Кора, которая спросила:

"Отец, кто она - женщина в черном?"

"Ангел - твоя мать!"

"Могу я увидеть ее?"

"Да, сейчас же", - и он повел ее в квартиру.

ГЛАВА XX.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Как спокойно, как прекрасно наступает
В прохладный час, когда утихают бури;
Когда утихают воюющие ветры,
И облака под лучами солнца
Растают и оставят землю и море
Дремлют в светлом спокойствии,
Свежие, как будто день снова родился,
Снова на коленях Морна.
-Мур.

В своей темнице Чарльз Стивенс узнал, что завеса тайны, которая, словно грозная туча, окутывала жизнь Кора Уотерс, приподнята, и солнечный свет впервые пролился на ее душу. Она познала материнскую любовь. Ее родители, разлученные с младенчества, вновь соединились. О таких случаях рассказывают в песнях и сказках, но они редко известны в реальности. Чарльз услышал эту историю во всех подробностях от своей матери во время одного из ее визитов. Он также узнал, что колония Виргиния с королевской санкции помиловала мистера Джорджа Уотерса за "смерть Джеймса Мартина, бывшего надсмотрщика Томаса Халла".

"Я рад, что они счастливы, мама", - сказал несчастный узник.

"Это награда, которая в конце концов ожидает справедливых", - сказала она.

"Они забыли меня".

"Чарльз, почему ты так говоришь?"

"Если бы Кора Уотерс не забыла меня, она бы обязательно навестила меня во время болезни и в тюрьме".

"Они только что узнали об этом", - ответила она.

"Только что узнали об этом!" - повторил он, пораженный. "Я пролежал в этой темнице три долгих недели, а вы говорите, что они только что узнали об этом".

"Уверена, что слышали".

"Мама, это кажется невозможным. Я думала, что об этом знает весь мир".

"Но об этом знают немногие, сын мой. Похоже, обвинение задумало сохранить это дело в тайне. Ты не писал. Ты не отправлял никаких сообщений?"

"Нет, мама".

"Тогда, прошу вас, как они могли узнать об этом, кроме как по чистой случайности? Проходивший мимо незнакомец принес новость".

Чарльз Стивенс вздохнул.

"Возможно, так оно и есть; но казалось, что мои стоны и вздохи должны быть услышаны всем миром, однако ни Кора Уотерс, ни Адельфа Лейслер, у чьего плеча я стоял утешителем в темные часы беды, не сочли нужным предложить мне ни слова утешения".

"Мне кажется, Чарльз, что Адельфа этого не знает. Кора приезжает".

"Кто вам сказал?"

"Друг из Бостона сообщил, что братья Уотерс с вновь обретенной женой, матерью и Корой едут в Салем, чтобы оказать вам посильную помощь".

Чарльз печально покачал головой и сказал:

"Мои бедные друзья ничего не могут для меня сделать".

"По крайней мере, они могут утешить тебя и успокоить".

"Да; но что еще?"

"Это уже много".

"Верно, и я это оценю. Я не могла подумать, что Кора забудет меня. Да и Адельфа, если бы знала, тоже".

Его мать, подождав некоторое время, пока сын возобновит разговор, наконец сказала:

"Чарльз, если бы за тобой оставался выбор, на ком из них, Адельфе или Коре, ты бы женился?"

Чарльз, улыбаясь, ответил:

"Матушка, не пристало человеку, живущему под сенью эшафота, думать о браке".

"Чарльз, неужели ты действительно считаешь свое дело таким серьезным?"

"Да, матушка. Я знаю это".

"О, Чарльз, конечно, они не осудят тебя! У них нет доказательств. Ты невиновен".

"Я невиновен, мама, но это не причина, чтобы против меня не было представлено доказательств".

"Но они будут ложными".

"Конечно, ложными; но многие были повешены на показаниях, ложных, как сам сатана".

"О, Чарльз, что же нам делать?"

"Уповай на Господа, мама. Когда вся земная помощь уходит, мы можем надеяться только на Бога. Я молился Ему, чтобы, если на то будет Его воля, чаша сия миновала меня; но да будет воля Его, а не моя. Если я должна умереть мученицей за ложь этой женщины, я молю Его дать мне достаточно сил, чтобы выдержать это испытание".

Мать упала на шею сына, рыдая:

"Ты не умрешь! О, мой сын! Мой сын!"

Чарльз, как мог, утешил мать, и она ушла. Все вокруг было мрачно и беспросветно. Он знал, что злоба и ненависть преследуют его, вцепились в горло и не отпускают, пока не утащат его к смерти. Он был погружен в мрачные размышления, когда дверь его камеры открылась, и тюремщик, войдя, сказал:

"К вам еще один посетитель, Чарльз Стивенс".

"Еще один посетитель? Кто это может быть?" - спросил он.

"Это я", - и Сэмюэл Пэррис вошел.

На мгновение Чарльз Стивенс был поражен дерзостью пастора Салема, осмелившегося войти в келью того, кого он обидел. Хотя власть мистера Пэрриса пошла на убыль, она не исчезла полностью. Воспользовавшись замешательством Чарльза Стивенса, он подал тюремщику сигнал оставить их, а сам вышел, закрыв за собой железную дверь. Сложив руки на груди, Пэррис смотрел на пленника.

Чарльз Стивенс, чью талию опоясывал толстый кожаный ремень, прикрепленный цепью к стене, сидел на жалкой койке, склонив лицо на руки. Он не поднимал глаз на белое, трупное лицо и огромные пылающие глаза, которые с яростью смотрели на него, хотя прекрасно знал, что эти глаза устремлены на него.

"Чарльз!" - наконец произнес глубокий могильный голос.

"Ну что?"

"Посмотри вверх".

Вздохнув, молодой узник поднял голову. Каждое его движение сопровождалось бряцанием цепей.

"Чарльз, ты не поверишь мне, когда я скажу, что сожалею об этом".

"Нет, не поверю".

"Тем не менее, я сожалею. Чарльз Стивенс, вы меня не знаете; мир меня неправильно оценивает, и все будущие поколения будут делать то же самое. Некоторые поступки, которые я совершил, могут показаться жестокими, но мне было велено Небесами совершить их".

"Сэмюэл Пэррис, если ты пришел, чтобы упрекнуть меня, позлорадствовать над моим пленом и усугубить мои страдания, то так и сделай. Я бессилен и не могу сопротивляться тебе, но прошу тебя не хулить своего Создателя".

Огромные глаза Пэрриса сверкнули угрюмым огнем, тонкие губы разошлись, дыхание стало коротким и быстрым, и несколько мгновений он не мог ответить. Наконец, успокоившись, он сказал своим глубоким могильным голосом:

"Чарльз, я вам не нравлюсь?"

"Признаюсь".

"Я упрекал тебя за твои греховные связи, а злые не любят упреков. Бесы сказали Спасителю, когда Он изгонял их: "Оставь нас, нам нечего делать с Тобой". Повсюду в этой жизни грешник говорит: "Оставьте меня в покое", но мое призвание - идти вперед и выхватывать бренды из огня. Чарльз, почему вы не осудите ребенка этого игрока?"

"Она не сделала ничего плохого".

"Вы любите ее?"

"Это вопрос, который вы не имеете права задавать или ожидать от меня ответа".

"Я прочитал его в вашем сердце".

"У меня нет ответа".

"Что вы можете сказать в оправдание своего поведения до сих пор?"

"Ничего".

"Почему вы вернулись в Салем?"

"Это мой дом".

"Вы предвидели это обвинение?"

"Нет".

"И чего же вы ожидаете теперь?"

"Смерти".

"У вас нет надежды спастись?"

"Никакой".

"Но вы выглядите спокойным и собранным".

"А почему бы и нет?"

"Большинство мужчин боятся смерти".

"Верно."

"А вы не боитесь?"

"Я бы предпочел жить".

"Что бы вы согласились сделать, чтобы спасти свою жизнь?"

"Ничего постыдного".

"То, что я собираюсь предложить, ни в коем случае не бесчестно, а почетно и справедливо во всех отношениях".

"Продолжайте".

"Вы обвиняетесь в смерти Сэмюэля Уильямса. Независимо от того, виновны вы или нет, совершенно ясно, что Уильямс мертв. Теперь обязан позаботиться о вдове. Она молода..."

"Подождите, мистер Пэррис! Если вы собираетесь предложить мне жениться на Саре Уильямс, пощадите ваши слова; я этого не сделаю".

"Чарльз Стивенс, вы ищете смерти?"

"Чарльз Стивенс, вы ищете смерти?"

"Никто не должен жениться там, где нет сердца. Эта дерзкая, беспринципная женщина уже завоевала мое презрение".

"Позаботьтесь!"

"Пойдите и скажите ей, что Чарльз Стивенс предпочитает смерть на виселице, чем стать ее мужем".

Мистер Пэррис несколько минут смотрел на беспомощную пленницу, его тонкие губы кривила ехидная улыбка.

"Чарльз Стивенс, - сказал он низким размеренным тоном, - вы глупец. Знаешь ли ты, что такое умереть? Вы считали, сколько стоит прыжок в темноту?"

"Ни один здравомыслящий человек не желает смерти; но для христианина, соблюдающего Божьи заповеди, это чудовище лишено половины своих ужасов. Бог мудро устроил нас так, что мы боимся смерти. Если бы это было не так, мы бы не хотели терпеть несчастья, разочарования и беды, которые обрушиваются на нас от колыбели до могилы; но христианин может сказать "добро пожаловать" смерти, предпочитая ее бесчестию. Я благодарю Бога, Сэмюэл Пэррис, что могу вместе с древними пророками сказать: "О, могила, где победа твоя?".

"Чарльз Стивенс, вы никогда не думали, что, в конце концов, это тоже может быть заблуждением? Что Библия может быть всего лишь не вдохновленной работой человека, и что, возможно, нет никакого потустороннего мира - нет Бога, кроме как в природе?"

"Так вы стали атеистом?" - воскликнул Чарльз. "Может быть, вы всегда им были?"

"Чарльз Стивенс, человек не может не сомневаться".

"Не нужно лицемерить, мистер Пэррис. Сомнения можно даже прогнать. Истинный христианин никогда не сомневается и не боится. Молитесь о вере, верьте в свои молитвы, верьте и просите Бога помочь вашему неверию, и сомнения исчезнут".

"Чарльз, ты слишком молод, слишком мудр, чтобы умереть. Прими Сару Уильямс и живи".

"Никогда! Прочь, лицемер! Мошенник, прочь!"

Пастор, совершенно смирившись, повернулся и вышел из тюрьмы. В его огромных злых глазах был злобный блеск, не предвещавший несчастному узнику ничего хорошего.

Еще несколько недель Чарльз Стивенс томился в тюрьме. Кора, ее отец и мать приехали в Салем и навестили его. Когда Кора Уотерс взглянула на молодого человека, с которым рассталась несколько недель назад в полном расцвете сил и молодости, и увидела его истощенным, слабым и бледным, таким, что она едва узнала его, она сломалась и разрыдалась. Они остались вдвоем в камере. Тогда Чарльз рассказал ей, как неопределенны были его шансы на жизнь и как неотвратимо приближалась смерть. Он не мог уйти из этой жизни, не сказав ей, что любит ее и что хотел бы жить, чтобы сделать ее своей женой. И хотя в этом удовольствии ему навсегда отказано, ему было бы приятнее провести последние дни, зная, что его любовь возвращена.

Что она могла ответить? Она, чьей самой заветной надеждой было это, ничего не сказала; но, с переполненным сердцем, она обняла пленника и разрыдалась. Неужели она завоевала его только для того, чтобы потерять? Неужели его отняли у нее в тот самый момент, когда он стал ее собственностью?

"Нет, нет, нет! Они не смогут! Они не смогут!" - рыдала она.

С этого дня Кора разделяла заточение своего возлюбленного, насколько это позволял тюремщик. Она утешала его и уверяла, что ее нерушимая любовь последует за ним в могилу. Их надежды росли и угасали по мере приближения дня суда.

Наконец роковой день настал, и Чарльз предстал перед судом присяжных по обвинению в убийстве Сэмюэля Уильямса. Он не признал себя виновным и сделал все возможное для защиты. Это было все равно что сражаться с батареей в масках, ведь они не знали, какие

улики будут против них. Суд открылся, и Сара Уильямс, чтобы сделать сцену более эффектной, пришла одетая в черное и выглядевшая очень бледной. Ее вызвали к трибуне, и она между слезами и рыданиями рассказала свою печальную историю о том, как ее любящий муж однажды поссорился с обвиняемым, а тот стал ему угрожать. Присутствовал ли еще кто-нибудь? Да. Джон Блай и мистер Лаудер присутствовали, когда он угрожал убить ее мужа. Чарльз Стивенс вспомнил, что в детстве у него была небольшая ссора с мистером Уильямсом, но это было настолько пустяковое дело, что он забыл о нем до сих пор. Затем она рассказала, что ее любящий муж боялся, что его убьет Чарльз Стивенс, и что он уехал в Нью-Йорк в путешествие, а в тот же день Чарльз Стивенс пришел к ней домой и спросил, куда уехал ее муж, и у нее есть все основания полагать, что он поехал за ним.

Были и другие свидетели, которые поклялись, что примерно в это время Чарльз Стивенс покинул город и отсутствовал некоторое время. Чарльз вспомнил, что по этому случаю он отправился в путешествие на Род-Айленд.

Затем пришли двое незнакомцев, очевидно, мореплаватели, люди самого низкого пошиба. Они были жестоки, беспринципны и, как выяснилось впоследствии, вели жизнь буканьеров. Оба поклялись, что знают обвиняемого, хотя он никогда не видел их раньше. Они видели, как обвиняемый убил Сэмюэля Уильямса на Лонг-Айленде, недалеко от пляжа, и оба рассказали, как он тащил тело по песку и бросил его в воду, где его унесло течением. Их показания были подтверждающими.

Далее были представлены Блай и Лаудер, которые дали показания, что обвиняемый признался им в убийстве Сэмюэля Уильямса, и что обвиняемый был сильно увлечен женой убитого.

Мистер Пэррис и другие свидетельствовали, что неоднократно видели его в компании Сары Уильямс и что он проявлял к ней большую симпатию.

"Что вы можете сказать по поводу этих показаний?" - спросил главный судья у заключенного.

"Я могу только сказать, что все они отъявленные лжецы".

"Присяжные обратят внимание на то, как подсудимый нападает на людей с непререкаемым характером. Даже министр подвергается нападкам".

Раздался ропот недовольства, к которому присоединились даже некоторые присяжные.

Судьи, присяжные и обвинители - все были против Чарльза, и суд над ним должен закончиться приговором. Люди были взволнованы подлым убийством и начали жаловаться на задержку судебного разбирательства, которое тянулось день за днем почти неделю.

Наконец все улики были собраны, и прозвучал последний аргумент. Все было против заключенного. Обвинение было так искусно спланировано и осуществлено, что результат мог быть только один. Чарльз Стивенс был совершенно спокоен, а Кору унесли в обморочном состоянии. Мистер Уотерс подошел к заключенному, чтобы поговорить с ним.

Лицо Чарльза было белым, как смерть, но разум его был ясен и не проявлял ни малейшего волнения.

"Результат может быть только один, - сказал заключенный. "Оправдание невозможно. Будьте добры к Коре и матери и не пускайте их в этот день. Для них это будет слишком тяжело. Они не забудут этого до самой смерти".

Мистер Уотерс заверил его, что его последние просьбы будут выполнены, и сказал несколько слов утешения и надежды. За последнее время на виселице погибло столько хороших людей, что повешение перестало быть позорным. Так умирали лучшие и чистейшие.

Присяжные отсутствовали всего несколько минут, когда в зале поднялся шум, и послышались голоса, взывающие:

"Подождите! Подождите! Не выносите вердикт!"

В зал суда ворвалась толпа мужчин, во главе которой стоял высокий молодой человек, чье побитое непогодой лицо свидетельствовало о мореходной жизни. Его жестокие серые глаза, дерзкие манеры, а также пистолеты и тесаки на поясе придавали ему вид пирата.

"Я не умер, я думаю! Кто сказал, что я мертв?" - спросил он.

"Сэмюэл Уильямс! Жив!" - закричали несколько голосов.

"Кто сказал, что я убит?"

Сара Уильямс с воплем поднялась и уставилась на мужа, словно на привидение, а все свидетели, включая преподобного мистера Парриса, были в замешательстве. Присяжные были отозваны, и Сэмюэл Уильямс сам взял слово. Он сказал:

"Я ушел от жены, потому что не мог с ней жить, и, женись! Я предпочел бы повеситься, чем существовать с ней. Я отправился в Нью-Йорк, где капитан Роберт Кидд набирал рекрутов на каперское судно *"Авантюрист"*, чтобы защищать торговлю от французских каперов и морских разбойников. Я поступил на службу, а затем со ста пятьюдесятью людьми Кидда хорошо послужил на американском побережье, и мы отправились в Индийский океан, чтобы нападать на пиратов. Награбленное у пиратов заставило нас жаждать еще большей добычи, и Кидд сам стал пиратом. Вооруженные тесками и пистолетами, мы брали на abordаж многие суда, как английские, так и других национальностей. Мы побывали в Южной Америке, Вест-Индии и, наконец, прибыли в Нью-Йорк, где капитан Кидд темной ночью высадился на острове Гардинера, к востоку от Лонг-Айленда, с огромным сокровищем из золота, драгоценностей и камней, которое он зарыл в землю. Оттуда мы прибыли в Бостон. Все были помилованы, кроме Кидда, который вчера был арестован и отправлен в Англию для суда. [F] Я услышал, что за мое убийство арестован человек, и поспешил спасти его".

[F] Кидда впоследствии судили, осудили и повесили в цепях, но его сокровища на острове Гардинера до сих пор не найдены.

Романтическая история вернувшегося пирата произвела глубочайший фурор среди присутствующих в зале суда. Присяжные только что вынесли обвинительный вердикт, как их отозвали и велели вынести оправдательный приговор, что они и сделали. Мистер Пэррис удалился в унижении и позоре. Кора упала в обморок в объятиях своего спасенного возлюбленного, а миссис Стивенс, упав на колени, благодарила Бога за то, что свет небес наконец-то осветил путь, который так долго был темным. Мать Кору пришла забрать ее у освобожденного пленника, но он не отдал ее, держа ее до тех пор, пока она не пришла в себя, и тогда все вместе, счастливой и единой семьей, отправились домой.

Почти в мгновение ока заблуждение рассеялось, и многие, кто был неправ, поспешили, насколько это было в их силах, исправиться. На смену фанатичным и фанатичным, если не сказать лицемерным проповедникам пришли богобоязненные, праведные служители, более либеральные, обладающие здравым смыслом и человечностью, а также благочестием, что

всегда необходимо для хорошего служителя. Они были либеральны даже к детям игроков, как и к самим игрокам.

Джордж и Генри Уотерс стали гражданами Салема, а Чарльз и Кора поженились через три месяца после оправдания первого. Их жизнь была богата событиями, в ней было столько счастья, сколько обычно выпадает на долю земных смертных, и они оставили девять детей, воспитанных в страхе Господнем и любящих свободу.

Преследования за колдовство были обречены, и вскоре после столь необычного оправдания Чарльза Стивенса они полностью прекратились. Заключенные в тюрьму ведьмы и чародеи были освобождены и отпущены на свободу. Не желая сдаваться, партия суеверий была решительно настроена на один приговор. Жертвой была выбрана Сара Дастон, женщина восьмидесяти лет, которая на протяжении двадцати лет носила неоспоримую репутацию ведьмы. Считалось, что если в мире и существовала ведьма, то только она. Суд над ней проходил в Чарльзтауне в присутствии огромной толпы. Против нее было собрано больше улик, чем против всех, кого судили в Салеме; но здравый рассудок, освобожденный от отвратительных заблуждений, утвердил себя, и присяжные вынесли оправдательный вердикт.

Коттон Мазер, который был основательно пропитан этим заблуждением, чтобы скрыть свое замешательство, возбудил дело о колдовстве в своем собственном приходе. Он утверждал, что в Бостоне творились чудеса. Коттон Мазер, похоже, не был кровожадным, хотя и стремился защитить свое тщеславие больше, чем прихожан, и его заколдованный неофит, пользуясь его предостережениями, был поражен завуалированными призраками. Самозванство было немедленно выставлено на посмешище тем, кого называли "злым, клеветническим и укоризненным человеком, угольком из ада". Это был некультурный, но рациональный Роберт Калеф. Коттон Мазер много писал и говорил на тему колдовства еще долго после того, как это заблуждение исчезло.

Коттон Мазер.

Неумолимое негодование жителей деревни Салем изгнало Пэрриса из этого места. Нойес признал свою ошибку и вину, попросил прощения и посвятил остаток своей жизни делам милосердия. Сьюолл, один из судей, поднявшись в постный день со своей скамьи в доме собраний Старого Юга и прочитав всей общине бумагу, в которой он сокрушался о своем великом преступлении, вернул себе общественное уважение. Стоутон и Коттон Мазер так и не раскаялись. Первый жил гордым, неудовлетворенным и нелюбимым. Второй пытался убедить других и себя, что он не принимал особого участия в трагедии. Его дневник доказывает, что он не полностью избежал укоров совести, поскольку в нем говорится, что Коттон Мазер, который сам искал основание веры в рассказах о чудесах, "испытывал искушения к атеизму и отказу от всякой религии как от простого заблуждения".

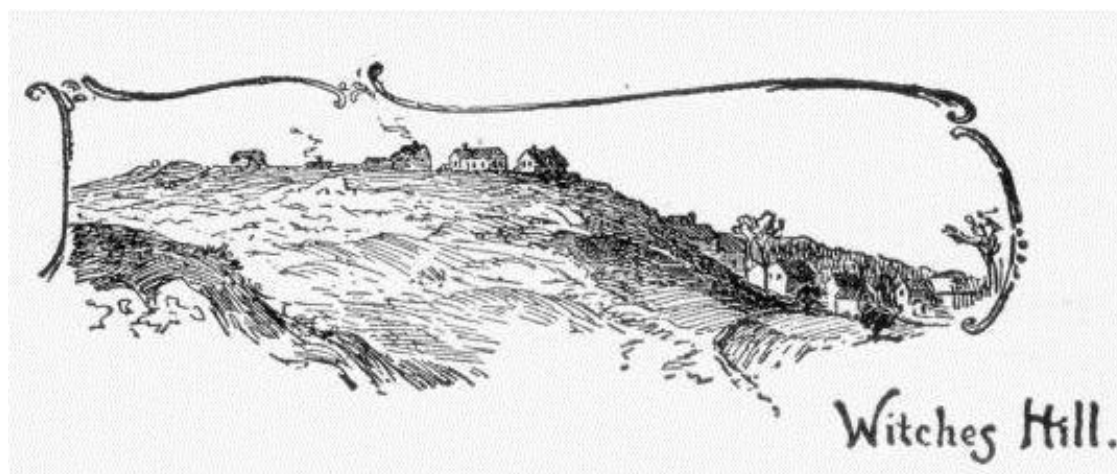
Как буря утихает, оставляя атмосферу более чистой, так и здравый смысл Новой Англии становился более мудрым. Применяя осторожный дух поиска, искореняя ошибки, отвергая

суеверия как склоняющие к трусости и покорности, люди лелеяли религию как источник мужества и источник свободы и навсегда отказались отделять веру от разума.

Действительная судьба мистера Пэрриса доподлинно неизвестна. Некоторые предполагают, что он умер от отвратительной болезни, другие - что, подобно Иуде, он покончил с собой; но мы уверены, что он получил свою долю земных мучений за свое низкое лицемерие и жестокие преступления. Большинство людей, притворявшихся больными, впоследствии сделали признание, признав свою ошибку. Законодательное собрание пыталось исправить некоторые из великих ошибок, совершенных в Салеме; но такие ошибки никогда не могут быть исправлены. Жертвы ненависти и алчности Пэрриса уже двести лет спят на Ведьмином холме, и там ждут, когда труба разбудит мертвых, когда справедливые будут отделены от несправедливых.

В деревне Салем царит мир, счастье и покой. В нежном рокоте волн, шепоте бриза и смехе журчащих ручейков вокруг причудливого старого городка вся природа, кажется, радуется тому, что век суеверий миновал.

КОНЕЦ.

ХРОНОЛОГИЯ.

ПЕРИОД VII.- ЭПОХА СУЕВЕРИЙ.

1680-1700 ГГ. Н.Э.

1680.

Чарльстон, штат Северная Каролина, основан в результате переселения колонии Картерет.

1681.

Пенсильвания, пожалованная Уильяму Пенну Карлом II, - 4 марта.

1682.

Ла Салль исследовал Миссисипи до ее устья; названа Луизиана.

Делавэр (три нижних графства) пожалован Уильяму Пенну, 24 августа.

Филадельфия основана Уильямом Пенном.

1684.	Хартия Массачусетса объявлена английским судом недействительной, 18 июня.
1685.	Восшествие Якова II на престол Великобритании,- 6 февраля.
1686.	Прибытие сэра Эдмунда Андроса, губернатора всей Новой Англии, - 20 декабря.
1687.	Хартия Коннектикута спрятана в Дубе Хартии в Хартфорде,- 31 октября.
1689.	Восшествие Вильгельма III и Марии II на престол Великобритании,- 13 февраля. Война короля Вильгельма между Великобританией и Францией, длившаяся восемь лет.
1690.	Сожжение Скенектади, штат Нью-Йорк, французами и индейцами, - 9 февраля. Порт-Ройал взят англичанами под командованием Фиппса, май.
1691.	Массачусетс, Плимут, Мэн и Новая Шотландия объединены, - губернатор Фиппс, 7 октября. Лейслер и Милборн повешены, 16 мая.
1692.	Суд над колдовством Фиппса в Салеме, штат Массачусетс. (Двадцать человек осуждены за колдовство и преданы смерти).
1694.	Смерть Марии II, королевы Великобритании, - 28 декабря.
1697.	Райсвикский договор завершил войну короля Вильгельма; территория не изменилась, - 30 окт.
1699.	Капитан Уильям Кидд, пират, в бухте Гарднерс, Лонг-Айленд.

Примечание переводчика: Непоследовательное использование дефисов сохранено в оригинале: *Goodwife/Good-wife, firebrands/fire-brands, roadside/road-side, firelight/fire-light, fireplace/fire-place, hubbub/hub-bub, seafaring/sea-faring*. Остальная пунктуация и орфография стандартизированы.